

**Министерство науки и высшего образования Российской
Федерации
ФГАОУ «Казанский (Приволжский) федеральный
университет»
Елабужский институт**

Елабужские филологические чтения

Сборник научных трудов

Елабуга, 2022

**Министерство науки и высшего образования Российской
Федерации
ФГАОУ «Казанский (Приволжский) федеральный
университет»
Елабужский институт**

Международная научно-практическая конференция,
Елабуга, 3 октября 2022 г.

International Scientific and Practical Conference
Elabuga, October 3, 2022

Елабужские филологические чтения

Elabuga philological readings

Сборник научных трудов
Collection of scientific papers

Елабуга, 2022

УДК 80+372.881.1

ББК 80+74.261.7

С

*Рекомендовано к изданию по решению Ученого совета Елабужского института
(филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета
(Протокол № 7 от 27 октября 2022 г.)*

Ответственный редактор

кандидат филологических наук, доцент О.В.Закирова

Научный редактор

кандидат филологических наук, доцент Э.Р.Ибрагимова

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент О.В.Закирова

кандидат филологических наук, доцент Э.Р.Ибрагимова

кандидат филологических наук, доцент А.В.Быков

С

Елабужские филологические чтения: Сборник научных трудов
/ Под ред. О.В. Закировой, Э.Р.Ибрагимовой. – Елабуга, 2022. – 258с.

В сборнике научных трудов представлены статьи ученых, педагогов, студентов – участников Международной научно-практической конференции «Елабужские филологические чтения». В работах рассматриваются актуальные вопросы современной лингвистики и литературоведения, проблемы, связанные с методикой преподавания филологических дисциплин, затрагиваются различные аспекты семантики и функционирования языковых единиц разных уровней

Сборник адресован преподавателям, аспирантам и студентам филологических специальностей.

УДК 80+372.881.1

ББК 80+74.261.7

Елабужский институт КФУ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Айылчиева Д.Т. О выводимости константы и переменных в изречениях Конфуция.....	8
Аманликова Н.Р. Русская литература и фольклор сегодня.....	15
Атамухамедова Г.С. Формирование информационной грамотности как универсального учебного действия на уроках русского языка.....	19
Ахрарова Н.С. Роль и место дистанционного обучения в образовании.....	24
Бабаходжаев Р.Х. Компоненты «кара» и «арык» в гидронимах Узбекистана.....	27
Бабаходжаева М.Х., Ахмедов О.В. Концепт «семья» в терминах родства в узбекском и русском языках.....	32
Бачкова А.Г. Развитие читательской грамотности посредством электронных образовательных платформ.....	37
Белоусова М.В. Логотип политической партии как креолизованный текст (на примере логотипа партии «Единая Россия»).....	43
Воронцова Т.А., Копылова Т.Р. Виды молчания в речевом взаимодействии (на материале русской лингвокультуры).....	50
Гребенкина Е.К., Курбанбаева Д.С. Десемантизация числа: русское слово в контексте западноевропейских языков.....	55
Долгополова Л.А. Падежные формы инфинитива в древнегерманских языках.....	63
Забалуев М.Д. Роль критики в формировании литературной репутации М.Горького.....	66

Закирова О.В., Комарова Д.Б. Акциональные глаголы как средство репрезентации образа мужа в русских поговорках.....	72
Зверева К.С. Компетентностное портфолио как инструмент педагогического моделирования филологического образования.....	79
Зеленина Т.И., Федорова И.А., Хайдаров Я.Р., Прохорова Л.П., Мельничук О.А., Самсонова М.В. Романские языки в филологическом образовании российских вузов: сетевое взаимодействие (Якутск – Кемерово – Ижевск).....	83
Злобин А.А. Смысловый потенциал лексем рак и опухоль в повести А.И. Солженицына «Раковый корпус».....	96
Иванова В.С. Ранняя поэзия О. Э. Мандельштама в интерпретациях и оценках литературной критики 1910-х гг.....	103
Ивыгина А.А., Данилова Ю.Ю. Способы лексической репрезентации концептов «дорога/путь» в романе Я. Иккеса «На задворках распятой страны».....	109
Ивыгина А.А., Мухаметшина Д.Р. Формирование произносительной культуры студентов- инофонов на занятиях РКИ в формате дистанционного обучения: фонетико-фонологический аспект.....	117
Калмурзаева А.А., Балтабаева Э.М. Концепт «Черт-Шайтан» в русско-кыргызской поговорочной картине мира.....	126
Калмурзаева А.А., Багышбекова Н. О нетюркских названиях бога.....	131
Калмурзаева А.А., Багышбекова Н. Пратюркское название бога (Тенгри) в сравнительном освещении.....	134
Камилова М.Г. Современные тенденции развития филологического образования.....	140

Килина Л.Ф., Загребина У.С. Прилагательное <i>злостный</i> в художественных текстах XIX века: особенности семантики и функционирования (на материале национального корпуса русского языка).....	143
Корнева О.В. Судьба фольклорных сказок и особенности их перехода в литературу.....	148
Краснова А.В. Образ учителя в повести А. Жвалевского и Е. Пастернак «Я хочу в школу!».....	153
Кудрявцева Е.Л., Бубекова Л.Б. Иммерсионное чтение как путь к осознанному действию (на примере прочтения рассказа А.П. Чехова «Толстый и тонкий»).....	161
Милютина М.Г. Конструкции с инфинитивом как способ создания внутреннего монолога в романе Г.Яхиной «Зулейха открывает глаза».....	166
Пупышева Е.Л. Методика преподавания русского языка в педагогическом вузе: традиции и инновации.....	175
Равилова Л.Ф. (Этно)лингвокультурный код: история изучения и содержания понятий.....	180
Рождественская О.Ю. Курс "Русский язык и культура речи": типичные ошибки студентов при разграничении тавтологии и плеоназма.....	188
Русанова О.С. Глагольно-именные сочетания с компонентами оказывать/оказать в русских деловых текстах XVIII в. (на материале Национального корпуса русского языка).....	193
Сагдуллина И.Р., Ибрагимова Э.Р. Экспрессивная функция многоточия в современном русском языке (на материале повести Б.Л.Васильева «А зори здесь тихие...»).....	198
Салимова Д.А. Языковое «бунтарство» в стихах М.И. Цветаевой.....	204

Тойкина О.В., Шпилева Г.С. Обучение русскому языку в Казахстане (лингводидактический аспект).....	212
Толипова Д.С. Изучения языковой символики и его актуальность в русле лингвистики.....	218
Халиуллина Д.А. Когнитивная метафора в дискурсе оружейников Удмуртской Республики.....	222
Хасанова В.Х., Бабаходжаев Р.Х. Современное филологическое образование.....	228
Хасанова Д.Р. Исторические и культурные аналоги аффирмаций в русской картине мира: лингвокогнитивный анализ.....	232
Шакирова А.М. Скандал как ULTIMA RATIO героев повести Е. Борода «Я тебя никогда не прощу».....	240
Шастина Е.М. Русско-австрийский литературный диалог (на материале творчества Э.Канетти).....	246
Шониёзова С.Н. К вопросу классификации социолингвистических факторов.....	252
Юлдашева М.Г. Методы и приёмы развития духовно-эмоционального интеллекта на уроках литературы в школе.....	256

Айылчиева Д. Т.

Джалал-Абадский государственный университет имени Б.Осмонова

О ВЫВОДИМОСТИ КОНСТАНТЫ И ПЕРЕМЕННЫХ В ИЗРЕЧЕНИИ КОНФУЦИЯ

Аннотация. *В данном исследовании рассматриваются константы и переменные в пословично-поговорочных изречениях и афористических средствах языка в общетеоретическом и сопоставительно-сравнительном аспектах. Сравнительный анализ изречения Конфуция в переводе на русский и кыргызский языки позволили нам вывести пропозициональное их инвариантное содержание. В силу своей общности, постоянства и устойчивости инвариантное в изречениях мыслится нами как константа. Константный каркас изречения является общим для всех вариантов перевода. Мы исследуем изречение с различных точек зрения. Их мы определяем, как знаки, являющиеся носителями, аккумуляторами и распространителями социально значимой информации. Изречение характеризуется и с позиции текстологии как целостные конструктивно-смысловые образования с общей темой, предназначением и содержанием. Афоризм рассматривается нами и в планах фольклористики, теории информации, прагматики и когнитологии.*

Ключевые слова: вариантный, инвариантный, константа, лингвопаремиология, переменные, провербиальное пространство, пропозиция

Aiylichieva D. T.

Jalal-Abad State University named after B. Osmonov

ON THE DERIVABILITY OF CONSTANTS AND VARIABLES IN THE DICTUM OF CONFUCIUS

Abstract. *This study deals with constants and variables in proverbial sayings and aphoristic means of language in general theoretical and comparative aspects. Comparative analysis of the sayings of Confucius translated into Russian and Kyrgyz languages allowed us to derive their propositional invariant content. By virtue of its generality, constancy and stability, the invariant in the sayings is thought of by us as a constant. The constant frame of the utterance is common to all translation options. We examine the saying from various points of view. We define them as signs that are carriers, accumulators and distributors of socially significant information. The saying is also characterized from the standpoint of textual science as integral constructive and semantic formations with a common theme, purpose and content. The aphorism is also considered by us in the plans of folklore studies, information theory, pragmatics and cognitology.*

Keywords: variant, invariant, constants, linguo-paremiology, variables, probial space, proposition

В лингвопаремиологии в должной мере не используются интерпретирующие возможности таких науковедческих категорий, как общее и индивидуальное, константное и переменное, инвариантное и вариантное. К тому же границы, взаимосвязи и единство этих категорий четко не обозначены и не получили должного освещения, хотя применение этих принципов к раскрытию сущности паремий, к их классификации и описанию сулит важные теоретические и практические результаты. Во-вторых, выделение устойчивого и меняющегося в изречениях позволяет смотреть на объект по-новому. Пословичные фразеологизмы презентуются в алфавитном, тематическом и других порядках и подаются в списках. В этом случае многие свойства афоризмов остаются в тени и не раскрываются. Понятия констант и переменных в паремике позволяют найти такие свойства изречений, которые при другом подходе не подмечаются и не проявляются как фактическая данность. В-третьих, обобщение афористических смыслов под терминами «когнитема» и «фрейм» необходимо для установления их содержательного остова, объединяющего множество семантически однотипных образно-устойчивых образований. Пословичные когнитемы и фреймы занимают значительное место в когнитивно-языковой картине этноса. В-четвертых, афористика – важный фрагмент ментально-языковой картины нации. Многие выражения возникают параллельно у разных этносов, отражая идентичность их миропонимания, мировоззрения и этических представлений, другие появляются в результате языковых контактов (устное общение, перевод и т.д.) и заимствования. Один и тот же афоризм многообразно варьируется, модифицируется и трансформируется в дискурсе, особенно в переводе. Сопоставительно-сравнительный анализ инвариантов и вариантов, архетипов и модификаций, прототипов и трансформ изречений в переводных текстах способствовал бы обнаружить общие закономерности их функционирования, реализации и распространения и определить способы и пути трансформирования афоризмов при сохранении константной основы. В-пятых, одно из фундаментальных понятий паремиологии «провербиальное пространство», введенное математиком Ю.И. Левиным [10, с.108-126], продолжает оставаться в фонде пассивных терминов. Оно привлекательно во многих отношениях и прежде всего широким охватом различных типов и видов устойчивых образований. Поэтому в его пределах свободно

размещаются и находят свое объяснение пословичные и непословичные, устойчивые и вариативные, миниатюрные и развернутые и другие фразеологизмы. Следовательно, есть смысл использовать термин «провербиальное пространство» как наименование поля расположения и функционирования изречений языка.

Таким образом, актуальность работы определяется, прежде всего, необходимостью поиска и нахождения общих константных начал в организации, употреблении и трансформировании афористических средств языка в рамках провербиального пространства.

При сравнительно-сопоставительном анализе переводов изречений Конфуция на русский и кыргызский языки важным были положения переводческой концепции З.К. Караевой, разработанные в ее монографии «Перевод и семиотика» [5]. С этой точки зрения каждый афоризм представляет собой фрейм и является отрезком языковой картины мира, «в котором выделен минимум один признак изображения культурного, исторического, социологического, когнитивного, топологического характера» [4, с. 16]. В качестве источников использованы различные труды: Алексеев В.М. [1]; Головачева Л.И. [3]; Грищенков Р.В. [6]; Кривцов В.А. [9]; Малявин В.В. [2]; Переломов Л.С. [11]; Попов П.С. [4]; Семененко И.И. [7]; Акаева Б.А. [8] и др.

Рассмотрим изречение Конфуция «Благородный муж знает только долг, низкий человек знает только выгоду». Для сравнения приведем и прокомментируем 12 его переводных трансформ.

1. Конфуций сказал: «Благородный муж придерживается истины, а низкий человек – выгоды».
2. Философ сказал: «Благородный муж знает долг, а низкий человек знает выгоду».
3. Учитель сказал: «Благородный муж знает только долг, низкий человек знает только выгоду».
4. Учитель сказал: «Благородный муж постигает справедливость. Малый человек постигает выгоду».
5. Учитель сказал: «Благородный муж находит суть в долге, маленький человек ищет суть в выгоде».
6. [Учитель сказал]: «Цзюньцзы устремлен к долгу – справедливости, сяожэнь – к выгоде».
7. Учитель сказал: «Благородный муж научен справедливостью, малый человек научен выгодой».
8. Учитель говорил: «Достойный муж сведущ в том, что выгодно, что должно. Мелкий человек сведущ в том, что выгодно».

9. [Учитель сказал]: «Благородный муж думает о должном. Низкий человек думает о том, что выгодно».
10. Учитель сказал: «Благородный муж помышляет лишь о несправедливости, маленький человек помышляет лишь о выгоде».
11. [Учитель сказал]: «Благородный человек постигает *и*, низкий человек постигает *ли*».
12. «Нарктуу киши милдетти, түркөй киши пайданы ойлойт», – дептир даанышман (версия нашего респондента).

Итак, перед нами 12 версий перевода изречения. Каждый из переводов неповторим. Один не повторяет другого. Все они отличаются друг от друга по отдельным признакам. И в то же время они группируются по-разному по общности того или иного элемента или признака. Все эти трансформы содержат в себе пропозициональную константу **«Благородный человек справедлив, а низкий человек лъстив»**. Сначала проанализируем авторские слова. Они факультативны. Это видно из версий 6, 9, 11, в которых авторские слова заключены в скобки. Авторские слова двучастны. В них есть субъект – автор изречения. Его называют по-разному: *учитель* (3-11), *Конфуций* (1), *философ* (2) и *даанышман* (12). В киргизской версии вместо *даанышман* можно было бы использовать и другие обозначения: *Конфуций*, *мугалим*, *акылман* и др., что сути афоризма не меняет. Вторую часть авторских слов образуют глаголы *сказал* (1-7, 9-11), *говорил* (8) и *дептир* (12) в форме прошедшего времени, отсылающие речь к прошлому. Вместо кыргызского *дептир* можно с таким же успехом использовать аналитические образования *айткан экен / деген экен / деп айттыр* и т.д. Относительно главного суждения в виде прямой речи авторские слова занимают препозитивное положение (1-11), или завершает суждение, становясь в постпозиции (12). Последний порядок расположения авторских слов относительно прямой речи свойствен и строению русского предложения: *«Благородный муж думает о долге, низкий – о выгоде»*, – *говорил философ*. Порядок частей авторских слов в этой русской и киргизской фразах по конфигурации совершенно идентичен: *говорил философ – дептир (деген экен...) философ*. Иначе говоря, русские версии перевода изречения мы пополняем еще одной трансформой. По аналогии мы можем предложить и иные версии, в которых авторские слова ставятся после основного смыслоносителя изречения.

В русских версиях для оказания большого эффекта для слушателей автор изречения выделяется и называется первым. Для кыргызского речевого этикета такой порядок несвойственен. Такое

употребление авторских слов может быть понято как калька, образованная по аналогии с русской фразой. Ср.: *Конфуций айткан экен: «Нарктуу адам милдетти ойлойт, түркөй адам пайданы ойлойт» – деп.* Постпозитивное *деп* более обычно в таких преобразованиях. Без него фраза звучит по-русски, на русский лад.

Теперь переходим к анализу трансформ самого изречения, представленных в виде прямой речи. В прямой речи сравниваются два разных субъекта, являющихся носителями противоположных человеческих качеств.

Первый субъект – носитель добродетели. Для его названия используются оценочные слова и выражения: *благородный муж* (1-5, 7, 9, 10), *благородный человек* (11), *достойный муж* (8), *цзунцзы* (6), *нарктуу адам / киши* (12). В русских версиях подчеркивается пол субъекта, в кыргызских это свойство субъекта выражено слабее, поэтому последние ближе к русской версии под № 11.

Второй субъект – антипод первого. Он является носителем эгоистических качеств, думающим только о выгоде и пользе для себя. Для его названия использованы слова с отрицательно-оценочным смыслом: *низкий человек* (1-3, 8, 9, 11), *малый человек* (4), *маленький человек* (5, 7, 10), *мелкий человек* (8), *сяожэнь* (6), *түркөй / пас / адам / киши* (12). (Китайское *сяожэнь* «низкий человек» Б.А. Акаева переводит словом *пас киши*: Конфуций. Накыл сөздөр. [8, с. 56-57] и др.). Само изречение и его смысл отождествляют эти названия и используют как лексические трансформы, обладающие свойством синонимичности в контексте. Необходимо отметить, что контрастность двух типов субъекта выявляется по контрастности их поступков. Их типичное действие и поступки служат основанием для их противопоставления. Носитель добродетели соблюдает общепринятые правила и законы, а его антипод заботится только о себе, своем благополучии, о выгоде для себя и для своих близких, для своей семьи.

Как же вербализуется смысл «поступок носителя добродетели»? Данный концепт представлен в языковых выражениях:

- 1) *придерживается истины;*
- 2) *знает долг;*
- 3) *знает только долг;*
- 4) *постигает справедливость;*
- 5) *находит суть в долге;*
- 6) *устремлен к долгу;*
- 7) *научен справедливостью;*
- 8) *сведущ в том, что должно;*

- 9) *думает о должном;*
- 10) *помышляет о справедливости;*
- 11) *постигает и;*
- 12) *милдетти ойлойт.*

Как видим, соблюдение и исполнение общепринятых правил являются основными показателями поведения благородной личности. Благородный человек не идет против воли и традиций общества и не совершает асоциальных действий. Китайское *и*, вероятно, содержит в себе значения «долг, справедливость, истинность». Каждое из этих выражений, при тождественности общего смысла, обладает частными значениями. Различие мы находим в паре *знает долг - знает только долг*. Второе выражение более категорично характеризует поведение субъекта. Если в логических предикатах *знает долг, знает только долг, сведущ в том, что должно, думает о должном, милдетти ойлойт* содержится смысл «знание долга, осведомленность о долге», то в предикатах *придерживается истины, постигает справедливость, находит суть в долге, помышляет о справедливости, постигает и* выражаются целеустремленные и целенаправленные действия добродетельного человека для соблюдения долга и справедливости (Примечание: логический предикат – это не сказуемое, а наименование свойства субъекта). Только в одном случае подчеркивается (1) стремление к постижению истины как цель добродетельного человека.

Цель и характер поведения низкого человека вербально материализуется следующими выражениями:

- 1) *выгоды [придерживается];*
- 2) *знает только выгоду;*
- 3) *постигает выгоду;*
- 4) *ищет суть в выгоде;*
- 5) *к выгоде [устремлен];*
- 6) *научен выгодой;*
- 7) *сведущ в том, что выгодно;*
- 8) *думает о том, что выгодно;*
- 9) *помышляет только о выгоде;*
- 10) *постигает ли;*
- 11) *пайданы ойлойт.*

Действия низкого человека тоже охарактеризованы разнообъемными и разнопорядковыми языковыми образованиями, имеющими в рамках афоризма тождественный смысл. Все они представляют логический предикат и содержат информацию о субъекте. Только в двух случаях (1, 5) действие субъекта подвергнуто

эллипсису и, соотносясь с предикатом предыдущего («положительного») суждения, передается в его форме.

Во всех случаях целью поступков и образа жизни низкого человека выступает концепт «выгода», вербализуемый в существительном *выгода* (1- 6, 9), в безличном придаточном дополнительном предложении *то, что выгодно* (7, 8), *лишь о выгоде* (10) и *пайда* (11). Поступки такого человека представлены как знание (2), как целеустремленное действие (3, 4, 5, 10), как качество (6, 7) и как предметно направленная мысль (8, 9, 11). Прямая речь – это афоризм. Именно в ней содержится этический смысл – сопоставление действий двух типов личности. Афоризм как сложное суждение состоит из двух отдельных простых суждений. Каждое из них имеет свой субъект и свой предикат. Первое суждение позитивно. Оно характеризует поступки добродетельного человека. В нем содержится правило, которого обязаны придерживаться люди. Во втором суждении заключен отрицательный смысл, определяющий поведение низкого человека. Согласно изречению, этого человека надо избегать.

Таким образом, сравнительный анализ изречений Конфуция в переводе на русский и кыргызский языки позволили нам вывести пропозициональное их инвариантное содержание. В силу своей общности, постоянства и устойчивости инвариантное в изречениях мыслится нами как константа. Константный каркас изречений является общим для всех вариантов перевода. Выявление инвариантного в переводах изречений базируется на понятиях эквивалентности, трансформируемости и адекватности перевода, а также на процедурах транслитерации, транскрипции, замены, добавления, опущения, изменения контекста, оценки перевода, выявления наиболее удачного перевода и т.д.

Список литературы

1. Алексеев В.М. Китайская литература: избр. тр. – М.: Наука, 1978. – 595 с.
2. Афоризмы старого Китая / пер. с кит. и сост. В.В. Малявин. – М.: Наука, 1991. – 79 с.
3. Головачева Л.И. Беседы и суждения Конфуция // Рубеж. – 1992. – № 1. – С. 14-19.
4. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц: пер. с кит. П.С. Попов. – СПб: Б. и., 1910. – 256 с.
5. Караева З.К. Перевод и семиотика. – Бишкек: Б., 2006. – 332 с.

6. Конфуций. Беседы и суждения /сост. Р.В. Грищенко. – 2-е изд., испр. – СПб: Кристалл, 1999. – 1120 с.
7. Конфуций. Я верю в древность / сост., пер. и коммент. И.И. Семенов. – М.: 1998. – 384 с.
8. Конфуций. Накыл /туз. Б.А. Акаева. – Бишкек: Б-сыз, 2004. – 80 б.
9. Кривцов В.А. Лунь юй. Древнекитайская философия. – М.: Мысль, 1972. – Т.1. – 384 с.
10. Левин Ю.И. Провербиальное пространство // Паремнологические исследования: Сб. статей. – М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1984 – С. 108 – 126.
11. Переломов Л.С. Конфуций. “Лунь юй”. – М.: Вост. лит., 1998. – 588 с.

УДК 82.091

Аманликова Н.Р.

Ташкентский государственный транспортный университет

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР СЕГОДНЯ

Аннотация. *Отношения литературы и фольклора – важная составная часть общего развития всемирной литературы, так называемого литературного процесса. Литературы всех народов мира сложились на основе УНТ, которое возникло и развилось значительно ранее письменности – первой формы существования литературного творчества. Этот процесс происходил в различное историческое время.*

Ключевые слова: технологии, символ, символическое сознание, иерархическая система

Amanlikova N. R.

Toshkent davlat transport universiteti o'qituvchisi

BUGUNGI KUNDA RUS ADABIYOTI VA FOLKLOR

Xulosa. *Adabiyot va xalq og'zaki ijodining o'zaro munosabati - jahon adabiyotining umumiy taraqqiyotida adabiy jarayon deb ataladigan muhim bo'g'indir. Dunyoning barcha xalqlari adabiyotida adabiy ijod mavjudligining birinchi shakli - yozuvdan ancha oldin paydo bo'lgan va rivojlangan xalq og'zaki ijodi asosida rivojlangan. Bu jarayon turli tarixiy davrlarda sodir bo'lgan.*

Kalit so'zlar: texnologiyalar, ramz, ramziy ong.

RUSSIAN LITERATURE AND FOLKLORE TODAY

Annotation. *The relationship between literature and folklore is an important part of the overall development of world literature, the so-called literary process. The literatures of all peoples of the world have developed on the basis of CNT, which arose and developed much earlier than writing - the first form of the existence of literary creativity. This process took place at different historical times.*

Keywords: technologies, symbol, symbolic consciousness, hierarchical system

Qadimda folklor negizida hind, misr, arab, yunon adabiyoti shakllangan; oʻrta asrlarda esa xalq ogʻzaki ijodi negizida koʻplab Yevropa adabiyotlari shakllangan: fransuz, nemis, ingliz, shuningdek, slavyan adabiyotlari – rus, bolgar, serb, chex, polyak. Xalq ogʻzaki ijodidan adabiyotga oʻtish hamisha adabiyotda folklor janrlari (ertak, rivoyat, qoʻshiq) va badiiy vositalardan foydalanish bilan birga kelgan. Tarixiy taraqqiyot davomida rus adabiyoti folklor bilan eng yaqin aloqada boʻlgan. Bular ikki tomonlama aloqalar edi: nafaqat adabiyot folklorning gʻoyaviy-badiiy tajribasiga burilibgina qolmay, balki xalq ogʻzaki ijodiga ham adabiy shakllar, obrazlar, til taʼsir koʻrsatdi. Rus adabiyoti va folklor tarixida ijtimoiy-tarixiy va estetik omillar bilan belgilanadigan yaqinlashish va ajralish davrlari boʻlgan. Demak, klassisizm davrida adabiyot va folklor bir-biridan ancha uzoqda edi. Aksincha, romantizm davrida adabiyot va folklor oʻrtasidagi aloqalar sezilarli darajada kengaydi, bu esa ushbu yoʻnalishning estetik tamoyillari - milliylik va milliy oʻzlikni anglash tamoyillari bilan belgilanadi, ularning amalga oshirilishi yozuvchilarni xalq sheʼriy janrlaridan foydalanishga majbur qildi.

17-asrda rus adabiyotining rivojlanishi xalq ogʻzaki ijodining rivojlanishi bilan oʻzaro aloqada boʻladi. Xalq ogʻzaki ijodi adabiyotga kirib boradi. Folklor asarlarining sheʼriy parchalari va kitob tahrirlari yozuvlari mavjud (masalan, «Повесть о Горе-Злочастии»). Adabiyot mavzu va syujetlarni dostonlardan, lirik-tarixiy qoʻshiqlardan, ertaklardan oʻzlashtiribgina qolmay, balki unga xalq ogʻzaki ijodining badiiy tizimi, uning gʻayrioddiyligi ham avvalgidan koʻra kuchliroq taʼsir koʻrsatadi. Mualliflar oʻz asarlariga maqol va matallarni, folklor matnlarining butun qismlarini kiritadilar. Demokratik satirada xalq yumori yaqqol jaranglaydi, dunyo haqidagi xalq gʻoyalari, odamlarning ijtimoiy munosabatlarga bahosi oʻz ifodasini topadi. Milliy dunyoqarash va xalq ogʻzaki ijodida harbiy hikoyalar, tarixiy voqealar haqidagi hikoyalar (qarang. Azovning qoʻlga olinishi haqidagi hikoyalar). Xalq asarlarining taʼsiri ostida hatto azizlarning hayoti, ayniqsa shimoliylar va qadimgi imonlilarning yozuvlari.

Mukammal yangilik xalq asarlarining birinchi yozuvlari edi. Shunday qilib, 1619-1620-yillarda ingliz Richard Jeyms uchun turli janrdagi qo'shiqlar yozilgan. 17-asr qo'lyozmasida Mixail Potik haqida, Stavre haqida, Ilya Mypomets va Bulbul qaroqchi haqida, Ivan Godinovich haqida dostonlar, Alyosha Popovich haqidagi dostonan parcha bizgacha etib kelgan. Suxan haqidagi dostonga juda yaqin hikoya saqlanib qolgan. Xalq an'analari ruhida yaratilgan lirik qo'shiqlar 17-asrda yozib olingan. P. A. Kvashnin-Samarin va S. I. Pazyxin. XVII asr oxiridan boshlab tog' kuli haqidagi qo'shiq matniga yetib keldi. 17-asr qo'lyozmalarida matal va maqollar yaxshi ifodalangan. Bularning barchasi tasodifiy emas. Boshqa tomondan, "oliy", cherkov adabiyoti an'analari yo'q qilinmoqda, adabiyot dunyoviy bo'lib bormoqda va bu hatto feodal jamiyatining yuqori qatlamlarida ham folklorga qiziqishning kuchayishiga yordam beradi. 17-asr folklor yodgorliklari, keyingi davrlar, 18-19-asrlar yozuvlari, 17-asr voqealariga bag'ishlangan asarlar va shubhasiz, o'sha paytda paydo bo'lganlar, shuningdek, folklorning adabiy asarlarda aks etishi, agar alohida asarlar haqida bo'lmasa, rivojlanishning umumiy yo'nalishi haqida qisman hukm chiqarishga imkon beradi. XVII asrda xalq amaliy san'atining barcha turlari. u yoki bu tarzda kuchayib borayotgan ijtimoiy kurashni aks ettiradi. Dostonlarda knyaz Vladimir obrazi salbiy xususiyatlarga ega bo'la boshlaydi. Hikoyachilarning diqqati shahzoda va uning qahramonlari o'rtasidagi ziddiyatga qaratilgan. Tarixiy qo'shiqlarda harbiy boshliqlarni qoralash bor. Ertaklarda satira elementlari rivojlanadi. Buffonlar xalqning boyar bilan qirg'in qilingan joyini tasvirlagan. Shuning uchun XVII asr o'rtalaridan boshlab xukumat qo'shiqlari, qo'shiqlar va xalq marosimlarini taqiqlash, cholg'u asboblari va niqoblarini yo'q qilish to'g'risida qarorlar chiqaradi.

Yangi asrning adabiy tizimi Rossiyada adabiyot ilg'or G'arbiy Evropa tajribasini qabul qilgunga qadar, 17-asrda tayyorlangan. Bu holda shakl tarkibdan oldin kelgan. Yangi sharob, xuddi shu maqsadda maxsus tayyorlangandek, yangi vinolarga quyilgan. Qadimgi adabiyot va yangi rus adabiyoti ikki xil adabiyot emas: biri to'satdan uzilib qolgan, ikkinchisi esa birdan boshlangan. O'zining o'rta asr tipiga ko'ra rus adabiyoti XV-XVII asrlarda bu Evropa adabiyot uning Evropa mavzularni cheklangan, adabiy tizimlar O'rta asrlarda turiga Kotor, yoki G'arbiy Evropa ishlab chiqarish, uning mavzularni cheklangan, Kotor yangi va peredovym emas edi, bir mamlakat edi. Qochon XVIII asrdadir. Iqtisodiyot va davlatchilikning jadal rivojlanishi bilan band bo'lgan "Petrovskaya epoksi"da "adabiyotga vaqt yo'q edi". Petrin davri ma'lum darajada rus adabiyoti rivojlanishidagi tanaffusni anglatadi, ammo 18-asrning ikkinchi uchdan bir qismidan. G'arbiy Evropaning ilg'or adabiyoti tajribasini o'zlashtirish jadal davom eta boshlaydi va aynan shu davrdan boshlab rus adabiyotining yangi davrini nihoyat o'rnatilgan deb hisoblash mumkin. XVIII asrda o'rta asr adabiyotining janrlar tizimi. o'lmagan. U cherkovda, Eski imonlilar muhitida, dehqonlar va oddiy shahar aholisi orasida yashashni davom ettirdi. Hayotlarni o'qish va yig'ish

davom etdi, eski, taniqli hayotlarning yangi nashrlari paydo bo'ldi. Eski to'plamlar qayta yozildi, hatto yilnomalar ham tuzildi, "Prolog", "Minei Chetya" (ayniqsa Dmitriy Rostovskiyning tahririyatida), "Qozon tarixi" va boshqalar kabi yodgorliklar ham qizg'in o'qildi.

O'rta asr rus asarlari ro'yxatlari soni bo'yicha 18-asr avvalgi asrlardan kam emas. Va bu erda nuqta nafaqat ularning oddiy saqlanishida. O'rta asr rus adabiyotining Evropa ahamiyati Moldova, Balachiya, Bolgariya, Serbiya uchun ham saqlanib qolgan, bu erda rus qo'lyozmalari va bosma nashrlari eksport qilinmoqda. Shunga qaramay, o'rta asr rus adabiyoti Rossiya adabiy taraqqiyotida o'z ahamiyatini yo'qotdi. O'rta asr adabiy tizimi orqaga chekindi. Endi oldingi o'rinni yangi adabiy tizim, G'arbiy Yevropaga mos keladigan janrlar tizimi egallaydi. Adabiy davriy nashrlar paydo bo'ladi, adabiyot bosmaxona yordamida asarlarni tarqatishning yangi usulini o'z ichiga oladi. Adabiyot yangi madaniy "muhit" va yordam oladi: teatrda, tanqidida, jurnalistikada, yangi fan va yangi falsafada. XVIII asr rus adabiy tizimi rivojlangan G'arbiy Evropa mamlakatlari adabiy tizimidan farq qilmaydi. Va bu nafaqat o'rta asrlarga mansub bo'lganlar, balki butun Evropa adabiyoti tajribasini o'zlashtirishga imkon berdi. Yangi adabiy tizimning shakllanishi Petrovskiy islohotlarining oddiy natijasi emas edi. Bu tizim rus adabiyotida uzoq vaqtdan beri tayyorlangan va uning paydo bo'lishi kutilmagan emas edi. 17-asr rus adabiyotining qadimgi va yangi davri o'rtasidagi ko'prik bo'lib, u orqali rus adabiyoti o'zini yangi davrda deb hisoblashi mumkin edi. Bu asrning rus madaniyati tarixidagi ahamiyati G'arbiy Evropa madaniyati tarixidagi Uyg'onish davrining ahamiyatiga yaqinlashmoqda.

Adabiyot

1. Abaev N. V. Chan-o'rta asrlarda Xitoyda buddizm va aqliy faoliyat madaniyati. – M.: Ilmiy, 1983 Yil. – 128 p.
2. Averintsev S. S. Gessening Yo'li. M.: Ilmiy, 1977 Yil. – 110 p.
3. Avdeeva L. S., Protasova O. L. Zamonaviy Madaniyatshunoslik: darslik. – Tambov: FSBEI VPO "TGTU", 2013 yil. – 80 p.
4. Apt S. Hermann Gesse. – M.: Panorama, 1995 Yil. – 535 p.
5. Arutyunova N. D. Inson Tili va dunyosi. – M.: Ilmiy, 1998 Yil. – 342 p.
6. Basin E. Ya. badiiy ijod psixologiyasi. – M.: Bilim, 1985 Yil. – 64 p.
7. A. Simvolizm dunyoqarash sifatida. – M.: Panorama, 1994 Yil. – 246 p.
8. A. Belgisi. Belgi. Tilshunoslik bo'yicha afsona / asarlar. – M.: Panorama, 1982 Yil. – 78-90 betlar

УДК 372.881.161

Атамухаметова Г.С.

Ташкентский государственный транспортный университет

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ГРАМОТНОСТИ КАК УНИВЕРСАЛЬНОГО УЧЕБНОГО ДЕЙСТВИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. *Современное общество ставит перед образовательными учреждениями многовекторные задачи подготовки обучающихся, способных: адаптироваться в постоянно меняющемся современном мире, самостоятельно искать и приобретать нужные на определенный момент знания; грамотно работать с информацией; включать критическое мышление, отчетливо осознавать, в какой ситуации и каким образом приобретаемые знания пригодятся; уметь генерировать новые идеи, творчески мыслить; быть контактными в различных социальных группах, уметь трудиться сообща в различных областях.*

Ключевые слова: технологии преподавания, модель, мысль, знания, контакт.

Atamuhamedova G.S.

Toshkent davlat transport universiteti o'qituvchisi

RUS TILI DARSLARIDA UNIVERSAL TA'LIM HARAKATI SIFATIDA AXBOROT SAVODXONLIGINI SHAKLLANTIRISH

Xulosa. *Zamonaviy axborot jamiyati maktab oldiga qobiliyatli o'quvchilarni tayyorlash vazifasini qo'yadi: o'zgaruvchan hayotiy vaziyatlarga moslashuvchan moslashish, zarur bilimlarni mustaqil ravishda egallash; ma'lumot bilan to'g'ri ishlash; mustaqil ravishda tanqidiy fikrlash, ular olgan bilimlarni atrofdaqi voqelikda qayerda va qanday qo'llash mumkinligini aniq bilish; yangi g'oyalarni yaratishga, ijodiy fikrlashga qodir bo'lish; muloqot qilish, turli ijtimoiy guruhlarda aloqa qilish, turli sohalarda birgalikda ishlash imkoniyatiga ega bo'lish.*

Kalit so'zlar: Texnologiya, o'qitish, model, fikr, bilim, aloqa.

Atamukhametova G.S.

Tashkent State Transport University

FORMATION OF INFORMATION LITERACY AS A UNIVERSAL EDUCATIONAL ACTION IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS

Annotation. *Modern society sets multi-vector tasks for educational institutions to train students who are able to: adapt to the constantly changing modern world, independently search for and acquire the knowledge needed at a certain*

moment; work competently with information; include critical thinking, clearly realize in what situation and how the acquired knowledge is useful; be able to generate new ideas, think creatively; be in contact in various social groups, be able to work together in various fields.

Keywords: teaching technologies, model, thought, knowledge, contact.

Insoniyatning axborot jamiyati davriga kirishi "hayot uchun ta'lim" modelining "hayot davomida ta'lim" yangi yondashuvi bilan o'zgarishiga olib keldi. Ta'limning barcha darajalarini qamrab oladigan uzluksiz ta'lim g'oyasi muhim tarkibiy qism bo'ldi. Qarama – qarshilik paydo bo'ldi-zamonaviy dunyoda bilimlarning tez o'sish sur'atlari va o'rganish davrida inson tomonidan ularni o'zlashtirishning cheklangan imkoniyatlari o'rtasida. Ushbu qarama-qarshilik, birinchi navbatda, ta'lim muassasalarini o'rganish, ma'lumot olish va undan zarur bilimlarni olish qobiliyatini shakllantirishga majbur qiladi. Buning uchun o'qituvchi talabalarda shaxsning axborot madaniyatining ajralmas qismi bo'lgan axborot savodxonligini shakllantirishi kerak.

Bugungi kunda axborot savodxonligini rivojlantirish zamonaviy ta'limning eng muhim muammolaridan biridir, chunki u maktabga qo'yilgan ijtimoiy so'rovlar bilan belgilanadi. Axborot savodxonligi nafaqat elektron ommaviy axborot vositalari, video, audio kassetalar, katalog tizimlari, kartotekalar, har xil ko'rsatgichlar va boshqalar kabi manbalardan foydalangan holda ma'lumot qidirish qobiliyatidir, balki doimiy ravishda o'zgarib turadigan yangi texnologiyalar dunyosida harakat qilish qobiliyati va ma'lumotlarning keng tarqalishi. Katta ma'lumot oqimining mavjudligi o'z-o'zidan ma'lumotni samarali ishlatish uchun zarur bilim va ko'nikmalarning qo'shimcha qatorisiz tayyorlangan foydalanuvchilarni shakllantira olmaydi. Boshqacha qilib aytganda, axborot savodxonligi o'rganish qobiliyatining eng muhim tarkibiy qismlaridan biridir. Shuning uchun yangi ta'limda standart sifatida u ta'limning meta-fan va fan natijalarining tarkibiy qismi sifatida qaraladi, uni barcha o'quv fanlarida va sinfdan tashqari ishlarda shakllantirish ko'zda tutilgan. Zamonaviy o'qituvchilarning fikriga ko'ra, ta'limning birinchi bosqichidan boshlab ta'lim tizimi yangi imkoniyatlardan to'liq foydalanishi kerak – axborot bilan ishlash qobiliyatini shakllantiradigan zamonaviy ta'lim texnologiyalari. Zamonaviy texnologiyalarning xilma-xilligi o'qituvchiga zamonaviy darsni loyihalash, har bir aniq darsning maqsad va vazifalariga mos keladigan "o'qituvchi-talaba", "talaba-talaba" o'zaro ta'sirining maqbul shaklini aniqlashga imkon beradi. Men, rus tili va adabiyoti o'qituvchisi sifatida, shuningdek, matn ma'lumotlari bilan ishlash ko'nikmalarini shakllantirish va rivojlantirishga yordam beradigan texnologiyalarga qiziqaman. Bunday texnologiyalardan biri o'qish va yozish orqali tanqidiy

fikrlashni rivojlantirish texnologiyasidir (RKMCHP). Uning maqsadi nafaqat o'qishda, balki kundalik hayotda ham zarur bo'lgan talabalarning aqliy qobiliyatlarini rivojlantirish, talabaga mustaqil ravishda bilim olishga o'rgatish, ma'lumot bilan ishlashni o'rgatish, shunda bu ma'lumotlar tushuniladi, u o'z tajribasi bilan birlashdi va uning asosida o'zining analitik fikri shakllandi. Ushbu texnologiya aniq tuzilishga ega, uning texnikasining sxematik va ravshanligi, materialning grafik tashkil etilishi nafaqat darsni diversifikatsiya qilish, uni nostandart qilish, balki aniq ta'lim natijalariga erishishga imkon beradi. Ma'lumki, darsning uch qismli asosiy modeli ("chaqiruv "" tushunish"," aks ettirish") insonning aqliy faoliyatining asosiy bosqichlariga mos keladi: mavjud bilimlarni faollashtirish, yangi ma'lumotlardan xabardor bo'lish, uni tahlil qilish va ijodiy qayta ishlash. Amaliyotimda men quyidagi usullardan foydalanaman.

"G'oyalar savati" - darsning dastlabki bosqichida, ularda mavjud bo'lgan bilim va tajriba yangilanayotgan paytda talabalarning individual va guruh ishlarini tashkil etish usuli. Bu sizga darsning muhokama qilinayotgan mavzusi bo'yicha talabalar biladigan yoki o'ylaydigan hamma narsani bilib olishga imkon beradi. Doskada siz savat belgisini chizishingiz mumkin, unda talabalar ma'lum bir muammodan biladigan barcha narsalar shartli ravishda yig'iladi, keyin bu muammoni juftlikda muhokama qilinadi, so'ngra "barcha bilimlar" "savat" ga qo'shiladi va haqiqatan ham hamma narsa: ham to'g'ri, ham noto'g'ri. Ikkinchi bosqichda dars davomida biz yana "savat" ga qaytib, yigitlarni xatolarini tushunishga olib boramiz. Ushbu uslub rus tili darsida ham, adabiyot darsida ham, masalan, A. S. Pushkinning "kapitanning qizi" hikoyasini o'rganishda mos keladi. Vazifa: asarning asosiy qahramonlaridan biri Pyotr Grinev, shubhasiz, "yoshligidan sharafiga g'amxo'rlik qiling" hikoyasining epigrafi ham unga tegishli. Nima uchun hikoya " kapitanning qizi"?».

Men lingvistik materialni o'rganishda "to'g'ri va noto'g'ri bayonotlar" usulidan foydalanaman. O'qituvchi hali o'rganilmagan mavzu bo'yicha bir qator bayonotlarni taklif qiladi, talabalar haqiqatga mos keladiganlarni tanlaydilar. Keyin talabalar o'z fikrlarini asoslaydilar. Asosiy ma'lumotlar bilan tanishgandan so'ng, talabalar ushbu bayonotlarga qaytishlari va olingan ma'lumotlardan foydalangan holda ularning ishonchliligini baholashlari so'raladi. Masalan, 6-sinfda "ishtirokchi" mavzusini o'rganayotganda, o'quvchilarga kesimning kategorik mohiyati to'g'risida to'rtta nuqtai nazar taklif qilindi: 1) kesim-nutqning mustaqil qismi; 2) kesim-fe'lning maxsus shakli; 3) ishtirokchi-og'zaki sifat; 4) kesim-gibrid shakl. Qo'ng'iroq bosqichida u sizni ijodiy fikrlashga, "kalit so'zlar" texnikasini gapirishga majbur qiladi. Ushbu uslub sizga uy vazifasini

tezda takrorlash, nutqni rivojlantirish ustida ishlash, darsga maqsadlar qo'yish va talabalarni keyingi ishlarning ish muhitiga kiritish imkonini beradi. Masalan, 9-sinfda rus tili darsida "murakkab jumla" mavzusini takrorlashda men topshiriq beraman: dars mavzusi bilan bog'liq tushunchalarni yozing (bo'ysunuvchi birlashma, bo'ysunuvchi tushuntirish, indikativ so'z, asosiy qism, ittifoqdosh so'z va boshqalar) sinfda past o'quv motivatsiyasi bilan, aksincha, ushbu tushunchalar ro'yxatidan siz tushunchalarni tanlashingiz kerak, dars mavzusi bilan bog'liq.

Men ko'pincha darsning turli bosqichlarida o'quv materialini tuzishga imkon beradigan "Klaster tuzish" texnikasidan foydalanaman. Klaster qurish qoidalari juda oddiy. Biz Quyosh tizimining modelini chizamiz: yulduz, sayyoralar va ularning yo'ldoshlari. Markazda yulduz bor - bu bizning mavzuimiz. Uning atrofida sayyoralar katta semantik birliklardir. Biz ularni yulduz bilan to'g'ri chiziq bilan bog'laymiz. Har bir sayyoraning o'z yo'ldoshlari bor, yo'ldoshlarning o'z yo'ldoshlari bor. Klaster tizimi ko'proq ma'lumotni qamrab oladi. Klasterlardan darsning turli bosqichlarida foydalanish mumkin. Masalan, "ism" mavzusini takrorlashda siz talabalarga Klaster - quyosh yaratishni taklif qilishingiz mumkin, bu erda nur otning grammatik xususiyatlari bo'ladi. Ushbu uslub talabalarning bilimlarini tizimlashtirishga yordam beradi.

Masalan, A. N. Ostrovskiyning tarjimai holi bilan tanishayotganda men quyidagi bayonotlarni taklif qilaman: - Ostrovskiy Lermontov qahramoni savdogar Stepan Kalashnikov yashagan Moskva viloyatida tug'ilgan. - Ostrovskiy "Zamoskvorechye Kolumb" deb nomlangan. - Moskva universitetining filologiya fakultetini tamomlagan. - Sudda kotib bo'lib xizmat qilgan. - Uning pyesasi asosida "shafqatsiz romantika" filmi suratga olingan. - U o'zi haqida shunday deb yozgan edi: "rus dramatik san'ati faqat menman. Talabalarning ularning to'g'riligiga ishonch hosil qilish, haqiqatni bilish istagi ularni ma'ruza, o'quv filmi, o'quv maqolasiga ko'proq qiziqish uyg'otadi. Yozuvchilarning tarjimai holiga bag'ishlangan darslarda men "ilg'or ma'ruza" uslubidan foydalanaman. Ushbu texnikadan foydalanish o'qituvchining hikoyasini talaba va o'qituvchi, talaba va talaba va butun sinf o'rtasidagi qiziqarli muloqotga aylantirishga imkon beradi. Bu faol tinglash, texnikani juftlikda ishlatish maqsadga muvofiqdir. Qo'ng'iroq bosqichida har bir juftlik jadvalning birinchi ustunini to'ldiradi "men nimani bilaman mavzu bo'yicha", keyin o'qituvchining hikoyasi davomida bir talaba dastlabki ma'lumotlarning mosligi va nomuvofiqligini qidiradi, ikkinchisi yangi ma'lumotlarni yozadi. Ko'zgu bosqichida olingan natijalar avval juftlikda, so'ngra sinfda muhokama qilinadi. Ko'pincha o'qish, tinglash paytida bizda darhol "uchib ketadigan" fikrlar, g'oyalar mavjud. Muallifning matnini o'qiyotganda, o'qiganlaringiz haqidagi fikrlaringizni yo'qotmasligingizga

qanday ishonch hosil qilish kerak? O'qish va aks ettirishni birlashtirishga yordam beradigan usul mavjud. Ushbu uslub "ikki qisimli kundalik" deb nomlanadi. Qabul qilish tarkibini bog'lashga imkon beradi matndan iqtibos o'zi tomonidan sharhlanganda shaxsiy tajribasi bilan matn. Sahifa ikkiga bo'lingan: birinchi ustunda eng katta taassurot qoldirgan matndan iqtibos yozilgan, ikkinchisida ular berishi kerak zoh: ularni aynan shu taklifni yozishga nima majbur qildi? U ulardan qanday fikrlar, his-tuyg'ular, uyushmalar uyg'otdi?

Kundalikni to'ldirgandan so'ng, yozuvlarni jamoaviy muhokama qilishni tashkil qilish kerak. Bu har kimga matnga yana bir bor qaytish va unda ilgari e'tibor bermagan narsalarni ko'rish imkoniyatini beradi. O'qituvchi, shuningdek, o'quvchilar e'tiborini eshitilmagan epizodlarga qaratmoqchi bo'lsa, o'quvchilarni o'z sharhlari bilan tanishtirishi mumkin. Uchinchi ustun – "o'qituvchiga maktublar "yoki savollarga ega bo'lgan" uch qisimli kundalik " ham mavjud, bu usul nafaqat matn bilan ishlashga, balki o'quvchi-o'qituvchi o'rtasida O'qilgan narsalar to'g'risida dialog o'tkazishga imkon beradi. Men ko'pincha bunday texnikani "assotsiativ zanjirlar"sifatida ishlataman. Qo'ng'iroq bosqichidagi vazifa: shoir yoki yozuvchi haqida gapirganda eslab qolgan so'zlarni yozing.

"Sinkwein" Ni Qabul Qilish Frantsuz tilidan tarjima qilingan" syncwine " so'zi ma'lum qoidalarga muvofiq yozilgan besh satrdan iborat she'rni anglatadi. Nima uchun ushbu uslubiy texnikaning ma'nosi? Syncwine-ni tuzish talabdan o'quv materialini, ma'lumotni qisqacha bayon qilishni talab qiladi. Bu erkin ijodning bir shakli, ammo ma'lum qoidalarga muvofiq. Syncwine yozish qoidalari quyidagicha: birinchi qatorda bitta so'z yozilgan-ism. Bu syncwine mavzusi. Ikkinchi qatorda sinkwine mavzusini ochib beradigan ikkita sifat mavjud. Uchinchi qatorda sinkwine mavzusiga tegishli harakatlarni tavsiflovchi uchta fe'l yozilgan. To'rtinchi qatorda butun ibora, bir nechta so'zlardan iborat jumla mavjud bo'lib, uning yordamida talaba mavzuga munosabatini ko'rsatadi. Oxirgi satr-bu mavzuning yangi talqinini beradigan, unga shaxsiy munosabatni ifoda etishga imkon beradigan rezyume so'zi. Masalan, A. S. Grinning "qizil yelkanlar" ekstravaganzasini o'rganayotganda men talabalarga quyidagilarni taklif qilaman

Adabiyot

1. Zair-Bek S.I., Mushtavinskaya I.V. Darsda tanqidiy fikrlashni rivojlantirish. – M.: Ta'lim, 2011 Yil.
2. Kluster D. Tanqidiy fikrlash nima? – M: rus tili, 2002 yil. – №29. – p. 3

3. Levitskaya N.A. Ikkinchi avlod Federal standartlari kontekstida zamonaviy darsni loyihalash. – M.: "maktab texnologiyalari". – 2013 yil. – №3. – p.28-33.

4. Smetannikova N.N. 5-9 da o'qish strategiyasini o'qitish: Gefni qanday amalga oshirish kerak. O'qituvchi uchun qo'llanma. – M.: Balasse, 2011 Yil. Postbunova S.V. Tanqidiy fikrlashni rivojlantirish. Texnologiyani sinab ko'rish. – M.: rus tili, 2003 yil. – №27. – p.3.

УДК 37.018.43

Ахрарова Н.С.

Ташкентский государственный транспортный университет

РОЛЬ И МЕСТО ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. *Дистанционное обучение помогает развивать определенные навыки у студентов, предоставляет обучающимся возможность самим получать знания и умения, пользуясь разнообразными, информационными ресурсами, предоставляемыми современными информационными технологиями. Следовательно, технологии дистанционного обучения в образовании не только оптимизируют и облегчат учебно-воспитательный процесс, но и сделают его доступным каждому.*

Ключевые слова: образование, технология, символическое сознание, ресурс.

Akhrarova N.

Toshkent davlat transport universiteti o'qituvchisi

MASOFAVIY TA'LIMNING TA'LIMDAGI O'RNI VA O'RNI

Xulosa. *Masofaviy o'qitish talabalar o'rtasida ma'lum ko'nikmalarni rivojlantirishga yordam beradi, talabalarga zamonaviy axborot texnologiyalari tomonidan taqdim etilgan turli xil, axborot resurslaridan foydalangan holda bilim va ko'nikmalarni o'rganish imkoniyatini beradi. Shunday qilib, ta'limdagi masofaviy ta'lim texnologiyalari nafaqat o'quv jarayonini optimallashtiradi va osonlashtiradi, balki uni hamma uchun ochiq qiladi.*

Kalit so'zlar: ta'lim, texnologiya, ramziy ong, manba

Akhrarova N.S.

Tashkent State Transport University

THE ROLE AND PLACE OF DISTANCE LEARNING IN EDUCATION

Annotation. *Distance learning helps to develop certain skills in students, provides students with the opportunity to acquire knowledge and skills themselves, using a variety of information resources provided by modern information technologies. Consequently, distance learning technologies in education not only optimize and facilitate the educational process, but also make it accessible to everyone.*

Keywords: education, technology, symbolic consciousness, resource

Masofaviy o'qitish – bu shaxsiy kompyuterlar, video va audio, kosmik va optik tolali texnologiyalardan foydalanishga asoslangan axborot texnologiyalaridan foydalanishni ta'minlaydigan sirtqi ta'limning yangi bosqichi. Masofaviy ta'lim-bu o'qituvchining joylashgan joyidan bir oz masofada amalga oshiriladigan tizimli maqsadli ta'lim.

Masofaviy ta'lim (do) – bu o'quv materialining ko'p qismini talabaga taqdim etish va o'qituvchi bilan o'zaro munosabatlarning asosiy qismi zamonaviy axborot texnologiyalari: Internet, kompyuter telekommunikatsiyalari, milliy va kabel televideniyesi, multimedia, o'quv tizimlari yordamida amalga oshiriladigan ta'lim. Masofaviy ta'limning o'ziga xos xususiyati talabalarga zamonaviy axborot texnologiyalari tomonidan taqdim etilgan rivojlangan, axborot resurslaridan foydalangan holda kerakli bilimlarni olish imkoniyatini berishdir. Axborot resurslari: ma'lumotlar bazalari va bilimlar, kompyuter, shu jumladan multimedia, o'quv va nazorat tizimlari, video va audio yozuvlar, elektron kutubxonalar an'anaviy darsliklar va o'quv qo'llanmalari bilan birgalikda keng auditoriya uchun noyob o'quv muhitini yaratadi. Suhbatlar va forumlar, video va televizion konferentsiyalarni o'tkazish, kompyuter aloqalari orqali o'qituvchilar bilan tez-tez, har kuni maslahatlashuvlar o'tkazish imkoniyati talabalarning o'qituvchilar bilan o'zaro munosabatlarini an'anaviy ta'lim shakliga qaraganda ancha qizg'in qiladi. Masofaviy ta'lim – bu yangi axborot texnologiyalari va multimedia tizimlari asosida kunduzgi, sirtqi va sirtqi ta'lim elementlarini birlashtirgan maxsus, mukammal shakl. Telekommunikatsiya va elektron nashrlarning zamonaviy vositalari an'anaviy ta'lim shakllarining kamchiliklarini bartaraf etishga imkon beradi, shu bilan birga ularning barcha afzalliklarini saqlab qoladi. Masofaviy ta'lim mavjud bo'lgan barcha o'qitish usullarini o'zida mujassam etgan va ularga sifat jihatidan yangi daraja beradi [1. S. 4]. Kundalik maslahatlarni tashkil qilish imkoniyati bilan mustaqil o'rganish uchun mo'ljallangan ko'plab

vazifalar taqdim etiladi. Uni tushunishga turli xil yondashuvlarni aks ettiruvchi "masofaviy ta'lim" tushunchasining ko'plab ta'riflarini Evroosiyo masofaviy ta'lim assotsiatsiyasi (EADO) serverida topish mumkin – <http://www.eado.ru> va [1. S.2]. Maktabgacha ta'lim jarayonida quyidagi o'quv vositalari qo'llaniladi:

- tashqi xotira tashuvchilaridagi elektron nashrlar (moslashuvchan, magnit, lazer yoki qattiq disklar va boshqalar);
- oddiy va multimedia versiyalarida kompyuter o'quv tizimlari;
- audio o'quv va axborot materiallari;
- video o'quv va axborot materiallari;
- laboratoriya masofaviy ustaxonalari;
- o'quv dasturlari;
- ma'lumotlar bazalari va bilimlar masofaviy kirish;
- masofaviy kirish bilan elektron kutubxonalar;
- ekspert o'quv tizimlari asosida didaktik materiallar;
- kompyuter tarmoqlari, - televizion dasturlar.

Masofaviy ta'lim tizimining (SDO) Markaziy bo'g'ini telekommunikatsiya vositalari va ularning transport asosidir. Ular o'quv jarayonlarini ta'minlash uchun zarur o'quv va o'quv-uslubiy materiallardan, o'qituvchi va talaba o'rtasidagi fikr-mulohazalardan, do tizimida boshqaruv ma'lumotlarini almashishdan, xalqaro axborot tarmoqlariga kirishdan, shuningdek SDODA xorijiy foydalanuvchilarga ulanishdan foydalanadilar.

Kompyuter tarmoqlaridan foydalangan holda videokonferentsiyalar sizga minimal xarajat bilan video aloqani tashkil qilish imkonini beradi. Ushbu turdagi videokonferentsiyalar guruhlarda seminarlar, individual konsultatsiyalar o'tkazish uchun ishlatilishi mumkin. Ovoz va video tasvirlarni uzatishdan tashqari, kompyuter konferentsiyalari kompyuterda tasvirni birgalikda boshqarish imkoniyatini beradi: masofadan chizmalar va chizmalar yaratish, fotografik va qo'lda yozishni uzatish.

Masofaviy ta'limning afzalliklari: tyutorlar (o'qituvchilar) va talabalar o'rtasidagi uzoq masofalarga qaramay, ular o'rtasidagi aloqa interaktiv, tushunarli va qiziqarli tarzda amalga oshiriladi; o'rganish mobilga aylanadi. O'quv jarayoni eng dangasa o'quvchilar uchun qiziqarli bo'ladi; kompyuterning jozibali kuchi ularni savollarning qiyinchiliklarini unutishga majbur qiladi; ular tezda yangilarini olish uchun vazifalarni faol va tezkor ravishda engishga harakat qilishadi; dunyo bo'ylab "taniqli" bo'lish imkoniyati ularni o'z bilimlari va imkoniyatlarini tanqidiy baholashga majbur qiladi; ular beixtiyor takomillashadilar, bilimlarini oshiradilar, ishda jasorat va mustaqillikka o'rganadilar. Trening keng qamrovli va ijodiy bo'ladi. Eng kichik savolga javob berish uchun, umuman olganda, faqat bitta darslikdan foydalanish etarli emas. Ko'pincha, hech qanday manbalarda tayyor javob

yo'q-uni o'zingiz yaratishingiz kerak, bu sizning aqliy jarayoningizni kuchaytiradi.

Bu zamonaviy pedagogik metodologiyaning eng katta yutuqlaridan biridir. Masofaviy ta'limning o'ziga xos xususiyatlari: moslashuvchanlik. Talabalar, asosan, ma'ruzalar va seminarlar shaklida muntazam mashg'ulotlarda qatnashmaydilar, balki maqbul ishlaydilar, ya'ni. O'zlari uchun qulay vaqtda qulay joyda va qulay sur'atda, bu ko'pchilik talabalar uchun katta ustunlikni anglatadi. Talabadan kirish uchun odatda hech qanday imtihon talab qilinmaydi. Talaba mavzuni o'zlashtirish va tanlangan kurslar uchun kerakli testlarni olish uchun shaxsan o'zi kerak bo'lgan darajada o'rganishi mumkin. Modullik. Do dasturlari modulli printsiptga asoslanadi. Har bir alohida kurs ma'lum bir fan sohasi haqida yaxlit tasavvur hosil qiladi. Bu mustaqil modul kurslari to'plamidan individual yoki guruh ehtiyojlariga (masalan, alohida kompaniya xodimlari uchun) javob beradigan o'quv dasturini shakllantirishga imkon beradi.

УДК 81-2

Бабаходжаев Р. Х.

Ташкентский государственный транспортный университет

КОМПОНЕНТЫ «КАРА» И «АРЫК» В ГИДРОНИМАХ УЗБЕКИСТАНА

***Аннотация.** Как известно, гидронимы представляют собой названия водных артерий, представляющих собой огромный пласт особых лексических единиц. Они имеют огромное значение с точки зрения истории, этимологии и языкознания. Этимологический анализ гидронимов позволяет узнать о прошлом и настоящем жизни народа, его быта и деятельности. Статья представляет анализ функционирования гидронимов с компонентами «КАРА» и «АРЫК» на территории Узбекистана, в частности Ташкента и Ташкентской области.*

Ключевые слова: гидронимы, компоненты *кара* и *арык*, этимология, гидронимы Узбекистана, функционирование, тюркские языки.

Babakhodjaev R. Kh.

Tashkent State Transport University

COMPONENTS "KARA" AND "ARYK" IN THE HYDRONYMS OF UZBEKISTAN

***Annotation.** As you know, hydronyms are the names of water arteries, which are a huge layer of special lexical units. They are of great importance from the point of view of history, etymology and linguistics. The etymological analysis of hydronyms allows you to learn about the past and present of the life of the people,*

their way of life and activities. The article presents an analysis of the functioning of hydronyms with the components KARA and ARYK on the territory of Uzbekistan, in particular Tashkent and the Tashkent region.

Key words: hydronyms, kara and ditch components, etymology of hydronyms in Uzbekistan, functioning in Turkic languages.

Многие гидронимы Узбекистана представляют собой сложные слова либо составные наименования. Большой интерес представляет собой происхождение наименований, в составе которых присутствуют слова *КАРА/КОРА* и *АРЫК*. Например, *Қора қўлтиқ* (*Кара-Кулдук*) – канал (Чиназский район). Оба компонента тюркского происхождения. *Қора* – «черный», «плохой», «злой». Но по утверждению некоторых ученых «слово «кара» в конце сложного географического названия (типа *Аманкара*, *Бериккара*) означает сопку или другую сравнительно крупную возвышенность, сложенную из твердых пород с обнажениями темного цвета» [3, с.12]. В связи с вышеизложенным здесь уместно отметить араб. *гара*-«холм с твердыми склонами, скалистый останец». Данные определения адекватны.

Рассмотрим компонент *кора/кара* с ностратической точки зрения. Так, например, в талышском языке, как отмечает М.А.Мамедов, компонент *кер* означает «камень», «скала» и часто употребляется в гибридных оронимах. Сравнительный анализ показал, что *кер* – «камень» встречается и в некоторых иранских, тюркских, фино-угорских языках. *Кер* в значении «камень» встречается и в армянском языке.

Следует отметить, что *кар/а/* не только означает «черная вода», «черная река» но и «каменная», «горная», в смысле не питьевая вода. Поэтому во многих тюркских языках, в частности узбекский, азербайджанский, татарский, этот термин имеет *ак+су* «питьевая вода». Нельзя с полной уверенностью, например, сказать, что гора *Актаг /Октог/* названа так, потому, что она имеет белый цвет, а скала *Кара/Қора/-*черный. Такая номинация не всегда совпадает с реальным признаком географического объекта. Например, как пишет Г.Ф. Саттаров, топокомпонент *аг/ак, кара/қора* в составе топонима имеет значение «высокий», «верхний», а не «белый» или «черный» [5, с.18]. Е.Койчубаев переводит топоним *Бешикара* в Казахстане как «пять холмов». В данном случае, на наш взгляд приемлемым определением по отношению к гидрониму *Қорақўлтиқ* (*Кара Кулдук*) является второе значение слово *кара* – «камень» / «черный камень».

Қўлтиқ (*кулдик*) – “залив моря или озера”, преимущественно мелкий, закрытый. В татарской гидронимии *қўлтиқ* – “приток реки, залим”. В гидронимической системе татарстана употребляется как аппелятив и кроме того является элементом составных названий водных объектов, например: Кече култык йылгаси – приток реки Майна. В древнетюркском языке *колтик* – *қўлтиқ* употребляется в значении

«залив» [1, с.52]. В словаре В.В.Радлова это апеллятив также имеет значение «залив» [7, с.987]. Таким образом, *Қорақўлтиқ (Кара-кулдюк)* – это «каменистый залив».

Қорақамиш (Каракамыш) – канал (г.Ташкент). Название канала можно объяснить тем, что густые заросли тростника на большой территории издаലെка казались темными (ср. кора дарахт – «черное дерево») – бескрайние сады, кажущиеся на горизонте темными лесами). В буквальном смысле Каракамыш – “черный камыш”. *Қоратена - арык* (Нижнечирчикский район). *Қора/Кара* азерб., туркм. *гара* в тюркских языках известно преимущественно в следующих значениях: 1) «черный», «темный», «мрачный», «суровый», «печальный», «несчастный»; 2) «скот», «толпа», «народ», «войско»; 3) «суша», «земля»; 4) «холм», «сопка», «высокий берег». Термин *қора/кара* – часто используется как первый элемент словосочетаний, обозначающих:

- 1) Этнонимы: *Кара тургеш, Кара-колнок, Кара кыргыз*;
- 2) Топонимы: *Кара Богаз гол, Кара кала, Кара дарья*;
- 3) Личную ономастику: *Кара хан, Кара бек*.

В некоторых устойчивых словах кара имеет ряд дополнительных значений: «большой», «крупный», «обильный», «главный», «великий», «могучий», «сильный». В указанных значениях термин кара используется в личной ономастике у многих тюркских народов.

Второй компонент тепа (см. выше) - «холм». Гидроним *Қора тепа* в буквальном смысле означает «арык, берущий свое начало от черного холма».

Многие гидронимы связаны с термином *арик (арык)*. Нередко этот термин представляет собой компонент того или иного гидронима. *Ариқ* – это искусственный канал (канава), подводящий воду из реки или водохранилища для орошения. Древнетюркское *ariq* – «ручей», «арык». В современных тюркских языках *арик /арык/* также – «река», «поток, приток, берег». Из перечня значений следует, что центральным в *арык, арык* ... является значение текущей, проточной воды, в меньшей степени – значение русла, ложа текущей воды. Этимологически восходит к корню ар со значением «протекать, просачиваться» [4, 57-58]; др.тюрк. *ariq* – «межгорная долина», *ari* – «горы, изрезанные ущельями»; турец. диал. *армак* – «источник», «ключ»; *араз* – «поток», «проточная вода» и т.д. Параллели: монг. *аруг* – «ирригационный канал», *араг* – «сухое русло», *арк* – «оросительный канал»; венг. *ар* – «наводнение, потоп» [4, с.57-58].

Тўққиз орол (Тогуз-арал) – арык (Чиназский район). Оба компонента тюркского происхождения: *тўққиз (тогуз)* – «девять», *орол (арал)* – «остров». Таким образом, можно сделать вывод, что *Тўққиз орол* – это арык с девятью (или многими) островами. В то же время узб. *орол*

означает «рукав реки». Не исключается и связь с тюркск. *ар* – «отделять», «разделять». В географии аральский тип берегов – расчлененный, извилистый. Данный компонент очень продуктивен в образовании географических названий. К примеру: *Аральское море*, *Аральск* в Казахстане, озеро *Аралсор* в Прикаспийской низменности).

Белқулоқ – арык (Чиназский район). *Бел* – др. тюркск. *bel* «холм, седловина горы, середина»; тюрко-монг. – «талия», «поясница». Второй компонент –

қулоқ – тюрк. дословно – «ухо». Узб. *қулоқ* – «место ответвления арыка», откуда тадж. *қулоқ* – маленький арык. Татар. и башк. *калқулык* – «холм, возвышенность». *Кулоқ* – также означает единицу меры воды, равную истоку через такое ответвление. *Белқулоқ* – это ответвление арыка у холма.

Терс – арык (Чиназский район). Др. – тюрк. *ters* – «превратный, обратный, противоположный, неправильный». Ср. кирг. *терс*, *терис* – «наоборот, навыворот»; казах. *терис* – «неправильный, противоположный». При ориентировке с юга северная сторона оказывается обратной, чем и объясняется название данного гидронима.

Бешариқ – арык (Нижнечирчикский район). Термин *арык* входит в состав гидронима. Первый компонент *беш* означает цифровое значение «пять». Следовательно, *Бешариқ* – арык, состоящий из пяти отводов, рукавов.

Кўрғонариқ (Курган арык) – (Нижнечирчикский район) *Кўрғон* – «крепость», «укрепление», «холм». Также употребляется в значении «селение».

Чаще всего встречается в предгорных и горных зонах. В Хорезме термин *кургон* применяли относительно центральных частей крупных поселений. Следовательно, *Курғонариқ* – арык, протекающий через крепость или холм, или находящийся возле них.

В Ташкентской области на берегах Сырдарьи в кишлаках и городках (Чиназ, Алмазар) много арыков и каналов, названия которых включают компонент *арык*. *Яллама* – *арык* (Чиназский район). *Яллама/жайилма/ейилма* – «разбросанный». Следовательно, арык распадается на несколько отводов. Но по нашему мнению, объект получил свое название от ойконима Яллама.

Кумариқ – (Чиназский район). Первый компонент гидронима *кум/кум!* – означает в узб., казах. языках «песок». *Кумариқ* – это «арык с песчаным дном» или же «песчаный арык».

Паст ариқ – (Нижнечирчикский район). Переводится как «арык, расположенный в низине».

Бўржар (*Бурджар*) – арык (г.Ташкент). Название данного гидронима (чередование звуков р-з), берущего свое начало с канала Анхор в районе Бешагача, можно объяснить как «волчий овраг» или же «серый овраг». По сообщениям С.Караева, в исторических сочинениях

место размещения войсковых частей называлось *булжар*, возможно *Буржар* (район *Буржар*) был местом дислокации войск перед наступлением и называлось *булжар* (здесь «л» переходит в «р») [2, с.106]. *Дархонариқ* – (г.Ташкент), *Дархан//тархон* – исторический». Кроме того, этим термином также называли человека, «освобожденного от налогов, повинностей». Вместе с тем существует казахский этноним *дархан*, обозначающий народность, которая проживала компактно на этой территории.

Яримариқ – (Чиназский район). *Ярим* – «половина». Арык назван так в связи с небольшими размерами. *Чуқурариқ* – (Чиназский район). *Чукур* – «глубокий». Название данного гидронима довольно прозрачно.

Куралаш – арык (Чиназский район). Название гидронима связано с водой, которая течет по данному арыку. *Куралаш* (ср. *аралаш-куралаш*), (*лойқа сув, лойқа ариқ*) – «смешанный с глиной». *Қирариқ* – (Янгиюльский район). *Қир/гир/кир* – в др. тюркс. языке означает «возвышенность», «холм», «гора». Следовательно, *Кирариқ* – арык «протекающий через возвышенность». *Мозор ариқ* (*Мазар арык*) – (Чиназский район). *Мозор* в переводе с арабского – «кладбище», следовательно, *мозор ариқ* – «арык около кладбища».

Некоторые гидронимы имеют компоненты смешанного происхождения. *Тошчархипалак* – арык (Нижнечирчикский район). Первый компонент гидронима тош – тюркского происхождения и означать в переводе «камень». *Чарх* – иранского происхождения. *Чарх* – «мельничное колесо». *Палак* (тюрк.) – «пасть». *Чархпалак* – «круговые качели», «чертовое колесо». Этимология гидронима не атрибутирована. Мы предполагаем следующую этимологию данного гидронима: «каменный жернов водяной мельницы».

Ингури – арык (Янгиюльский район). *Ин* – «гнездо» (др.тюрк.), гури – «гора», «яма» (Иранского происхождения). *Ингури* – «гнездо в низине».

Богара (*Багара*) – арык (Чиназский район). *Богара* – иранского происхождения, имеет значение «целина», «неорошенная земля». Ср. «*Богара*, – ы, ж. (спец). Земли в зоне неорошаемого земледелия, на которых посевы выращиваются без полива.

Обилие гидронимов на территории Узбекистана говорит о том, что край этот был плодородным и здесь до сих пор расцветает земледелие и рыболовство, хотя некоторая часть гидронимов утрачена в связи с изменением русла рек и обмеление. Но появилось и много искусственных оросительных систем, что послужило появлению новых гидронимов.

Список литературы

1. Гарипова Ф.Г. Исследования по гидронимии Татарстана. – М.: Наука, 1991. – 293 с.
2. Караев С.К. Топонимия Узбекистана: (Социоллингвист. аспект). – Ташкент, 1991. – 129 с.
3. Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. – Алма-ата: Наука, 1974 – 274 с.
4. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М., 1984. – 653 с.
5. Саттаров Г.Ф. «Слова «ак» и «кара» в татарской ономастике»/ Вопросы татарского языкознания. Кн. 4-я. – Казань, 1972. – с.18.
6. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. – М., 1974. – 768 с.
7. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1989. – Т. 2. ч.1., – 974 с.

УДК 81-2

Бабаходжаева М.Х.¹, Ахмедов О.В.¹

¹Ташкентский государственный транспортный университет

КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» В ТЕРМИНАХ РОДСТВА В УЗБЕКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. *Статья посвящена описанию лексических единиц, обозначающих термины родства в узбекском и русском языках. Концепт «Семья» реализуется в качестве маркера национального менталитета в речевом этикете общения. Формирование концепта отражает и формирования значимости родственных связей как внутри, так и вне семьи. Ядром являются родители и их дети, внуки, на периферии – родные братья и сестры со стороны обоих родителей. В узбекских семьях наблюдается тесная связь родителей не только со своими детьми, но и связь своих родителей с их детьми, т.е. представителей старшего поколения с их внуками и внучками. В сопоставлении терминов узбекского языка с функционированием их аналогов в русском языке выявляется особое значение в детализации родственных связей. Результаты актуальны для исследования национальных особенностей межкультурной коммуникации.*

Ключевые слова: концепт, семья, термины родства, национальный менталитет, межкультурная коммуникация

THE CONCEPT OF "FAMILY" IN TERMS OF KINSHIP IN THE UZBEK AND RUSSIAN LANGUAGES

Abstract. *The article is devoted to the description of lexical units denoting kinship terms in the Uzbek and Russian languages. The concept of "Family" is implemented as a marker of the national mentality in the speech etiquette of communication. The formation of the concept also reflects the formation of the significance of family ties both within and outside the family. The core is the parents and their children, grandchildren, on the periphery - brothers and sisters from both parents. In Uzbek families, there is a close connection of parents not only with their children, but also the connection of their parents with their children, i.e. representatives of the older generation with their grandchildren and granddaughters. Comparing the terms of the Uzbek language with the functioning of their counterparts in the Russian language, a particular importance is revealed in detailing family ties. The results are relevant for the study of national characteristics of intercultural communication.*

Keywords: concept "family", terms of kinship, national mentality, intercultural

Как известно, брачные узы расширяют круг родственных связей. Основной единицей значимости семьи являются родители. Это прежде всего *свекровь*, на узбекском звучит – *кайнана*, свекор – *кайнота*. Она – мать, Ота – отец. Т.е. мама мужа или папа мужа, когда речь идет о них, но в обращении сноха и зять обращаются, как и к своим родителям *Оежон* или *Адажон*, т.е. как в своей семье к родным маме и папе. Родители мужа обращаются к снохе – *келин*, братья и сестры мужа для снохи – *кайнага*, *кайнагача*, обобщенно *кайни* – брат или братишка мужа и *кайнапа* – старшая сестра мужа, *кайнсингили* – сестренка мужа. Жены двух братьев называются *овсинлар* (сношенницы). А мужья сестер называются *божа* (во мн. ч *божалар*). Слово *куев* имеет значение зять.

Родители родителей, т. е. *дедушка* и *бабушка* по линии матери в литературном языке обозначаются словами *бува* и *буви*. А *дода* и *ое* по линии отца, однако обращение *ое* может обозначать *мама*, в некоторых регионах *ота* или *эна*, т. е. имеются диалектное различие обращений. Как правило, добавляют ласковое добавление *жон*: *онажон*, *оежон*, *додажон*, *бувижон*, *буважон*, *укажон*, *акажон*, *опажон*, *сингилжон*. В русском: *мамочка*, *бабуля*, *дедуля*, *братик*, *сестрица*, *сестренка*.

Детки детей обозначаются терминами *невара* и *эвара*, т.е. внук, правнук или внучка и правнучка, причем они могут иметь и значение множества, т.е. внуки и правнуки. Дети братьев и сестер обозначаются *аммавогача* или *аммакевогача*, *тогавогача* и *холавогача*, т.е. он или она

мои двоюродные по линии отца или по линии матери, но между собой в обращении используются термины родства: *ака/ука* или *она(опча)*, *сингил*, как видим, не уточняется двоюродность, ибо это одна большая семья, связанная на всех уровнях братско-сестринскими узами.

Следует отметить, что частичное родство братьев и сестер наблюдается в семьях, где в силу ряда причин произошел развод или умер кто-то из родителей и отец или мама создают новую семью, но связи с детьми не обрываются.

Братья по отцу или сестры по отцу обозначаются терминами *отадош* и *онадош* – родство по матери, т. е. единоутробные братья и сестры. В русском языке не так детализированно, хотя есть понятие *сводные братья и сестры*.

Узбеки в обращении вне своей семьи к русскоязычным, например, к незнакомой молодой женщине, используют кальку с узбекского: *сестра* (по-узбекски *она*), которое используется как уважительное обращение.

В узбекском *она* – это и *мама* или *сестра*, и просто выражает статус. *Отажон* – вежливое обращение к пожилому мужчине, *окажон*, – *брат*, *укажон* – братик.

Разумеется, обращение обязывает адресата вести себя соответственно преданного ему статусу, которое придает ему такое вежливое обращение: ведет себя как отец, как брат или братик, как невестка, как сестра, как тетя, дядя, сестричка. Таким образом, функционирование терминов родства в узбекском социуме способствует развитию этикета обращения не только в общении в кругу семьи, но и вне ее. Очень важен концептуальный аспект этих обращений – все мы *одна семья*.

В русской системе родства, в отличие от узбекской, не распространено различие родства по жене или мужу. В обоих случаях употребляют термин *родня* обобщенное значение без уточнения по мужу или по жене. Есть обращения *сват* и *сваха*, *сватья* родителей супругов друг к другу, в узбекском *куда* – это *сваха*, обращение родственников друг другу *кудахола*, как мы упоминали, *тетушка* со стороны сватов, *кудалар* – родня снохи или зятя

Принадлежность к общей семье выражено терминами *овсин* – *сношенница* (*овсинлар*) это жены братьев по отношению друг к другу. *Овсиним*, т. е. *жена брата моего мужа*. а мужья двух сестер в узбекском в обращении называются словом *божа*, но употребляются как по отношению к друг другу, так и в обращении к третьему лицу. Следует отметить, что такой детализации нет в русском.

Одним из важнейших особенностей рассматриваемой системы родства в общении на русском языке являются термины, обозначающие членов - ближайших родственников – это *дядя*, брат отца или матери, а также взрослый мужчина вообще, к которому обращаются дети, либо

люди младше по возрасту – неродственники. *Тётя* – сестра отца или матери; а также взрослая женщина вообще, к которой обращаются дети и младшие по возрасту. В речи функционирует и фамильярное общение: *тетка, дядька*, и ласкательное: *тетенька, дяденька, тетечка* или *дядюшка и тетушка*

Следующими словами *племянник* обозначается понятие сын дяди или тети в отношении их брата или сестры. *Племянница* – дочь дяди или тети, т. е. дети брата или сестры отца и матери. Фамильярное обращение – *племяш, племяшка*

В русском языке дети брата или сестры отца и матери обозначаются: *двоюродный брат* или *двоюродная сестра*, либо *троюродный брат* или *троюродная сестра* независимо с какой стороны. (Как бы одного племени).

Свёкор и *свекровь* – это родственники со стороны мужа. *Свёкор* – это отец мужа, а *свекровь* – это мать мужа. Родственниками со стороны жены являются *теща* и *тесть*. *Тестем* называют отца жены, а *тещей* – мать жены. Жена сына называется *невесткой, снохой*, а муж дочери – *зятем*.

Сват – тот, кто сватает кого-либо кому-либо; отец мужа по отношению к жене или отец жены по отношению к мужу, т. е. родители супругов. *Сваха* – женщина, которая сватала невесту жениху или жениха невесте; мать мужа по отношению к жене или матери жены в отношении мужа родителей.

Со стороны мужа родственниками являются *деверь* (брат мужа) и *золовка* (сестра мужа). *Шурин* (брат жены) и *свояченица* (сестра жены) – это родственники со стороны жены. Хотя это родство довольно далекое, но такие термины все равно существуют и широко применяются особенно в диалектной речи.

В русской системе родства, в отличие от узбекской, распространено неразличение свойства по жене или мужу. В обоих случаях употребляют термины *родня, свояк*. Таким образом, концепт *семья* в терминах родства и в русском языке предполагает значение родственных связей как внутри ,так и вне семьи. В отличие от узбекского языка в русском языке функционируют слова замещения родителей по христианской вере При крещении родительские обязанности добровольно возлагаются на близких друзей, которые могут принять на себя обязанности в воспитании детей, оставшихся без родных папы или мамы. *Крестная мама* и *крестный отец*, соответственно: крестная дочь – *крестница* и крестный сын – *крестник*. В обращении *крестный/ая* слова субстантивируются и используются как существительные *крестная* и *крестный*.

Родители ребенка, окрестив ребенка становятся духовными родственниками с *крестной* и *крестным* и обращаются друг к другу *кум* и *кума*, т.е. функционально становятся близкими членами семьи.

Так образом, анализ значений терминов родства в лексике узбекского и русского языков показывает функциональные особенности национального видения мира семейных связей. Следует обратить внимание на системность лексических единиц, выраженных в терминологии родства. И в русском и в узбекском языках большое значение придается близости родственных связей. В русском языке шире и ближе выражено языковое выражение родства и свойства. И в узбекском языке значительное внимание к признанию близости родственных отношений в семье расстраивается и к признанию родни сватов, в том числе и троюродных и четвеюродных родственников, которое обозначается одним словом - *кариндош*, ну а в русском – *родня*, фамильярно: *родичи*.

Термины родства отражают определенный тип семейно-родственных отношений, правила и обязательства членов семьи. Это объясняется общим языком – основой (индоевропейской), «к числу важнейших особенностей рассматриваемой системы родства принадлежат дифференциация терминов родства по старшинству и полу и разграничение в терминологии отцовской и материнской линий родства» [1, с. 204-205]. В отличие от русского языка в узбекском языке система родственных отношений отличается большей детализированностью, так как «в древнетюркском обществе сохранялись черты матриликального брака: в семью могли входить не только потомки главы семьи, имевшей уже патриархальный облик, но и потомки его сестер, что служит свидетельством совместного проживания женатых братьев и замужних сестер, отголоска явления, характерного для более раннего этапа развития семейных отношений» [1, с. 206].

Следует также отметить, что в узбекском языке термины родства не употребляются в уничижительном значении, например, в русском *папаша* фамильярное или ироническое употребление, в узбекском не допускается, но иронично, любя можно употребить *отажон*, (папочка, отец) в обращении к пожилому неродственнику, *холажон* (сестра по матери).

Метаморфозы в лексике, выражающей термины родства, соотносятся с развитием языковой системы и историей нации, культуры общения народа и его ментальности. Развитие национальных особенностей концепта родство в общении позволяет осознать уникальность функций этих терминологических единиц. А менее или более востребованность использования этой лексики в коммуникации тесно связана с национальной культурой общения, традициями. Русский и узбекский этносы отражают собственные системы выражения в языке родственных отношений, чем значимее родство в выживании этноса, тем оно более детализированно представлено в культуре коммуникации на родном языке.

Прослеживание функционирования, сравнительный анализ лексических единиц, образующих и выражающих системность терминов кровного родства позволяет выявить национально-специфичные особенности народа, его менталитет и самобытность, развивает и обогащает культуру иноязычного общения.

Список литературы

1. Абрамзон С. М. О некоторых терминах родства в тюркских языках // Тюркология. К 70-летию академика А. Н. Кононова. – Л.: Наука, 2001. – С. 204-207.
2. Агазаде Н. Г. Сопоставление как основной метод типологического исследования / Советская тюркология. - Баку, 1976. – № 1. – С. 3-11.
3. Попова З. Д., Стернин, И. А. Язык и национальное сознание // Вопросы теории и методологии. – Воронеж. – 2002. – 151 с.
4. Русско-узбекский словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.translatos.com/ru/uz-ru/>. – (Дата доступа: 13.11.2019).

УДК 372.882

Бачкова А.Г.¹

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент **Быков А.В.¹**

¹Елабужский институт Казанского федерального университета

РАЗВИТИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПЛАТФОРМ

***Аннотация.** Данная статья посвящена рассмотрению вопроса о роли информационных и коммуникационных технологий на школьных уроках литературы. Цель исследования – представить электронные образовательные платформы как способ развития читательской грамотности. В статье будут представлены примерные типы заданий по произведениям современной подростковой прозы, способствующие развитию читательской грамотности старшеклассников.*

Ключевые слова: читательская грамотность, электронные образовательные платформы, онлайн-курс, литература, задания.

Bachkova A.G.¹

Research Advisor – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Bikov A.V.¹

¹Yelabuga Institute of Kazan Federal University

DEVELOPMENT OF READING LITERACY THROUGH ELECTRONIC EDUCATIONAL PLATFORMS

Abstract. *This article is devoted to the issue of the role of information and communication technologies in school literature lessons. The purpose of the study is to present electronic educational platforms as a way to develop reading literacy. The article will present exemplary types of tasks on the works of modern teenage prose, which contribute to the development of reading literacy of high school students.*

Keywords: reading literacy, electronic educational platforms, online course, literature, tasks

Учитывая возможность смешанного формата обучения, электронные образовательные платформы должны разрабатываться в период постпандемии с целью повышения мотивации к той или иной дисциплине, экономии времени и могут стать альтернативой факультативной работы, а поскольку читательская грамотность старшеклассников будет влиять на успешность при сдаче ЕГЭ и ОГЭ по литературе, также успешному написанию итогового декабрьского сочинения. Развитие читательской грамотности – перспективное направление работы, что обуславливает появление полярных точек зрения и многочисленных публикаций. Желая рассмотреть понятие «читательская грамотность», мы изучили мнение педагогов Стариковой Е.В., Кулаевой Г.М. [1], которые уверяют, что это формирование умения понимать текст, интерпретировать его, использовать для развития дополнительных компетенций, беседовать о нем, обобщать полученную информацию и применять для личностного и социального роста. Наиболее актуальным в 2020, 2021, 2022 годах (время пандемии и постпандемии) является стремление повысить читательскую грамотность с помощью электронного образования. Подтвердить мысли позволяют исследования педагогов, психологов и филологов. Так, Горбулёва Е.С. в статье «Использование электронной образовательной платформы для повышения читательской грамотности учащихся» [2] не просто уточняет понятие, дополняя его умением лица осознавать, понимать, а также применять письменные слова, чтобы добиваться собственных поставленных целей, дополнять личностные познания, а также расширять вокабулярный аппарат, принимать в общественной жизни, но и уверяет, что электронное образование станет альтернативным, что свидетельствует о потребности развивать читательскую грамотность с помощью цифровых ресурсов. Исследователь убеждает в том, что для качественного результата просто необходимо междисциплинарное направление и объединение

усилий как со стороны филологов, так и со стороны мобильных разработчиков. Туркова Е.В. [3] одной из основных компетенций успешного человека считает читательскую – представление слов, их применение, анализ, способность выполнять заключения на основе текстов, а также взаимодействие вместе с ними с целью реализации собственных целей, расширение познаний. Кулаева Г.М в статье «Формирование читательской грамотности обучающихся на основе цифровых образовательных ресурсов по русскому языку» [4] приводит своё определение читательской грамотности. Автор утверждает, что читательская грамотность – это способность лица к осознанию, а также постижению письменных контекстов, рефлексии и рассуждения о них. Таким образом, автор расширяет дополнительными смыслами имеющееся понятие, позволяя понять, что сформированного определения на сегодняшний день нет. Панова Е.Е в статье заявляет, что читательская грамотность в совокупном значении обуславливается как необходимость в читательской работе для эффективной социализации, последующего саморазвития [5]. Читательская грамотность способствует стремлению к коннотационному чтению, возможности получать нужные данные с целью её преобразования в соответствии с интересами. Стоит отметить, что исследователь предлагает проводить работу с младшими школьниками, поскольку начинать развивать читательскую грамотность желательно именно в раннем возрасте.

Разработать задания по развитию читательской грамотности можно разместить на удобной платформе Google Classroom. Выбор литературы для рекомендательного знакомства школьников был осуществлён с учётом возрастных особенностей и интересов, чтобы ученики 10 класса смогли почитать их во время летних каникул. Составляя список текстов, мы обращали внимание на известные литературные премии «Книгуру», «Международная литературная премия имени В.П. Крапивина», «Книга года», «Новая детская книга», «Алиса». Мы выбрали следующие произведения Е. Рудашевского:

1. «Ворон»;
2. «Здравствуй, брат мой Бзоу»;
3. «Куда уходит Кумуткан».

Поскольку мы предлагаем работать с электронными образовательными платформами во внеурочное время и повышать с их помощью читательской грамотности, то разработан для загрузки в Google Classroom творческий блок заданий с учетом критериев формирования читательской грамотности.

Рис. 1. Критерии формирования читательской грамотности.

1-ый критерий: опора на текст.

Извлечение информации

А) Заполните таблицу, выписывая детали портрета из фрагментов повестей Рудаковского «Ворон», «Здравствуй, брат мой Бзоу», Владимова «Генерал и его армия», но предварительно изучите теоретическую информацию.

Теоретическая справка. Портрет литературный – изображение героя, включая его жесты (движение рук), мимику (изменение лица), природные данные (цвет глаз, волос, фигуры), одежду.

1. Фрагмент.

Ему нравился Артёмич – невысокий, поджарый мужичок. Его бугристое, свежевспаханное лицо, улыбка тёмных зубов и сам взгляд выдавали сельское происхождение. С таким лицом Артёмич не смог бы притвориться городским, даже если б вздумал натянуть костюм с галстуком и лакированные ботинки, а это с ним случилось лишь дважды: на собственной свадьбе и на отцовских похоронах. С тех пор костюм лежал в глубине антресолей, рядом с коньками «Хаген» и набором лото. На лбу Артёмича, словно выпавшая прядь волос, виднелся уголок шрама («Ворон»).

2. Фрагмент

Валера в последние годы ходил с животом. Голова теряла волосы. Те, что остались, были седыми. Брился он редко, уже не стеснялся седой щетины. На плече тянулся шрам – память о войне («Здравствуй, Брат мой Бзоу»).

Таблица 1.

Детали портрета	
1 фрагмент	2 фрагмент
1.	1.
2.	2.
3.	

Критерии оценивания задания «А»:

Высокий уровень ЧГ (5, 4 балла).

Средний уровень ЧГ (3, 2 балла).

Низкий уровень ЧГ (1 балл).

Б) Соотнесите картинки и поясняющие их теоретические понятия.

Все иллюстрации взяты из повестей Е. Рудашевского «Здравствуй, Брат мой Бзоу», «Ворон», Владимирова «Генерал и его армия».

Таблица 2

Соотнеси изображение с понятием. Визуализация

Картинка	Теоретические понятия
	Анималистический образ
	Пейзаж
	Портрет
	Хронотоп

Критерии оценивания:

Высокий уровень ЧГ – 3 балла.

Средний уровень ЧГ – 2 балла.

Низкий уровень ЧГ – 1 балл.

2-ой критерий. Основа на внетекстовые знания.

Стремясь выяснить координацию обучающихся во внетекстовых взаимосвязях, мы предложили им написать сочинение по типу ЕГЭ по литературе (6).

Задание. Напишите сочинение (от 5-10(15) предложений) на тему.

В каких еще произведениях отечественной литературы присутствуют образы животных? (Найдите сходства или различия)

Критерии оценивания:

К1 – чёткий ответ на вопрос (2 балла).

К2 – качественный сопоставительный анализ (4 балла).

К3 – речевая грамотность (2 балла).

Высокий уровень ЧГ (7-8 баллов).

Средний уровень ЧГ (5-7 баллов).

Низкий уровень ЧГ (2-3 балла).

Осветив оба критерия оценивания читательской грамотности, мы составили итоговую таблицу.

Таблица 3.

Итоговый результат

Высокий уровень ЧГ	Средний уровень ЧГ	Низкий уровень ЧГ
47-54 баллов	32-45 баллов	28 и ниже

Таким образом электронные образовательные платформы удобны для повышения читательской грамотности во внеурочное время, поскольку есть преимущества:

- Позволяют в удобном режиме выполнять задания.
 - Способствуют глубокому погружению в текст.
 - Вмещают максимальное количество информации.
 - Формируют навыки письменной речи, необходимые для написания ОГЭ, ЕГЭ, итогового сочинения.
1. Усиливают читательский интерес и мотивацию.
 2. Развивают информационную грамотность и способствуют формированию функциональной грамотности.

Список литературы

1. Старикова Е.В. Дистанционные практики по развитию читательской компетентности обучающихся, разработанные на основе каталогизированных материалов РЭШ [Электронный ресурс] – URL: <https://www.iurok.ru/categories/14/articles/34193> (дата обращения: 03.08.2022).

2. Горбулёва Е.С. Использование электронной образовательной платформы для повышения читательской грамотности учащихся. – URL: <https://infourok.ru/ispolzovanie-elektronnoy-obrazovatelnoy-platforni-dlya-povisheniya-chitatelskoy-gramotnosti-uchaschihsya-3442216.html> (дата обращения: 31.07.2022)

3. Туркова Е.В. Развитие читательской грамотности на уроках истории с помощью электронных образовательных ресурсов [Электронный ресурс] – URL: <https://www.uchportal.ru/publ/23-1-0-11506> (дата обращения: 01.08.2022).

4. Кулаева Г.М. Формирование читательской грамотности обучающихся на основе цифровых образовательных ресурсов по русскому языку. [Электронный ресурс] – URL: <http://ippo.selfip.com:85/izvestia/kulaeva-g-m-formirovanie-chitatelsko/> (дата обращения: 03.08.2022).

5. Панова Е.Е. Формирование читательской грамотности у младших школьников. [Электронный ресурс] – URL: http://www.iro48.ru/Читат_грамотность.PDF (дата обращения: 03.08.2022).

УДК 811.161.1

Белоусова М.В.¹

Научный руководитель – доктор филологических наук, доцент Милютина М.Г.¹

¹Удмуртский государственный университет

ЛОГОТИП ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КАК КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ (НА ПРИМЕРЕ ЛОГОТИПА ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ»)

Аннотация: Развитие рыночных отношений вызвало повышение интереса к брендингу. Бренд выражает миссию фирмы и отражает стратегию развития. Одним из основных составляющих бренда является логотип. Когда мы говорим о политической сфере, а не о товарной, таким знаком становится эмблема политической организации. В данной работе проведен анализ логотипа политической партии «Единая Россия» как особого креолизованного текста, широко используемого в коммуникативном пространстве для популяризации имиджа организации. Отметим, что ранее графические символы политических партий не рассматривались как поликодовые тексты. В этом состоит новизна нашей работы. Анализ партийной эмблематики осуществлен с опорой на официальную трактовку эмблематических элементов (она содержится на официальном сайте партии) и на семиотические средства визуальной (графической и цветовой) символики. Дана оценка логотипу с точки зрения соответствия новейшим стандартам дизайна. Рассмотрена эксплицитная и имплицитная связь между словесными и иконическими элементами (классификация Б. Эльбрюнна), учтено прагматическое воздействие фирменного знака на адресата, определено, какую закодированную при помощи семантических средств информацию передают эмблематические элементы. Значительное внимание уделяется роли визуальной информации в создании прагматического эффекта. В ходе анализа сделаны следующие выводы: логотип партии «Единая Россия» - эмблема смешанного типа, в которой визуальное и словесное находятся в отношениях «якорной стоянки» (по Б. Эльбрюнну), логотип соответствует современным стандартам дизайна логотипа (по цвету, форме, шрифту, композиции), оказывает влияние на электорат, стирая границы между партией и ее

потенциальными сторонниками, тем самым достигая заложенного в логотип прагматического эффекта.

Ключевые слова: логотип, креолизованный текст, партия «Единая Россия», вербальный/невербальный компонент, прагматический эффект.

Belousova M.V.¹

Research Advisor – Doctor of Philology, Associate Professor Milyutina M.G.¹

¹Udmurt State University

THE LOGO OF A POLITICAL PARTY AS A CREOLIZED TEXT (BY THE EXAMPLE OF THE LOGO OF THE "UNITED RUSSIA" PARTY)

Abstract. *The development of market relations has caused an increase in interest in branding. The brand expresses the company's mission and reflects the development strategy. One of the main elements of the brand is the logo. When we talk about the political sphere, and not about the commodity, such a logo is the emblem of a political organization. This article analyzes as a creolized text the logo of the political party "United Russia", widely used in the modern communicative space to popularize the image of the organization. It should be noted that earlier logos of political parties were not considered as polycode texts. This is the novelty of our work. The analysis of party emblematics was carried out based on the official interpretation of the emblematic elements (it is contained on the official website of the party) and on the semiotic means of visual (graphic and color) symbols. The logo is evaluated in terms of compliance with the latest design standards. The explicit and implicit relationship between verbal and visual elements is studied (classification B. Elbrunn), the features of the pragmatic influence of the logo on the addressee are investigated, it is determined which information encoded by semantic means is transmitted by the emblematic elements. Considerable attention is paid to the role of visual information in creating a pragmatic effect. During the analysis, the following conclusions were made: the logo of the United Russia party is an emblem of a mixed type, in which the visual and verbal are in the relationship of "anchorage" (according to B. The logo corresponds to modern standards of logo design (in color, shape, font, composition), has an impact on the electorate, blurring the boundaries between the party and its potential supporters, thereby achieving the pragmatic effect inherent in the logo.*

Keywords: logo, creolized text, United Russia party, verbal/nonverbal component, pragmatic effect.

Мировой опыт использования товарных знаков показывает, что логотип компании является отражением её качества, адекватности, полезности и удобства. Если логотип исполнен некорректно, то велика вероятность того, что услуги, предоставляемые компанией, не понравятся потребителю. «Исследования показали, что 60% покупателей связывают логотип с качеством товара, 30% – с принадлежностью данной фирме и только 10% не обращают на него внимание» [9, с.249]. Создание логотипа и утверждение его в качестве

товарного знака – процесс невероятно важный. Когда речь идет о политических партиях, таким товарным знаком также выступает логотип. Он является одним из факторов, влияющих на формирование эффективного имиджа политической партии, наряду с программно-идеологической, событийной, личностной составляющей [4, с.162-163]. В отличие от товарных логотипов, эмблемы политических партий еще не подвергались серьезному анализу. Данной теме посвятили свои работы А.В. Бабайцев [2], В.Н. Руденко [10], Е.В. Зазыкина [7]. Отметим также, что в этих статьях выдвигается на первый план символическая сторона логотипа, мы же определяем партийный логотип как особый семиотически сложный текст.

«Креолизованный текст [13, с.180-181] – текст, фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)». В языкознании подобные тексты чаще всего характеризуются как следствие сочетания и эффективного функционирования «звеньев» разных знаковых систем, особенный «лингвизуальный феномен, текст, в котором вербальный и невербальный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое целое, обеспечивающее его комплексное прагматичное влияние на адресата» [1, с.71-77].

Цель нашей работы определить, как вербальное и невербальное сосуществует внутри логотипа, какое влияние этот «союз» оказывает на адресата; выявить, какую закодированную с помощью семантических средств информацию передают потребителям символической «продукции» эмблематические элементы.

В данной статье мы рассмотрим логотип крупнейшей партии нашей страны «Единой России». Изучая партийную эмблематику, мы будем опираться и на официальную трактовку эмблематических элементов (она содержится на официальном сайте партии), и на семиотические средства анализа визуальной (графической и цветовой) символики. Оценим логотип с точки зрения соответствия новейшим стандартам дизайна, в ходе анализа будем опираться на классификацию Б. Эльбрюнна, разработанную для исследования логотипов [15, с.34]. Такая интерпретация партийной эмблематики, на наш взгляд, приведет к основной задаче анализа – декодированию логотипа политической партии, к раскрытию его прагматического эффекта.

Анализ современной литературы (М. Эвами [14], Д. Эйри [17], Б. Эльбрюнн [15]) позволил выявить, что в логотипе определяющими считаются следующие характеристики: простота, естественность, гармоничность, сбалансированность, цвет и форма. Мировые эксперты по брендингу [16] также отмечают, что логотип должен быть максимально четким, ярким, передавать идею и ценности бренда. Партийные эмблемы должны привлекать как можно большее число

избирателей, говорить о том, что важно, значимо для политической организации, быть понятными своему электорату. Незамысловатость, символичность, информативность, узнаваемость — крайне важные свойства символов, которые должны запомнить сотни тысяч людей. Б. Эльбрюнн выделяет несколько категорий логотипов (по наличию элементов лингвистической и/или иконоической природы): «логотипы лингвистического типа (названия, сокращения и т.д.), икотипы (картинки, изображения), логотипы смешанного типа (сочетание названия с изображением)». Комбинированный знак любопытен в плане анализа: он ставит проблему сосуществования двух типов сообщений — лингвистического и иконографического, которые могут находиться в отношениях сопоставления, переключения, якорной стоянки.

Сопоставление – словесный тип и икотип сосуществуют как две независимые сущности, воспринимаются как имеющие слабую степень адекватности. *Переключение* – словесный тип и икотип действуют внутри одной системы циркуляции информации, работают как два фрагмента одной более общей синтагмы, идет «обмен взглядами» между двумя способами представления. «*Якорная стоянка*» – словесный тип закрепляет одну из возможных интерпретаций икотипа. Эмблема партии «Единая Россия» (Рис.1) представляет собой композицию, в верхней части которой расположено стилизованное изображение развевающегося полотнища с полосами равной ширины белого, синего и красного цвета, символизирующего флаг Российской Федерации, окаймляющего с правой стороны стилизованное

Рисунок 1

изображение в сочетании белого и синего цвета силуэта медведя, под которым по всей ширине изображения полотнища буквами одинакового размера синего цвета горизонтально в два ряда изображена надпись: ЕДИНАЯ РОССИЯ. При изображении эмблемы на темном фоне надпись – ЕДИНАЯ РОССИЯ – оформляется белыми буквами [5]. Используется национальная атрибутика: флаг России, медведь как символ России. Почему именно данное животное оказалось на символике партии?! По словам А. В. Бабайцева, в нем отражаются социальные пристрастия русского народа, его взгляды и обычаи, мифопоэтические и фольклорные традиции. Медведь, изображенный на эмблеме партии «Единая Россия», является воплощением мощи, силы, динамизма, активности, интенсивности, инициативности [2, с.93]. Медведь издревле считается тотемным животным. У многих народов России медведь является и зверем, и человеком, и божественным существом. Он символизирует «хозяина территории россиян

(своеобразного российского племенного объединения)», начальника, строгого, но справедливого и честного. По словам официального представителя «Единой России В.Р. Мединского, косолапый был выбран партийной эмблемой, потому что это «самый позитивный зверь в лесу, у него нет недостатков» [8]. Он добродушен и силен. Согласно былинной традиции, косматый выполняет в лесу роль судьи, старшего товарища. Также стоит отметить, что за рубежом наша страна всегда ассоциируется с медведем. Как отмечают эксперты, бренд получился неоднозначный: добродушие и надежность граничат с агрессивностью и грубостью.

Рисунок 2

Рисунок 3

Разумеется, этим пользуются конкуренты, приписывают медведю-единороссу отрицательные черты. Листовки с изображением побитого, в заплатках и даже с синяком под глазом медведя можно встретить во время предвыборных баталий (Рис.2). В связи с этим стоит вспомнить историю создания партии, поскольку она образована слиянием двух непримиримых конкурентов на выборах в Государственную Думу 1999 года: межрегионального движения "Единство" («Медведь») и общественно-политической организации "Отечество – Вся Россия" (Рис.3). Рабочим названием блока «Единство» было «Мужики» (на момент весны 1999 г.), от которого впоследствии отказались ввиду того, что политическое и медийное сообщества не приняли его. С течением времени блок получил наименование «МЕДВЕДЬ», что расшифровывалось как «МЕжрегиональное ДВижение Единство». После выборов в Госдуму 1999 года медведь из названия «ушел», а его изображение (позаимствованное из

эмблемы «Всероссийского союза в поддержку развития малому и среднему бизнесу» Елены Наумовой) [6, с.27] сохранилось. Возможно, именно он переключался на логотип уже новой партии.

Цветовая гамма логотипа отсылает к неизменному триколору. «Актуальным дизайнерским трендом является фон в светлой цветовой гамме, где текст и прочие элементы оформляются в темных цветах», – говорится в работе Богатыревой [3, с.21]. Именно это

мы видим на логотипе партии: белый фон, символизирующий безопасность, надпись темно-синего цвета, ассоциирующаяся со спокойствием, надежностью, вызывающая чувство доверия по отношению к бренду. Темно-синий – это непрерывность традиции, верность, безупречность, считается деловым: «будьте спокойны: страна в руках профессионалов» [12, с.186]. Теперь перейдем к лингвистической стороне. Обратим вниманием, что название партии не «Россия», а «Единая Россия». Единая – общая [11]. Тем самым представители партии еще раз подчеркивают свое единство с народом, цельность, неразрывность. Российский народ и партия «Единая Россия» – одно целое. Есть и другое мнение относительно названия партии. Как было уже отмечено нами выше, «Единая Россия» образовалась путем слияния двух общественных организаций, собственно, этот союз наблюдаем и на уровне наименования. Взяли однокоренное прилагательное «единая» и существительное «Россия» (есть что-то общее с возникновением названия политического движения «Медведь»). Несмотря на это, дух общности, сплоченности пронизывает логотип. Задача – привлечь внимание будущих и настоящих последователей, сделать «своими» – решена. Исходя из этого, можно сделать вывод, что логотип отвечает запросам политического брендинга, а значит, может быть оценен высоко с некоторыми оговорками. Он довольно спокойный, не кричащий, содержательный, но в то же время парадоксальный (образ медведя). Согласно классификации логотипов, Б. Эльбрунна, эмблема «Единой России» смешанного (комбинированного) типа, в котором словесная составляющая (Россия) закрепляет одну из трактовок икотипа (медведь), иными словами, рисунок и надпись должны между собой «договориться», чтобы не возникало двусмысленности в трактовке «текста».

Таким образом, логотип сегодня, несомненно, воспринимается как инструмент конструктивного диалога между партией и обществом, как один из рычагов, используемых для воздействия на аудиторию. Это необходимый «ингредиент» образа партии, поэтому так важно уделить внимание его разработке. Четкая и понятная связь компонентов лого (иконического и словесного) способствует эффективному функционированию партии в коммуникативной среде.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М.: Академия, 2003. – 128 с.

2. Бабайцев А. В. Семантика эмблем современных российских политических партий // Вестник ДГТУ. – 2011. – Т. 11. – № 1(52). – С. 91-100.
3. Богатырева С.М. Психология цвета в брендинге//Lingua – universonum. – 2018. – №1. – С.20-22.
4. Делеян Р.А. Имидж политических партий // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. – 2016. – №10. – С. 161-165.
5. Единая Россия: Официальный сайт партии [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://er.ru/>
6. Жегулев И. Операция «Единая Россия». Неизвестная история партии власти / Жегулев И., Романова Л. — М.: Эксмо, 2012. — 304
7. Зазыкина Е. В. Символика как составная часть имиджа политической партии// Акмеология. – 2005. – №2. – С. 69-76.
8. Зубченко Е. Самый позитивный зверь в Думе. Партийная символика, как и реклама, помогает политикам продать себя избирателям // Новые Известия. – 2006. – 24 нояб.
9. Куприна Ю.П. Дизайн логотипа и его особенности // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – № 3 (061). – С. 243–249.
10. Руденко В. Н. Позиционирование левых в политической символике современной России// Дискурс-Пи. – 2007. – Т.7. – №1. – С. 14-17.
11. Словарь синонимов под ред. А. П. Евгеньевой [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://cfrl.ruslang.ru/synonyms/00-c.htm>
12. Смыкова О. А. Психология восприятия визуальной политической рекламы: выборы депутатов ГД ФС РФ 18 сентября 2016 г.// Pro Nunc. Современные политические процессы. – 2019. – №1(21). – С. 184-195.
13. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990. – С. 180-186.
14. Эвами М. LOGO. Создание логотипов. Самые современные разработки / пер. с англ. А. Шацкова. – СПб.: Питер, 2009. – 352 с.
15. Эльбрюнн Б. Логотип / пер. с франц.; под ред. С. Г. Божук. –СПб.: Издательский дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2003. – 127 с.
16. 16 советов по созданию логотипа от экспертов по брендингу [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://netology.ru/blog/04-2019-16-sovet-logotip>
17. Airey D. Logo Design Love: A Guide to Creating Iconic Brand Identities. – New Riders, 2011. – 217 p.

Воронцова Т.А.¹, Копылова Т.Р.²

¹ Челябинский государственный университет

² Удмуртский государственный университет

ВИДЫ МОЛЧАНИЯ В РЕЧЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ)

Аннотация. *В статье рассматриваются виды коммуникативного эквивалентного молчания, функционирующего в речевом взаимодействии. Обращение к текстам русской лингвокультуры позволяет доказать, что когнитивно-дискурсивный подход к анализу языка расширяет молчание как предмет лингвистического исследования, обогащает теорию молчания, осложняя его классификацию новыми видами, обусловленными дискурсивно.*

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивная парадигма, речевое взаимодействие, коммуникативное молчание, эквивалентное молчание.

Vorontsova T. A.¹, Kopylova T.R.²

¹ Chelyabinsk State University

² Udmurt State University

TYPES OF SILENCE IN SPOKEN INTERACTION (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN LINGUOCULTURE)

Abstract. *This article considers types of communicative equivalent silence that functions in the spoken interaction. Reference to the texts of Russian linguistic culture enables us to prove that the cognitive-discursive approach to the language analysis extends the silence as a subject of linguistic study and enriches the theory of silence by complicating its classification with new types which are conditioned upon a discourse.*

Keywords: cognitive-discursive paradigm, spoken interaction, communicative silence, equivalent silence.

Изучение молчания в лингвистике началось одновременно с исследованием коммуникации и напрямую было связано с развитием антропоцентрической парадигмы в гуманитарном знании, достигнув своего пика во второй половине XX века на фоне развития теории речевых актов, что, несомненно, определило основные направления в изучении данной категории [11]. Изначально молчание исследуется как структурный элемент речевого акта, соотносится с нулевым знаком, вследствие чего обозначается учеными как нулевой текст [2, 3, 9]. Современная когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике, а вместе с ней и развивающиеся теории речевой деятельности, дискурса, речевого (коммуникативного) поведения открывают новые горизонты в изучении молчания; виды дискурсивных практик позволяют говорить и

о сложной классификации молчания как предмета лингвистического исследования [5].

Прежде всего разграничим молчание физиологическое, то есть молчание как естественное состояние человека вне говорения, от молчания коммуникативного [10]. Под коммуникативным молчанием мы понимаем молчание, способное либо функционировать в структуре речевой деятельности как текст (интенциональное молчание), либо передавать информацию о молчащем коммуниканте, интерпретироваться другими участниками взаимодействия (неинтенциональное молчание).

Анализ различных типов речевого взаимодействия позволил прийти к выводу: молчание способно, как и слово, выполнять многочисленные функции, но есть одна функция, которая является специфичной для нулевого текста, – это функция заместительная. Молчание способно замещать различные коммуникативные элементы, как вербальные, так и невербальные. Подобное молчание мы обозначили как молчание эквивалентное, функционирующее вместо других коммуникативных (вербальных и невербальных) элементов, имеющее альтернативу в виде речевого высказывания, поступка или целого события, а также компонентов невербального общения. Оно противопоставлено молчанию безэквивалентному, не имеющему во взаимодействии вербальной или невербальной альтернативы (например, пауза).

Рассмотрим виды эквивалентного молчания. К эквивалентному молчанию, замещающему речевые компоненты, несомненно, относится молчание вместо слов, или коммуникативно значимое молчание, нулевое высказывание, обладающее знаковой природой.

Замещая слова, молчание выступает как несказанное, непроговоренное, невысказанное [1]. «Не удостоить ответом», «не проронить ни слова, ни звука», «не найти слов», «не знать, что сказать», «нет слов», «нечего сказать» и мн. др. Молчание, являющееся ответом вместо ожидаемых слов, обладает огромной силой воздействия: (1) «Полное молчание. Ни слова упрека. Это молчание было всего страшнее. Молчание может казнить» (Ю. Трифионов. Дом на набережной) [4].

Молчание функционально дефицитно по отношению к слову, поскольку раскрывает смысл только в контексте [1, 5, 6, 8]. Однако есть ситуации, когда нулевой знак более точен и информативен, чем материальный. Речь идет о выражении чувств и эмоций человека. Именно такое молчание является структурообразующим элементов рассказа Л. Андреева «Герман и Марта». Еще в молодости Марте Иконен и Герману Метанен было понятно, что случайная встреча в лесу – это начало любви, которая длилась долгие годы. И за это время влюблённые не нарушили молчание ни разу. Оба в унисон чувствовали

одно и то же: как «молодая поросль», медленно, «весною и летом быстрее, зимою совсем останавливалась», росла их необыкновенная любовь.

Молчание в коммуникации может замещать невербальные элементы. В случае, когда субъект находится под воздействием сильных эмоций, он физически не способен к материально выраженной реакции на внешний раздражитель. Данное молчание носит спонтанный характер, оно не контролируется субъектом, не направлено на другого. В русской художественной литературе подобная реакция коммуникантов выражена с помощью единиц: «оторопеть», «остолбенеть», «впасть в ступор», «оцепенеть», «обомлеть» и др. Не являясь интенциональным, подобное молчание во взаимодействии несет информацию о состоянии молчащего: (2) «Увидев Наташу, Николай Иванович обомлел. Несколько справившись с собой, весь красный как рак, он объявил, что счел долгом поднять рубашечку, лично принести ее... Расшалившись в спальне, Наташа мазнула кремом Николая Ивановича и сама оторопела от удивления. Лицо почтенного нижнего жильца свело в пяточок, а руки и ноги оказались с копытцами» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Молчание, вызванное сильными эмоциями, когда человек не способен к речевым и неречевым коммуникативным действиям, обозначим как аффектное молчание (аффект – «приступ сильного нервного возбуждения (ярости, ужаса, отчаяния)»; «состояние кратковременного сильного нервного возбуждения (обычно с потерей самоконтроля)» [7]. Аффектное молчание не носит деятельностный характер, не обладает интенциональностью. Аффектное молчание указывает на факт невозможности совершить какое-либо действие, как речевое, так и неречевое. Оно мимолетно, кратковременно. Субъект речи достаточно быстро возвращается к контролю над своей деятельностью. Аффектное молчание – не интенциональное, но значимое для коммуникации: оно позволяет коммуниканту считывать состояние собеседника.

Адресант может и сознательно отказаться от паралингвистических элементов в пользу молчания, иметь интенцию:

(3) – Ой ли! Ну смотри... И он прямо из горлышка влил ему в оба отверстия раны черноватой, жгущейся жидкости. Сергей сдержал крик, вынес боль молча. – Эх молодец! – заговорил Федька. – А у нас этого еду бояться, – страсть! (Аркадий Гайдар. В дни поражений и побед).

(4) – Что дальше? – спросил он, взглянув на старика в зеркало заднего вида, и вдруг увидел на его лысине «опознавательный знак», о котором говорил Варламов. Родимое пятно. Совпадение он исключил сразу и потому едва сдержал возглас удивления. Заглаживая свою оплошность, Савелий улыбнулся. Однако старик заметил его

замешательство. – Есть проблемы? (Виктор Доценко. Срок для Бешеного).

Интенциональное эквивалентное молчание в структуре невербальной коммуникации реализует практически единственную коммуникативную тактику – скрыть информацию от собеседника. Такая функциональная дефицитность обусловлена тем, что намерением субъекта не является материально выраженное высказывание, в отличие от молчания вместо слов, сопровождающегося невербальными компонентами, которые вкупе с коммуникативной ситуацией позволяют создавать множество смыслов. Молчание как эквивалент невербальной коммуникации контролируется субъектом, оно интенционально, адресно, однако не фиксируется, следовательно, не интерпретируется собеседником.

Каковы же критерии выделения эквивалентного молчания из множества других его видов? Критерием выделения эквивалентного молчания является возможность реконструирования материально выраженного аналога. Так, Наташа, героиня повести Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные», испытывая душевные муки, ведет свой бессловесный диалог, где каждая молчаливая реплика понятна герою. Мы можем, вслед за героем, исходя из общего коммуникативного контекста, восстановить, то есть озвучить, вокализовать, молчание Наташи (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Вокализация молчания

<i>Нулевой текст Наташи</i>	<i>Интенция</i>	<i>Вокализация</i>
Она молчала; наконец, взглянула на меня как будто с упреком, и столько пронзительной боли, столько страдания было в ее взгляде, что я понял, какую кровью и без моих слов обливается теперь ее раненое сердце.	– нежелание обсуждать – упрек – информация о своем состоянии	<i>‘Не хочу это обсуждать. Зачем ты делаешь мне больно? Ты же видишь, как я страдаю’.</i>
Она только горько улыбнулась в ответ. И к чему я это спросил? Ведь я мог понять, что все уже было решено невозвратно. Но я тоже был вне себя.	– информация о сложности принятия решения – бесполезность разговора	<i>‘Мне очень трудно далось это решение’ ‘Зачем ты спрашиваешь об этом? Я уже все решила’.</i>

Таким образом, когнитивно-дискурсивная парадигма позволяет расширить молчание как предмет лингвистического исследования: от коммуникативно значимого молчания к молчанию неинтенциональному, не менее значимому для коммуникации, несущему информацию о молчащем другим участникам общения. Как следствие, классическая классификация нулевого текста включает в себя новые типы, выделение которых обусловлено различными дискурсивными параметрами.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 106-117.
2. Богданов В. В. Молчание как нулевой речевой знак и его роль в вербальной коммуникации // Языковое обобщение и его единицы. – Калинин: КГУ, 1986. – С. 12-18.
3. Кибрик А. А. Молчание как коммуникативный акт // Действие: лингвистические и логические модели. – М.: ИЯЗ, 1991. – С. 49-51.
4. Копылова Т. Р. «...Выразить душа не знает стройных слов» (о русском молчании в межкультурной коммуникации) // Международное сотрудничество: интеграция образовательных пространств. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. – С. 332-337.
5. Копылова Т. Р. Виды молчания: подходы к классификации // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2016. – Т. 26, вып. 3. – С. 80-85.
6. Крестинский С. В. Коммуникативно-значимое молчание в структуре языкового общения: дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1990. – 253 с.
7. Малый академический словарь / Ред.: А. П. Евгеньева. – М.: АН СССР, Ин-т рус. яз.; Русский язык, 1981-1984.
8. Меликян С. В. Речевой акт молчания в структуре общения: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2000. – 177 с.
9. Почепцов Г. Г. Молчание как речевой акт // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. Мориса Тереза. – М.: МГПИИЯ, 1985. – Вып. 252. – С. 43-52.
10. Baker Sidney J. The theory of silences. – The Journal of General Psychology. – 1955. – Vol. 53. – P. 145-167.
11. Jaworski A. Silence // Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. K. Brown. – Boston: Elsevier Ltd., 2006. – P. 944-946.

Гребенкина Е. К.¹, Курбанбаева Д. С.¹

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Зеленина Т.И.¹

¹Удмуртский государственный университет

ДЕСЕМАНТИЗАЦИЯ ЧИСЛА: РУССКОЕ СЛОВО В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Аннотация. *Статья посвящена вопросу десемантизации числа в русском языке на морфологическом уровне. Целью является выявление степени десемантизации семы числа в составе лексики греко-латинского происхождения. Научная новизна исследования заключается в том, что процесс десемантизации впервые рассматривается на примере числовых словообразовательных морфем в русском языке в контексте современных европейских языков (французского, испанского, итальянского и английского). В ходе сравнительно-сопоставительного, этимологического и компонентного анализов было установлено, что для данной лексики процесс десемантизации числового форманта, преимущественно, не характерен. Однако выявлены случаи с частичной и полной утратой семы числа. Частичная десемантизация обусловлена косвенной номинацией, при котором числовой компонент сохраняется в исходных значениях и утрачивается в производных. Полная десемантизация прослеживается у лексических единиц, либо вошедших в состав русского языка уже с десемантизированным числом, либо претерпевших процесс десемантизации в самом языке в сфере словообразования.*

Ключевые слова: русский язык, западноевропейские языки, число, десемантизация.

Grebenkina E. K., Kurbanbaeva D. S.

Research Advisor – Doctor of Philology, Professor Zelenina T.I.¹

Udmurt State University

NUMBER DESEMANTIZATION: A RUSSIAN WORD IN THE CONTEXT OF WESTERN EUROPEAN LANGUAGES

Abstract. *The article deals with the issue of number desemantization in Russian at the morphological level. The main purpose of the paper is to identify the degree of desemantization of the seme number in the vocabulary of Greek-Latin origin. The scientific novelty of the present research lies in the fact that the process of desemantization is considered for the first time on the example of numeral word-formation morphemes in Russian in the context of modern European languages (French, Spanish, Italian and English). In the course of comparative, etymological and component analysis it was found that for the vocabulary the process of desemantization of the numeral formant is mainly not typical. However, there have been identified the cases with partial and complete loss of the seme number. Partial desemantization is due to indirect nomination in which the numeral component is preserved the main definition and lost in the derivatives. Complete desemantization is*

presented in the lexical units either borrowed already with a desemantized number in the Russian language or undergoing a process of desemantization in the language itself in the field of word formation.

Key words: Russian language, Western European languages, number, desemantization.

На протяжении всего существования человечества возникают и становятся основополагающими понятия, которые наполняются сакральным смыслом и пронизывают все сферы человеческой жизни, одним из них является число. Многие ученые, в частности В. Н. Топоров [17], М. М. Маковский [9], определяют число как способ описания и организации порядка в мире и языке. Возникнув в глубокой древности, число функционирует в языке, в первую очередь, как имя числительное, широко исследуемое в его взаимодействии с другими языковыми единицами, т. е. на лексическом и синтаксическом уровнях, ср.: С.М. Белякова 2020, А.Н. Чугунцова 2019, С.Н. Гасанова, М.М. Дидуева 2018, М.М. Цатурян, Л.М. Пелипенко 2017 и др. Вместе с тем числа легли в основу словообразовательных формантов (морфемный уровень языка) для образования новых слов.

В рамках данного исследования будет рассмотрена лексика с числовым компонентом греко-латинского происхождения в русском языке в контексте западноевропейских языков (французского, испанского, итальянского, английского). Корпус примеров составляет более 1000 единиц с греко-латинской основой, отобранных методом сплошной и селективной выборки из словарей (этимологических, толковых, иностранных слов и галлицизмов). Форманты представлены морфемами со значениями числительных первого десятка и их производных: «один, первый» (*uni-* / *уни-*, *proto-* / *прото-*, *prim/n-* / *прим/н-*), «два, второй, двойной» (*di-* / *ди-*, *diplo-* / *дипло-*, *bi-* / *би-*, *duo-* / *ду(о)-*), «три, третий, трижды» (*tri-* / *три-*, *ter-* / *терц-*), «четыре, четвертый, четырежды» (*tetra-* / *тетра-*, *tra-* / *тра-*, *quadri-* / *квадри-*), «пять, пятый» (*penta-* / *пента-*, *quinque-* / *квинк/м-*), «шесть» (*hexa-* / *гекса-*), «семь» (*hepta-* / *гента-*, *septi-* / *сенци-*, *septem-* / *сент-*), «восемь» (*okta-* / *окта-*, *octo-* / *окто-*), «девять, девятый» (*novem-* / *ноябрь-*), «десять, десятый» (*deca-* / *дека-*, *deci-* / *деци-*).

Древнегреческий и латинский языки являются источником для образования новых слов для большинства языков мира, данная лексика имеет статус интернациональной, заимствованной русским языком напрямую из классических языков или через язык-посредник (современные европейские языки). В связи с этим анализ изучаемого корпуса слов проводится с помощью сравнительно-сопоставительного и этимологического методов, а также метода компонентного анализа при изучении числовой составляющей (семи) в структуре данных лексических единиц.

Русский язык, наряду с другими современными европейскими языками, является динамически развивающейся системой, находящейся в постоянном взаимодействии с другими языками. Международные контакты в сфере политики, экономике, науки и образования представляют собой экстралингвистические факторы перманентного развития и обогащения языка, в котором отражаются исторические и культурные изменения того или иного народа. Словарный фонд русского языка включает в себя как исконно русскую лексику, так и заимствованную, изучение которой представляет возможным полноценное изучение состояния языка в синхронии и диахронии.

Слово, являясь частью языка, определяется как социальное явление, реагирующее и отражающее всевозможные внутриязыковые и внеязыковые изменения. Следовательно, интернационализмам, вошедшим в словарный состав и систему языка, в данном случае, русского, как и любым другим лексическим единицам свойственны те же процессы семантического развития значения, в частности *десемантизация*. Данное понятие определяется многими учеными, в-первых, как процесс утраты словом лексического значения, переход его в разряд лексических и грамматических формантов, во-вторых, как результат данного процесса (десемантизированное слово), ср.: Е.А. Дичковская 2018, Г.М. Мандрикова 2015, М.Ф. Панкина 2012 и др.

Значимый вклад в исследование процесса десемантизации внес В.Г. Гак в рамках структурного и последовательного изучения вопроса о лингвистической номинации (именование объектов реальной действительности и мыслимых явлений). Принято выделять *прямую номинацию*, при которой объекту именования (номинат) соответствует определенное слово (номинант), и *косвенную*, когда слово используется для обозначения не того объекта, для которого было создано, выполняя вторичную (несобственную) функцию. Косвенная номинация обуславливается «общей асимметрией языкового знака», которая рассматривается В.Г. Гаком как «частное проявление общей свойственной человеку тенденции к переносному использованию всего того, что он создает» [6, с. 322]. Десемантизация определяется В.Г. Гаком как «предел семантического развития слова», при котором происходит утрата связи с обозначаемым объектом. Это могут быть «реальные предметы, лица, признаки, действия, чувства и продукты человеческого сознания (отвлеченные понятия, вымышленные объекты)» [5, с. 97; 6, с. 325, 330].

Процесс десемантизации характеризуется исследователями как неоднородный, поэтому выделяются языковые единицы с *частичной* и *полной десемантизацией* [11, с. 85]. Наиболее часто данное явление исследуется на лексическом и грамматическом уровнях языка (Н.А. Эргашева 2016, М.Ф. Панкина 2012, Э.П. Васильева 2011, Н.И. Рахманова 2009 и др.), также встречаются работы по

десемантизации более объемных понятий, таких как концепт, текст, дискурс (А.Д. Соколова 2022, Е.В. Погадай 2021, Е.А. Дичковская 2018 и др.). На морфологическом уровне процесс десемантизации преимущественно рассматривается в отношении «десемантизированных корней», ср.: А.В. Чанчина 2008, 2010, 2011. В рамках нашего исследования изучается процесс десемантизации на морфологическом уровне, где число функционирует в качестве словообразующих морфем.

Как показал анализ корпуса слов, заимствованная лексика с числовыми морфемами греко-латинского происхождения в большинстве случаев сохраняет сему конкретного числа. Данная тенденция прослеживается, как правило, в словах, относящихся к терминологии и употребляющихся в определенной научной сфере. К примеру, слово *тетраметр* (< др.-греч. *tetrametron* < *tetra* «четыре») является литературоведческим термином со значением «четырёхдольный стих» [3]; *децибел* (< лат. *decem* «десять»), означающий «единицу измерения громкости звука, десятую часть бела», относится к физическим наукам [2]. Некоторые термины, сохраняя значение числа, могут приближаться к разряду общеупотребительной лексики. К такого рода лексики можно отнести следующие слова: *дилемма* (< др.-греч. *dis* «дважды»), *дуэт* (< лат. *duo* «два»), *триада* (< др.-греч. *treis* «три»), *квартет* (< лат. *quartus* «четвертый»), *декада* (< др.-греч. *deka* «десять») и др. Носители языка чаще всего понимают значения данных слов, более того в словарных статьях представлены дефиниции таких слов с прямой отсылкой к числу. Приведем примеры для иллюстрации: *прототип* (< др.-греч. *prototypon* < *protos* «первый») – первообраз, оригинал, первоначальный образец; действующее лицо, послужившее автору для создания литературного типа [3]; *билингв* (< лат. *bilinguis* < *bis* «дважды») – тот, кто владеет двумя языками [14].

Далее рассмотрим лексику с частичной десемантизацией числовых морфем, которая проявляется в том, что в словах отмечаются как значения, содержащие сему числа, так и те, в которых числовой компонент утрачивается ввиду развития семантического значения слова. Так, у глагола *дублировать* (< фр. *doubler* < лат. *duplare* < *duplus* «вдвое, в два раза больше») выделяются четыре значения, зафиксированные в большинстве толковых словарей современного русского языка. Два значения сохраняют сему числа: 1) «делать что-нибудь вторично, параллельно с другими», 2) «изготавливать что-либо в двух экземплярах». В двух других значениях прослеживается замена семы «два, удвоение» на сему «заменять»: 3) «заменять основного исполнителя в какой-либо роли (в театре, кино)», 4) «заменять речевую часть звукового фильма новой записью, представляющей собой перевод на другой язык с языка оригинала» [2, 3, 14, 16]. Другими примерами

частичной десемантизации числа в составе словообразующей морфемы являются также такие слова, как:

- *уникум* (< лат. *unicum* < *unus* «один») в значении с пометкой *перен.* «необыкновенный, исключительный» [14];
- *квартал* (< нем. *Quartal* < ср.-лат. *quartalis* < *quattuor* «четыре») в значениях «часть города, ограниченная пересекающимися улицами», «*собир., разг.* население такой части города», «в лесном хозяйстве: участок леса, ограниченный просеками, дорогами», «*ист.* отделение городской полиции в середине XIX в. в России» [3, 16];
- *кадриль* (< фр. *quadrille* < исп. *cuadrilla* <) в значениях «музыка к такому танцу», «музыкальная пьеса, под которую танцуют этот танец» [3, 14];
- *трапеция* (< нем. *Trapezium* < лат. *trapezium* < др.-греч. *trapezion* «маленький столик» < tra- «четыре») в значении «цирковой или гимнастической снаряд перекладина, подвешенный на двух тросах» [3, 14, 16].

Сема числа в рассмотренных словах частично уходит в процессе его функционирования и развития дополнительного лексического значения. Слово перестает быть однозначным, приобретая статус многозначного, что объясняет утрату связи слова с называемым им объектом.

К полной десемантизации числового значения в словах со словообразовательными морфемами относятся те, у которых полностью утрачивается сема определенного числа (один, два, три и т.д.) во всех значениях, зафиксированных в толковых словарях русского языка. Этимологический и компонентный анализы исследуемых лексических единиц показали, что в русском языке слова с полной десемантизацией числовых формантов являются преимущественно заимствованиями с десемантизированным компонентом. Так, слово *диплом*, по данным этимологических словарей [24, 25], заимствованно из французского или немецкого языков в XVII в. в значение «удостоверение, грамота». В современных толковых словарях также не зафиксировано ни одного значения с отсылкой к числу. Однако, этимология данного слова восходит к древнегреческому слову *diploma* «официальный документ» (< др.-греч. *diploun* «складывать вдвое» < *diploos*, *diplous* «двойной» < *dis* «дважды» < *duo* «два»), которое было образовано в соответствии с внешним видом данного документа – лист бумаги, сложенный вдвое. Древнегреческое слово вошло в современные европейские языки через латынь, где имело значения «патент; официальный документ» [27], «государственная рекомендательная грамота / письмо, выдаваемая лицам, выезжающим в провинции», «документ, составленный мировым судьей» [26].

Другим примером десемантизации числовой морфемы является слово *треф* (*трефы*) (< нем. *Treff* «трефы» < фр. *trèfle* «трефы» < лат. *trifolium* «трилистник» < др.-греч. *triphullon* «трилистный» < *treis* «три»), получившее свое семантическое развитие во французском языке, где основным значением является «растение трилистник, клевер» (XIV в.), пришедшее из латыни. Переносное значение «одна из четырех мастей в карточной игре» было зарегистрировано в русском языке в XIX в. как заимствование из немецкого языка. Этимология слова *квартира* (< ст.-польск. *kvartera* «квартира» < нем. *Quartier* «постой (военных)» < франц. *quartier* «квартал» < лат. *quartarius* «четверть, квартал») показывает процесс десемантизации числа «четыре» путем заимствования слова из одного языка в другой. В русский язык оно пришло уже с полной утратой семы числа.

Из этимологического анализа следует, что связь номината и номинанта утрачивается либо на этапе его функционирования в классических языках (древнегреческий и латинский), либо в процессе его заимствования из одного современного европейского языка в другой.

Говоря о словах с полной десемантизацией числового компонента, следует отметить случаи, когда данный процесс обусловлен внутриязыковыми процессами, проходящими в русском языке. Во-первых, это касается словообразования новых исконно русских слов при помощи иноязычных морфем. Так, на основе древнегреческой морфемы *прото-* (*proto-* < др.-греч. *protos* «первый») появились такие слова, как *протобестия* (устар. бран.) «чрезвычайно хитрый, ловкий пройдоха, плут» [2]; *протоканалья* (простореч.) «каналья в высшей степени» [14]. В данном случае речь идет о развитии лексического значения числового форманта до «высшей степени какого-нибудь отрицательного качества (разг. бран.)», при этом сема числа утрачивается. Во-вторых, встречаются примеры сложносокращенных слов на базе словосочетаний. Латинский префикс *уни-* (*uni-* < лат. *unus* «один») полностью теряет первоначальное значение «один, единственный, единичный» в словах *универсам* «универсальный магазин самообслуживания», *универмаг* «универсальный магазин, торгующий разнообразными, преимущественно промышленными товарами».

Анализ рассмотренных нами примеров позволяет сделать вывод, что в русском языке слова с числовым компонентом греко-латинского происхождения в большинстве случаев не подвергаются процессу десемантизации и сохраняют сему числа. В первую очередь, это касается терминов, не перешедших в разряд общеупотребительной лексики, либо употребляемые вне узкоспециальной сферы, но в значении, сохраняющем связь с называемым объектом. В ряде случаев наблюдается частичная десемантизация числового компонента ввиду

развития семантического значения слов и, как следствие, частичной утраты связи между номинатом и номинантом. Полная десемантизация семы числа в словах с греко-латинскими числовыми формантами обусловлена лингвистическими и экстралингвистическими факторами в ходе длительного процесса его заимствования из одного языка в другой.

Список литературы

1. Белякова С.М. О семантическом потенциале порядковых числительных в русском языке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – №4. – С. 147-155.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
3. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. – Москва: Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.
4. Васильева Э.П. Роль десемантизации в процессе становления связочных глаголов английского языка // Язык – текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах: материалы международной научной конференции. / Самар. гос. ун-т, отв. ред. Н.А. Илюхина. – Самара: Изд-во «Универс групп», 2011– С. 219-221.
5. Гак В. Г. Пределы семантической эволюции слов // Русский язык сегодня: сб. ст. / Под ред. Л. П. Крысина. – М., 2003. – Вып. 2. – С. 88-97.
6. Гак В. Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 310-354.
7. Гасанова С.Н., Дидуева М. М. Этнокультурная символика чисел в арабском и аварском языках // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – 3 (70). – С. 554-555.
8. Дичковская Е. А. Десемантизация как базовый концепт эволюции культурных процессов // Вести Института современных знаний имени А.М. Широкова. – 2018. – № 3. – С. 85–90.
9. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
10. Мандрикова Г.М. Слово в процессе десемантизации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – Т.14. – №2. – 2015. – С. 68-73.
11. Панкина М.Ф. Десемантизация как процесс развития значения слова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2012. – № 1. – С. 83-85.

12. Погадай Е.В. К проблеме десемантизации высказывания в научном дискурсе // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021, № 3. – С. 158–168. – URL: <http://tverlingua.ru/>

13. Рахманова Н.И. Явление десемантизации и его отражение в лексике и грамматическом строе немецкого языка // Вестн. МГЛУ. – Вып. 560: Языкознание. Язык в мире дискурсов: Человек и концептосферы. Вербализация в дискурсе. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – С. 199–211.

14. Современный толковый словарь русского языка. В 2 т. / Т.Ф. Ефремова – М.: Рус. яз., 2000.

15. Соколова А.Д. «Смерть «отброшенная»: десемантизация смерти и новое понимание человека в раннем СССР // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2022. – № 1 (56). – С. 235-243.

16. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – Москва: Азъ, 1994. – 907 с.

17. Топоров В. Н. Числа // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М.: Рос. энциклопедия, 1994. – Т. 2. – С. 629-631.

18. Цатурян М.М., Пелипенко Л.М. Образно-символические характеристики числительных one, two, three (один, два, три) в английской и русской лингвокультурах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 5(71): в 3-х ч. – Ч. 1. – С. 166-170.

19. Чанчина А.В. Синхронный и диахронный подходы к изучению слов с «десемантизированным» корнем // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского. – 2008. – №. 4 – С. 193-197.

20. Чанчина А.В. Проблема мотивированности и членимости слов с "десемантизированным" корнем: на материале современного русского языка: автореф. дис. канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2010. – 20 с.

21. Чанчина А.В. Мотивированность и членимость слов с "десемантизированным" корнем (на материале современного русского языка). – Нижний Новгород: ВГИПУ, 2011. – 162 с.

22. Чугунецова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – 10-2 (37). – С. 18-21.

23. Эргашева Н.А. Процесс десемантизации в динамике лексического фонда языка // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 4-2. – С. 212-214.

24. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / Макс Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – Москва: Астрель: АСТ, 2007.

25. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 470 с.

26. Online Etymology Dictionary. – URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 24.09.2022).

27. Ortolang. Outils et Ressources por un Traitement Optimisé de la LANGue // CNRTL (Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales). – URL: <https://www.cnrtl.fr/> (дата обращения: 20.09.2022).

УДК 81-112

Долгополова Л.А.

Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова

ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ ИНФИНИТИВА В ДРЕВНИХ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. *Инфинитив в древних германских языках обладает категорией склонения. Этимологический и сравнительный анализ падежных форм показывает неоднородность их образования и употребления в древних германских языках. Наиболее архаичной оказывается система инфинитива древневерхнегерманского языка.*

Ключевые слова: древнегерманские языки, инфинитив, падежная форма, синкретичность.

Dolgopolova L.A.

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University

CASE FORMS OF THE INFINITIVE IN ANCIENT GERMANIC LANGUAGES

Abstract. *The infinitive in the Old Germanic languages has a category of case. The etymological and comparative analysis of case forms shows the heterogeneity of their formation and using in the Old Germanic languages. The most archaic is the infinitive system of the Old High German language.*

Keywords: old Germanic languages, infinitive, case form, syncretism.

Современные условия лингвистического исследования требуют новых подходов к осмыслению природы ранее изученных явлений. В контексте нашего изложения речь идет о проблемах, связанных с определением лексико-грамматического статуса синкретических единиц, в число которых входит и инфинитив. Диахронический подход

к анализу его структурных, семантических и функциональных характеристик позволяет установить существенные признаки этой грамматической формы и реконструировать ее эволюционный путь в германских языках от именной единицы к глагольной.

Инфинитив представляет собой грамматическую форму, лишенную четких морфологических признаков и обладающую особенностями именной и глагольной части речи. Такие межчастеречные формы с трудом подаются описанию, с одной стороны, из-за недостаточной разработанности общих принципов классификации частей речи, с другой стороны, из-за отсутствия комплексного описания синкретических единиц, а также ясной картины их появления в языке. Вопрос о происхождении инфинитива является одним из спорных в языкознании. Традиционное решение этого вопроса базируется на теории перехода древнего именного строя предложения к глагольному и признает именование происхождения глагола. При этом инфинитив рассматривается как промежуточное звено в развитии глагола от существительного. В пользу этой теории говорит тот факт, что на ранних стадиях развития германских языков инфинитив располагает категорией склонения, о чем свидетельствует наличие его падежных форм. Исходной формой инфинитива в рамках данного подхода считается группа существительных со значением действия, принадлежащих к одному из типов склонения [1; 2; 9]. Этимологический анализ показывает, что падежная форма инфинитива находит подтверждение не во всех древних германских языках. Кроме того, наблюдается расхождение как в числе склоняемых форм, так и в особенностях их употребления. Сравним формы инфинитива в рамках одного и того же текста, представленного разными германскими языками:

Евангелие от Матфея (9 глава, 5)

(i) готский: *' hvapar ist raihtis azetizo qiban: aflightanda pus frawaurhteis, þau qiban: urreis jah gagg?*

(ii) древнескандинавский *huārt er auppveldara at sergia: pēr ero þīnar synder fyrrefnar eþa at sergia: statt upp ok gakk?*

(iii) уэссекский: *Hwæt is ēaplicere tō cweþenna, þē bēoþ forgyfene pīne synna, oþþe tō cweþanne, Arīs and gā?*

(iv) восточнофранкский: *Uuedar ist odira, zi quedanne: sint thir furlazano sunta, edo zi quedanne: arstant inti gang?*

(v) баварский: *Huuedar ist gazelira za quhedanne, forlaazseno dhir uuedant dhīno suntea, odo za quhedanne, arstant enti ganc?* [6, с. 322–324].

‘ибо что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи?’ [5].

Как мы видим, только в двух языках – готском (i) и древнескандинавском (ii) инфинитив не имеет падежного маркера, в то

время как в остальных (iii-v) используется форма инфинитива датива: уэс. *to sweþenna*, вост. франк. *zi quedanne*, бав. *za quhedanne*. Известно, что именно уэссекский диалект лег в основу древнеанглийского, а восточнофранкский и баварский – древневерхненемецкого.

Поскольку древнеанглийский и древневерхненемецкий принадлежат западногерманской группе языков, готский – восточногерманской, древнескандинавский – северогерманской, то становится очевидным, что склоняемая форма инфинитива была распространённой именно в западногерманских языках. Следует также отметить тот факт, эта форма совсем не представлена в грамматиках готского языка [7, с. 98].

Кроме падежной формы датива, в западногерманских языках встречается также инфинитив генитив: др.-англ. *berennes*, др.-сакс. *berannias*, днв. *berennes*; в древневерхненемецком сохранились формы инструменталиса и дательного падежа множественного числа.

Становление склоняемой формы в германских языках было унифицированным. Индоевропейский суффикс **-no-** расширился суффиксом **-j-**, создавая, таким образом, в большинстве германских языков суффикс **-nja-**. При этом происходило удлинение **-n-**, что на письме передавалось удвоением буквы: днв. *bere-n-n-es* [3, с. 117].

Инфинитив датив сопровождался предлогом *to / zi / za*: уэс. – *to sweþenna*, вост. франк. – *zi quedanne*, бав. – *za quhedanne*.

Наиболее архаичной следует признать инфинитивную систему западногерманских языков, в особенности древневерхненемецкого, где на момент появления первых письменных памятников (VIII в.) сохраняется разветвленная именная парадигма, включающая пять падежных форм единственного и множественного числа (датель, генитив, инструменталис и аккузатив единственного числа, датель множественного числа).

Специфические преобразования инфинитива, осуществляемые в соответствии с грамматическим строем каждого языка, в конечном счете, привели к его типологическим расхождениям, наблюдаемым в современных германских языках. Одним из факторов инфинитивных несоответствий является перестройка неличных форм глагола, которая происходит в ранний этап развития отдельных германских языков и осуществляется по двум направлениям: (1) исчезновение отдельных членов группы (напр., склоняемые формы в западногерманских языках); (2) приобретение новых членов группы (образование герундия в английском, супина в скандинавских языках) [7, с.142]. Такие изменения в системе неличных форм способствует перераспределению соотношений между членами системы в отдельных языках.

Таким образом, падежные формы инфинитива обнаруживаются только в древних западногерманских языках. Особенности западногерманского инфинитива можно считать широкое употребление

дательной и винительной форм инфинитива; наличие форманта при форме дательного падежа и отсутствие падежных инфинитивных конструкций с субъектом в именительном и дательном падежах.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 719 с.
2. Жирмунский В. М. История немецкого языка. – М.: URSS, 2020. – 408 с.
3. Жлуктенко Ю. О. Вступ до германського мовознавства / Ю. О. Жлуктенко, Т. А. Яворська. – К.: Вища школа, 1986. – 232 с.
4. Левицкий В. В. Основы германистики. – Вінниця : НОВА КНИГА, 2006. – 528 с.
5. Новый Завет: Евангелие от Матфея: Глава 9. – URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/mf/9/> (дата обращения: 10.09.2022)
6. Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков / пер. с англ. Т. Н. Сергеевой. – Изд. 2-е, испр. – М.: УРСС: Либроком, 2009. – 379 с.
7. Ярцева В. Н. Именные формы глагола // Историко-типологическая морфология германских языков. – М.: Наука, 1978. – С. 92–142.
8. Braune W. Gotische Grammatik. Mit Lesestücken und Wörterverzeichnis. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2004. – 275 S.
9. Marillier J.-F. Der Infinitiv im Deutschen / J.-F. Marillier, C. Rozier. – Tübingen: Stauffenburg, 2005. – 222 S.

УДК 82.09

Забалуев М.Д.¹

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Крылов В.Н.¹

¹Институт филологии и межкультурной коммуникации
Казанского федерального университета

РОЛЬ КРИТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ МАКСИМА ГОРЬКОГО В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.

Аннотация. М. Горький – крупнейший писатель XX века, о жизни, о творческих исканиях которого написано огромное число исследований. В последнее время намечаются новые аспекты изучения Горького, обусловленные как развитием науки, так и сложностью фигуры писателя. Одним из таких аспектов может стать новый взгляд на феномен невероятного успеха писателя. Цель статьи заключается в анализе критических статей о Горьком,

темой которых стал феномен успеха писателя. Критики всех направлений стремились разобраться в причинах быстрого успеха писателя, выдвигали свои версии. Творческое наследие Максима Горького, начиная с 1890-х годов, оказало сильное влияние на русскую и мировую литературу. Начиная с самых первых рассказов, успех Горького вызвал бурное обсуждение среди критиков, писателей и читателей, однако сложно сказать, было ли в русской литературе явление, столь часто подвергающееся переоценке, как личность М. Горького. На протяжении всего XX века взгляды на творчество роль Горького в русской литературе менялись, для одних он был романтиком, для других реалистом, кто-то видел в нем писателя-революционера или последователя идей Ницше, но все сходилось в одном, что феномен М. Горького – это уникальное явление. В работе использовались следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный анализ литературно-критических статей разных периодов, методической литературы и документов, историко-литературный метод, историко-функциональный подход, в также общенаучные методы сравнения, абстрагирования, анализа и синтеза. Начиная с ранних выступлений критиков, в литературном мире формируется своего рода миф о писательском успехе - критика, опережая академическую историю литературы, воспринимает Горького как «живого» классика, нового человека продолжающего традиции старого, и в то же время писателя создающего нечто совершенно новое.

Ключевые слова: М. Горький, литературная критика, успех, слава, классика, миф, биография.

Zabaluev M.D.¹

Research Advisor – Doctor of Philology, Professor Krilov V. N.¹

¹Institute of Philology and Intercultural Communication

Kazan Federal University

LITERARY CRITICISM OF THE LATE XIX- EARLY XX CENTURY AND THE LITERARY SUCCESS OF M. GORKY

Abstract. *Maxim Gorky is the greatest writer of the XX century, whose life and creative pursuit has been vastly researched. Due to the scientific advancements and the general complexity of the writer's figure, there has been a recent development and expansion of the study around Gorky. And one of the results of such expansion becomes a new look at the phenomenon of the incredible success of the writer. Our research aims to analyse critiques of the phenomenon of Maxim Gorky's writing success. Critics of all types sought to understand the reasons for the writer's rapid success, to share their own versions. The following research methods were used in the work: comparative analysis of literary-critical articles of different periods, methodological literature and documents, historical-literary method, historical-functional approach, as well as general scientific methods of comparison, abstraction, analysis and synthesis.*

Keywords: Maxim Gorky, literary criticism, success, fame, classics, myth, biography

Рождением мифа о Горьком и началом его карьеры можно считать публикацию сборника его рассказов и очерков 1898 года, который имел беспрецедентный успех, кажется, не имеющий аналогов в истории русской литературы. Русская критика, всегда чутко реагирующая на явления литературной жизни, разумеется, не могла обойти вниманием произведения Максима Горького. Как и любой писатель, оказавший огромное влияние на русскую культуру, мастер слова, ярко запечатлевший в своих произведениях важный период в истории России, он надолго стал одним из главных героев критических статей. Феномен успеха раннего Горького можно назвать поистине уникальным, не имеющим аналогов в истории русской литературы. В начале XX века многие писатели достигали быстрой и шумной известности, несравнимой с темпами XIX века. В связи с этим возможно говорить о феномене т. н. «ускоренных» репутаций. Это произошло и с Горьким - почти все критические статьи о Горьком содержали рассуждения о феномене его успеха, многие статьи начинаются с размышлений о его популярности, о метаморфозах, которые могут ожидать молодого автора. Так критика следила за ростом признания Горького, фиксировала проявления успеха, и одновременно вносила свой вклад в его формирование и закрепление.

Стоит так же отметить, что Горький не раз сам размышлял о публике, успехе и связанной с ним славой. «Отношение публики к моим писаниям укрепляет во мне уверенность в том, что я, пожалуй, и в самом деле сумею написать порядочную вещь», – писал Горький С.П. Дороватовскому (1898) [6, с. 320]. Однако, осознавая всю неустойчивость своей славы и возможной неблагосклонности критиков, писал: «Неуспеха – не боюсь, был хвален со всех сторон, и хоть силен был звон, а я не оглушен. Прекрасно чувствую, что скоро начнут лаять столь же основательно и громко, как и хвалили» (1900) [6, с. 432]. Отношение самого писателя к критике того периода было двойственным, с одной стороны Горький интересовался критикой, с другой был неудовлетворен ее уровнем в конце 90-х годов, при этом, имея в себе глубокую самокритичность, не раз говорил о том, что столь ласковое восприятие критикой его творчества на данном этапе неуместно. «Думаю однако, что обо мне еще рано писать серьезно и рано возводить меня в величину. Я, кажется, из тех, которые никуда не приходят, а все только идут» (из письма к В.Ф. Боцяновскому 5 (18) ноября 1900 г.) [6, с. 450]. Возрастало в Горьком и чувство ответственности за каждое написанное слово, из-за специфики выбранных тем и образов его героев, многие люди видели в Горьком человека из народа, человека, за которым они хотели идти, которого слушали и которому доверяли.

Однако нельзя сказать, что писатель приспособлялся ко вкусам толпы: как отмечает критик Л.Е. Оболенский в своей статье «М.

Горький и идеи его новых героев» [13, с. 58], «все, что до сих пор вышло из-под его пера, должно бы скорее отталкивать «большую публику», чем привлекать к нему», в его произведениях много «теоретических разговоров», его герои «грязны, пьяны и принадлежат к подонкам», что читатели в то время не жаловали. Что же в таком случае приковало внимание читателя? Критик видит источник «страшной силы» М. Горького в стиле писателя, в том, как его слова, непосредственные, в которых слышалась «железная грубость и раскаленность», «страстность его «исканий», красками и эпитетами выражаются в повествовании.

По мнению Амфитеатрова [14, с. 120], М. Горький «добился того, что разбудил чувство человеческого достоинства и гордое сознание спящей силы в самом безнадежном и пропащем классе русского общества», что перекликается со словами самого М. Горького, в 1900 году в письме к К. П. Пятницкому он писал: «Какая вообще задача у литературы, у искусства? Запечатлеть в красках, в словах, в звуках, в формах то, что есть в человеке наилучшего, красивого, честного, благородного. Так ведь? В частности, моя задача пробуждать в человеке гордость самим собой, говорить ему о том, что он в жизни самое лучшее, самое значительное, самое дорогое, святое и что кроме его — нет ничего достойного внимания. Мир — плод его творчества, бог — частица его сердца и разума» [6, с. 420].

Таким образом, современники М. Горького расходились во мнении относительно его художественного таланта, но были одинаково убеждены в том, что феномен успеха Горького не случайность, это уникальное для общественной жизни явление.

Первооткрывателями успеха М. Горького стали авторы-современники писателя, именно в статьях конца XIX в. впервые были высказаны размышления об особенностях его писательского мастерства, предприняты первые попытки объяснить популярность М. Горького среди читателей.

Особенностью критических работ рубежа веков было то, что критики ставили перед собой цель «вписать» Горького в систему художественного мира русской литературы того периода, выделяя в творчестве писателя черты реализма, романтизма или символизма. Как писателя романтика Горького изучали такие критики, как Н.К. Михайловский, Е.А. Соловьев-Андреевич, А.В. Луначарский, С.А. Венгеров и другие. Однако следует отметить, что даже понимание и представления критиков о романтизме или другом течении различались, что в свою очередь порождало еще больше споров о художественном мышлении Горького. Так Е.А. Соловьев определяет художественный мир Горького как проявление «особого романтизма», где указывает на то, что романтизм писателя не укладывается в рамки немецкого, английского или русского романтизма – особый, высокий романтизм Горького заключается в абсолютной духовной свободе

человека, храбрости и славе, ссылаясь на такие рассказы как: «Песнь о Соколе», «Старуха Изергиль» и «Макар Чудра». Романтика в Горьком видел и С.А. Венгеров, однако он аргументирует это способностью Горького видеть в обычных людях, рабочих «живописную яркость».

В это же время в рамках русской литературной критики возникает взгляд на творчество М. Горького как на писателя-реалиста. Одним из критиков, являвшихся сторонником этой идеи, был А.В. Амфитеатров. Высоко оценив реализм раннего творчества М. Горького, он, как и многие другие литературоведы того периода, в первую очередь выделял и высоко оценивал красоту и энергичность мысли писателя, талант к глубокому осмыслению и передачи действительности через слово, а писательский стиль Горького не раз сравнивал с художественной манерой И.Е.Репина [14]. А.В. Амфитеатров так же отмечал, свойственную реалистам, Горьковскую манеру повествования без искажения действительности, его рассказы полные жесткой правды смогли избежать лишнего пафоса романтизма. Нередко критики позволяли себе поставить М.Горького в один ряд с такими классиками как Пушкин, Гоголь, Некрасов и др.

Свой вклад в осмысление творчества М. Горького внесли и критики символистского направления, они видели в рассказах Горького продолжение опыта старых традиций. Признавая писательский талант Горького, они, однако, были убеждены, что путь классического реализма не поспособствует развитию русской литературы, признавая лишь единственный, по их мнению, верный путь развития русской литературы через символизм. Одним из последователей этой идеи был А.А. Блок, так в статье «О реалистах» [3] он отмечал, что в Горьком есть несвойственная другим реалистам специфичный и глубокий способ познания мира и отражения действительности уже в ранних его рассказах, признавая творческий талант М.Горького достоянием русского реализма.

Таким образом, на примере данных статей мы видим, что критики-современники воспринимали творчество молодого Горького как оригинальную, самобытную, появившуюся в глубинах фольклора русского народа, нередко отмечая ее связь и с европейской литературой, однако, говоря об уникальности его творческого мышления, все они пытались понять и истолковать ее через призму определенного направления или течения. Такой подход был свойственен критике рубежа веков и порой порождал больше вопросов, чем ответов, что в свою очередь породило множество мифов вокруг личности и творчества М. Горького.

На сегодняшний день наука о творческом наследии М. Горького считается одной из самых сложных и противоречивых в рамках отечественного литературоведения. Анализ ранних статей о Горьком позволяет заключить, что критика, опираясь на социологическую

аргументацию, в сущности, вынуждена была учитывать в своих оценках читательский успех молодого писателя, хотя у самих «законодателей вкуса» (критиков) к Горькому как художнику не было однозначного отношения. Некоторые современники полагали, что критика «просмотрела» литературный талант Горького, писали, что успех этого писателя создан исключительно читающей публикой, а не критикой. Однако признание в критике – это обязательный этап, через, который проходит писатель, чтобы добиться успеха.

Список литературы

1. Басинский П.В. Горький. – Москва: Молодая гвардия, 2006. – 450 с.
2. Басинский П.В. Горький. Страсти по Максиму. – Москва: АСТ, 2018. – 540 с.
3. Быков Д.Л. А был ли Горький? – Москва: Молодая гвардия, 2017. – 252 с.
4. Груздев И.А. Горький и его время. 1868-1896. – 3-е изд., доп. – Москва: Гослитиздат, 1962. – 700 с.
5. Жизнь и приключения Максима Горького (По его рассказам) / Сост. И. Груздев. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1926. – 164 с.
6. Горький и его корреспонденты // подготовка текста Л.А. Спиридонова. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – 680 с.
7. Горький и советские писатели: Неизданная переписка / Ред. И.С. Зильберштейн и Е.Б. Тагер. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 736 с.
8. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. Рассказы. – М.: Современник, 1991. – 126 с.
9. Горький М. Собрание сочинений: В 23 т. /Ред. И.А.Груздев. – М.; Л.: ГИХЛ, 1928-1930 – Т. I. 1892–1897. – 1928. – 352 с.
10. Горький: Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком / Под редакцией И. Груздева. – М.; Л.: Гиз, 1928. – 480 с.
11. Курилов А.С. Из истории института (М. Горький и ИМЛИ; Первые положения об институте и планы работы) // Литературоведческий журнал. – 2012. – №3 – С. 72-140.
12. М. Горький и А.П. Чехов. Переписка. Статьи. Высказывания: Сборник материалов / подготовка текста и коммент. Н.И. Гитович. – М.: Гослитиздат, 1951. – 288 с.
13. М. Горький Материалы и исследования. Т. III/ под ред. С.Д.Балухатого и В.А.Десницкого. – М.-Л., 1941 г. – 464 с.
14. Переписка М. Горького с А.В. Амфитеатовым. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка // под ред. И. С. Зильберштейн, Н. И. Дикушина. – М.: Наука, 1988. – 250 с.

Закирова О.В.¹, Комарова Д.Б.¹

¹Елабужский институт Казанского Федерального Университета

АКЦИОНАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА МУЖА В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ

***Аннотация.** Работа выполнена в русле антропоцентрического подхода к описанию языковых фактов. Авторами предпринята попытка представить деятельностное описание образа мужа в паремиологической картине мира русского народа на основе анализа глагольной лексики. В статье рассматриваются акциональные глаголы как средство репрезентации образа мужа в русских поговорках. В ходе исследования выявлено восемь групп акциональных глаголов прямо и косвенно характеризующих образ мужа: глаголы конкретного физического действия, донативного действия, ментального действия, физиологического действия, социального intersubjectного действия, эмоционального действия, речевого действия и деятельности. В процессе анализа авторы уделяют особое внимание на наиболее частотные группы акциональных глаголов как языковые средства репрезентирующие доминирующие характеристики субъекта.*

Ключевые слова: образ человека, муж, акциональные глаголы, компонентный анализ, контекстуальный анализ, поговорка.

Zakirova O.V.¹, Komarova D.B.¹

¹Yelabuga Institute Kazan Federal University

ACTIONAL VERBS AS A MEANS OF REPRESENTATION OF THE IMAGE OF A HUSBAND IN RUSSIAN PAREMIA

***Annotation.** The work is carried out in line with the anthropocentric approach to the description of linguistic facts. The authors have attempted to present an activity description of the image of the husband in the paremiological picture of the world of the Russian people based on the analysis of verbal vocabulary. The article considers the actional verbs as a means of representing the image of the husband in Russian proverbs. The study revealed eight groups of action verbs directly and indirectly characterizing the image of a husband: verbs of a specific physical action, donative action, mental action, physiological action, social intersubjective action, emotional action, speech action and activity. In the process of analysis, the authors pay special attention to the most frequent groups of actional verbs as linguistic means representing the dominant characteristics of the subject.*

Key words: image of a man, husband, actional verbs, component analysis, contextual analysis, proverb.

Проблеме описания образа человека по данным языка, активно разрабатываемой в современной лингвистике, посвящено достаточно большое количество научных работ, ср.: Ю.Д. Апресян [2],

Л.Б. Никитина [12], С.В. Чернова, Л.В. Калинина [16], Н.Г. Наумова [10] и др. В языке отражается человек во всех своих ипостасях: гендерной, социальной, профессиональной, национально-культурной и т.д. Особенно показательной в плане передачи человеческих свойств и характеристик является сфера паремий, в частности, пословиц и поговорок, веками бытующих в языковом сознании народа, отражающих преемственность поколений, ценности социума, суть человеческих отношений и характеров на протяжении всего антропогенеза. Важнейшим положением индивида в обществе является его место в таком социальном институте, как семья. Паремии отражают данный социальный статус, вербализируя его лексемами муж, жена, отец, мать и др. Объектом настоящего исследования является языковой образ мужчины в статусе женатого человека, семьянина, привлекал внимание исследований, примером могут послужить научные труды Е.А.Аносова «Репрезентация гендерных стереотипов русской лингвокультуры в паремиях, характеризующих супружество и семейную жизнь» [1], А.Н. Соловей «Языковой образ мужа и жены в пословичном фонде русского, белорусского и английского языков» [14] и др. Однако, как показал анализ работ, выполненных в русле данного направления, не было обнаружено исследований, раскрывающих потенциал языковых средств, участвующих в создании образа мужа как деятельностного субъекта в пословицах и поговорках русского языка.

В центре внимания настоящего исследования находятся процессуальные характеристики субъекта, связанные с его действиями, поступками и вербализованные акциональными глаголами. Материалом исследования послужили паремии, входящие в состав сборников М.А. Рыбниковой «Пословицы и поговорки» [13] и В. Даля «Пословицы русского народа» в двух томах [5, 6].

Образ мужа – главы семьи занимает важное место в традиционной русской картине мира, в которой семья является базовым и неотъемлемым компонентом устройства социума, формируя в национальном сознании русского народа границы семьи от отдельной «ячейки общества» до государства с главой царём-батюшкой. В России до 19 века бытовало несколько типов семей: расширенная, составная, нуклеарная [4, С.6]. Расширенная семья – это семья, состоящая из одной супружеской пары и других, не являющихся супругами родственников разной степени близости, — овдовевших родителей и прародителей, неженатых детей, внуков, правнуков, дядьев, племянников и т. д. [4, с.6]. Составной семьей называется семья, имеющая в своем составе несколько супружеских пар и других родственников. Наряду с большими семьями существовала и малая семья – нуклеарная, то есть состоящая из супружеской пары с детьми или без детей [4, с.6]. Определения разных типов семьи свидетельствуют, что скрепляющим элементом семьи являются супруги. До начала 20 века России

брачность была всеобщей. Мужчина обязан был жениться, чтобы продолжить свой род. Следовательно, муж является одной из ключевых фигур патриархального социума.

По данным Толкового словаря живого великорусского языка Владимира Даля, в 19 веке в русском языке лексема муж (по отношению к человеку) функционировала в двух значениях. Во-первых, применялось для именованья взрослого человека мужского пола, ср.: «чѣловек рода онъ, в полныхъ годахъ, возмужалый; возрастный челоувѣкъ мужскаго пола» [7]. Во-вторых, использовалось для номинации мужчины, состоящего в браке, ср.: «относительно къ женщиѣ, женѣ: супругъ, ... хозяинъ, образующій съ женою чету» [7]. В современном русском языке лексема муж, сохранив рассмотренные значения в следующих формулировках: «женатый мужчина (по отношению к своей жене)» и «мужчина в зрелом возрасте» [3], стала употребляться в значении «деятель на каком-либо общественном поприще» [3].

Согласно Словарю синонимов русского языка, мужчину, состоящего в браке, помимо лексемы муж именуют и другие языковые единицы, а именно: супруг «то же, что муж», благоверный «разг. шутол. муж», половина «шутол. о жене или о муже», спутник жизни «книжн. высок. супруг, муж» [15], супружник «прост. То же, что супруг», хозяин «глава семьи, дома», мужик «прост. Муж, супруг», которые либо семантически тождественны, либо отличаются стилистической окраской [15].

В ходе исследования нами рассмотрено свыше 300 примеров паремических конструкций, в которых образ женатого мужчины репрезентируется в подавляющем большинстве случаев посредством лексемы **муж**, в паремиях также встречаются номинации **хозяин** и **мужик**. В составе анализируемых пословиц встречаются паремические единицы, в которых представление о муже дается имплицитно, без обозначающих его лексем, например, посредством глаголов в форме повелительного наклонения, придающих высказыванию значение совета предполагаемому мужу, и лексемы жена как объекта действия, ср.: *шубу бей — теплее, жену бей — милее* [6].

Позиция мужа в общественном устройстве как активного субъекта нашла отражение в русских паремиях. В большинстве примеров деятельностная характеристика мужа вербализуется посредством акциональных глаголов. При анализе глаголов нами выделено 8 лексико-семантических групп акциональных глаголов: деятельности и занятия, физического действия, донативного действия, ментального действия, физиологического действия, социального действия, эмоционального действия и речевого действия [7]. Обратим особое внимание наиболее частотным группам акциональных глаголов, а именно, глаголам донативного действия, глаголам конкретного

физического действия и глаголам социального, intersubъектного действия.

Глаголы донативного действия в описании образа мужа включают мужчину в посессивные отношения, при которых муж выступает как субъект обладающий, а жена является субъектом-объектом обладания. В ходе анализа были обнаружены следующие донативные глаголы: **брать, взять, выбирать**. Здесь и далее значения глаголов даются по Малому академическому словарю под редакцией Евгеньевой А.П. [9]. В паремических высказываниях с глаголами донативного действия в подавляющем большинстве случаев не присутствуют лексемы, называющие мужа, а представление о нём создаётся опосредованно с помощью номинации супруги, на которую направлено действие.

Глагол **брать** в контексте паремий реализуется в значении: «*уносить, увозить, уводить (с собой)*», то есть увозить, уводить в свою семью – жениться. Ср.: «*бери не плясунью хороводницу, а ту, что полосу дожнет и песню споет; по себе дерево руби, по себе жену бери; гляди семью, отколь берешь жену*» [4]. Лексема **взять**, видовой коррелят глагола брать, свидетельствует о результативности процесса. Ср.: «*добрую жену взять — ни скуки, ни горя не знать; возьмешь дуру-неряху, не сошьет мужу рубаху; жену хорошую взять — много станут знать, а худую — нельзя в люди показать; богатую взять — станет попрекать!*» [5].

Глагол несовершенного вида **выбирать** используется в анализируемых паремиях в значении: «*отдать предпочтение кому-, чему-л.*». Ср.: «*кне выбирай нарядную, а выбирай догадливую; выбирай жену не в хороводе, а в огороде; жену выбирай и глазами, и ушами*» [6]. В рассмотренных примерах имплицитно создается образ потенциального мужа как зрелого мужчины, осознанно стремящегося связать себя узами брака, и перекликается с образом жениха, поскольку посредством использования форм повелительного наклонения глаголов **брать** и **выбирать** в контекстах моделируется ситуация выбора субъекта супружеских отношений, а глагол **взять** иллюстрирует возможные варианты развития событий при условии выбора спутницы жизни с определенными характеристиками.

В следующую группу акциональных глаголов, репрезентирующих деятельность мужа, входят глаголы прямого физического действия. Наиболее частотным в данной группе (15 паремий) является глагол **бить** в значении «*наносить удары, побои; избивать*». Объектом, на который направлено обозначенное действие, является жена, ср.: «*муж жену бьет, а жена свое поет; чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее*» [6]. Данная ситуация была достаточно распространенной в патриархальном обществе, в котором женщина занимала подчиненное положение, и нашла отражение в

Домострое где физическое насилие над женщиной преподносилось как своеобразная форма учения, другими словами, Домострой «предписывал мужу учить жену и домочадцев. Уклонение от этой обязанности должно было повлечь за собой Божий суд, то есть норма носила религиозно-этический характер. Под поучением ... подразумевались и «благорассудные» телесные наказания...» [8, с. 96]. Однако, подобные «уроки» могли окончиться довольно плачевно и за убийство по неосторожности мужа наказывали церковным покаянием и годичным заключением» [8, с. 96]. Ср.: *«бил жену денечек, сам плакал годочек»* [5]. Таким образом, в русских пословицах глагол **бить** совмещает в своей семантике представление и о физическом насилии, и об особом виде «науки». Ср.: *«бей жену до детей, бей детей до людей!»* [5].

В паремиях обнаружен ещё один глагол прямого физического действия, объектом, на который действие направлено, является жена. Это глагол **хоронить** «закапывать в землю умершего; погребать», ср.: *«красные похороны, когда муж жену хоронит; горькие проводы — муж жену хоронит»* [5]. Приведенные примеры иллюстрируют ситуации несвоевременного ухода из жизни спутницы жизни и потеря хозяйки, работницы.

В числе акциональных глаголов конкретного физического действия зафиксированы на первый взгляд семантически не связанные друг с другом такие глаголы, как: **купить** «приобрести за деньги», **продать** «отдать за определенную плату», **пахать** «обрабатывать землю плугом», **везти** «перемещать что-л. при помощи средств передвижения», **молотить** «выколачивать, выбивать зерна из колосьев, метелок и др.», **ковать** «ударами молота или нажимами пресса обрабатывать раскаленный металл, придавая ему нужную форму», **тянуть** «взяв, ухватив край, конец чего-л., перемещать, приближать к себе с силой, усилием», **боронить** «разрыхлять, обрабатывать бороной вспаханную землю». Ср.: *«продай, муж, корову с лошадушкой: купи, муж, ожерелье, жемчужный борок; муж в поле пахать, а жена руками махать; муж возом не навозит, а жена рукавом не разносит; муж молоти пшеницу, а жена пеки пальницы (т. е. хлеб); муж кует, жена дует, что-то будет; жена пряди рубашки, а муж тяни гуж; жена родит — муж песок боронит (от обычая)»* [6]. Анализ семантики и контекстуального употребления обозначенных глагольных лексем, позволяет охарактеризовать мужа как жителя деревни, хорошо знакомого с тяжёлым крестьянским трудом.

Следующая группа частотных акциональных глаголов, представлена глаголами социального интерсубъектного действия. Наиболее употребительным является глагол **жениться** «вступить (вступить) в брак (о мужчине)» (14 примеров), который перекликается с рассмотренной выше триадой глаголов «выбирать – брать – взять», и

характеризует мужа как субъекта брачных отношений. Ср.: *«жениться — за углы не хорониться — будь весь на виду; кто на борзом коне жениться поскачет, тот скоро поплачет; купи готовый дом, женись, узнав жену; один женился — свет увидел; другой женился — с головой пропал»* [6]. Глагол жениться можно отнести к глаголам согласованного действия, потому что предполагает не только сам процесс вступления в брак, но и договоренность о последующей совместной жизни с избранницей.

Интерсубъектные глаголы-синонимы **браниться** и **ругаться** зафиксированы в паремиях в следующих значениях: **браниться** «бранить друг друга, ссориться» и **ругаться** «высказывать друг другу упрёки называя друг друга бранными словами» продолжают тему «учения» жены на словесном уровне. Тем не менее в паремических контекстах жена не представляется объектом вербального насилия, а полноценным субъектом действия. Ср.: *«муж с женой бранится, да под одну шубу ложится; муж с женой ругайся, а третий не мешайся!»* [6].

Семантически близкими к лексеме хоронить в паремиях являются глаголы **вдоветь** «жить вдовцом или вдовой» и **овдоветь** «стать вдовцом или вдовой», ср.: *«не дай бог вдоветь да гореть; лучше семью гореть, чем одна овдоветь; дай бог погореть, да не дай бог овдоветь»* [5]. Контекстуальное употребление данных глаголов свидетельствует о крайне тяжелых обстоятельствах жизни без супруги.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в пословицах русского языка у разных подклассов акциональных глаголов, характеризующих мужа, наблюдаются семантические переключки, способствующие целостности восприятия создаваемого образа. Во-вторых, акциональные глаголы реконструируют образ мужа как активного субъекта, предстающего в разных ипостасях в зависимости от действий, реализуемых в определенных сферах жизни:

- заключение брачного союза, «образ потенциального мужа»;
- внутрисемейные отношения, «образ мужа – главы семьи»;
- хозяйственная деятельность субъекта, проживающего в сельской местности, «образ мужа – хозяина».

Список литературы

1. Аносов Е. А. Репрезентация гендерных стереотипов русской лингвокультуры в паремиях, характеризующих супружество и семейную жизнь // Вестник ЮУрГГПУ. – 2012. – №9.

2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. - №1. – С. 37-67.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
4. Вишневский А.Г. Эволюция российской семьи. Кризис семейных ценностей с исторической точки зрения // Экология и жизнь. – 2008. – №7. – С. 4 – 11.
5. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник в 2-х т. Т.1. – М.: Худож. лит., 1989. – 431 с.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник в 2-х т. Т.2. – М.: Худож. лит., 1989. – 447 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. –Т. 2: Р – V. – 2003. – 688 с.
8. Лаптева Л.Е. Домашнее насилие: сила традиции // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 9. – С.93 – 106.
9. Малый академический словарь / Евгеньева А.П. – М.: Институт русского языка Академии наук СССР, 1957–1984.
10. Наумова Н.Г. Языковые средства создания образа П.И. Чичикова: на материале поэмы Н.В. Гоголя "Мертвые души": автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киров, 2009. – 22 с.
11. Никандрова И. А. Лексико-семантические группы глаголов как средство репрезентации персонажа в художественном дискурсе (по роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») // Научный диалог. – 2013 – № 10 (22): Филология. – С. 36 – 47.
12. Никитина Л.Б. Образ-концепт «Homo Sapiens» в русской языковой картине мира как объект антропоцентристской семантики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Омск, 2006. – 41 с.
13. Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. – М.: Издательство Академии наук СССР. – 1961. – 230 с.
14. Соловей А.Н. Языковой образ мужа и жены в пословичном фонде русского, белорусского и английского языков // Межкультурная коммуникация: теория и практика обучения языку и переводу: сб. науч. ст. / М.Г.Богова (отв.ред.), Т.В. Бусел, Н.П. Грицкевич. Минск: РИВШ, 2018. – С. 257 – 266.
15. Словарь синонимов / Справочное пособие // Под ред. А.П. Евгеньевой. – Л.: "Наука». – 1975. – 648 с.
16. Чернова С.В., Калинина Л.В. Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема // Вестник ВятГУ. – 2010. – №2-2. – С.8–14.

Зверева К.С.¹

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Бубекова Л.Б.¹

¹Елабужский институт Казанского федерального университета

КОМПЕТЕНТНОСТНОЕ ПОРТФОЛИО КАК ИНСТРУМЕНТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *В данной статье представлена разработка «Компетентностное портфолио XXI века», которая является инструментом самооценки, самообразования и самомотивации обучающихся. Исследование, направленное на определение уровня сформированности и осознанности компетенций, подтверждает, что Компетентностное портфолио является инструментом педагогического моделирования образовательного пространства студентов-филологов.*

Ключевые слова: Компетентностное портфолио, Компетентностное поле личности, BANI-мир, резильентность, компетенции.

Zvereva K.S.¹

Research Advisor – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Bubekova LB.¹

¹Yelabuga Institute Kazan Federal University

COMPETENCE PORTFOLIO AS A TOOL FOR PEDAGOGICAL MODELING OF PHILOLOGICAL EDUCATION

Abstract. *This article presents the development of "Competence portfolio of the XXI century", which is a tool for self-assessment, self-education and self-motivation of students. The study, aimed at determining the level of formation and awareness of competencies, confirms that the Competence Portfolio is a tool for pedagogical modeling of the educational space of philology students.*

Keywords: Competence portfolio, Competence field of personality, BANI-world, resilience, competencies.

На сегодняшний день наблюдается переход от так называемого VUCA-мира (volatility, uncertainty, complexity, ambiguity: нестабильность, неопределенность, сложность, неоднозначность) к BANI-миру (brittle, anxious, nonlinear, incomprehensible: хрупкий, тревожный, нелинейный, непостижимый). Такой мир диктует свои формулы успеха: развитие устойчивости, гибкости, трансцендуального мышления, внимательности к настоящему. Качество успешного человека в BANI-мире – резильентность. Под этим термином исследователи понимают способность человека достойно встречать и преодолевать неблагоприятные жизненные обстоятельства и справляться с вызовами времени. Быстрое изменение условий жизни оказывает влияния на требования, предъявляемые к образовательной

системе. Образование XXI века предполагает «образование длинной жизнью» – непрерывный процесс, стремление к непрерывному получению знаний и обретению ключевых компетенций [4, с.16]. Развитие личности сегодня связано в большей степени с самоопределением и самомотивацией человека. Набор правильно сформированных компетенций – ключ к профессиональному самоопределению. В быстроменяющемся образовательном мире необходимо применять педагогическое моделирование – вид деятельности педагога, в структуре которой он успешно определяет, дополняет, систематизирует, трансформирует, разрабатывает необходимую модель деятельности обучающихся: социализации, самообразования, самореализации.

Инструментом самооценки, самообразования и самомотивации является уникальная разработка международной сетевой лаборатории «Инновационные технологии в сфере поликультурного образования» – «Компетентностное портфолио». «КомПас» даёт возможность измерить уровень сформированности компетенций, а также улучшить необходимые надпредметные навыки. На данный момент «КомПас» представляет наиболее полную систему взаимосвязанных компетенций soft skills (54 компетенции), необходимых в XXI веке. В основе компетентностного портфолио лежит понимание того, что только способный к рефлексии, самомотивированный и настроенный на непрерывную работу над собой человек имеет возможность полноценно использовать резильентность для эффективного (продуктивного) управления переменами в окружающем мире. Разработка международной лаборатории предназначена для людей, способных формировать собственные компетенции и определять направление своего развития [5]. Главная составляющая «КомПаса» – единое системное поле надпрофессиональных компетенций – Компетентностное поле личности (КПЛ). Компетентностное поле из 54 элементов с лежащей в ее основе международной терминологией – самая полная на данный момент подобная разработка на мировом рынке.

Нами было проведено исследование сформированности педагогических компетенций у студентов-филологов русского, татарского и английского профиля Елабужского института КФУ. Результаты показали, что среднее значение по всем компетенциям, включая ключевую составило 43 балла (низкий уровень). Это значит, что у большинства представителей исследуемой группы заданные компетенции не сформированы или сформированы недостаточно. Показатель, указывающий на сформированность компетенции в группе, должен находиться в пределах от 45 (средний) до 55 баллов (высокий). У студентов-русоведов наименьшие баллы представлены по следующим компетенциям: «Рефлексивность», «Креативность»,

«Управление когнитивной нагрузкой», «Тайм-менеджмент» (управление временем). Важно отметить, что у студентов, обучающихся по профилю «татарская филология» наблюдается провал по общеобразовательной и профессиональной компетенции. Такой перекося в показателях объясняется естественным билингвизмом студентов, в равной мере владеющих русским и татарским языками. Все, что связано с обобщением, усреднением, для них мало приемлемо, поэтому по этим компетенциям идет зависание, в то время как нет проблем по компетенциям «Рефлексивность», «Креативность» – там, где у остальных – серьезные проблемы. Более того, у студентов татар блестящий показатель по компетенции «Управление смыслами». Студенты английского профиля также являются билингвами, но искусственными, поэтому у них все более контрастно: или абсолютный максимум, или абсолютный минимум. У них сильны позиции по «Лингвокомпетенции», «Модульности», «Этнокомпетенции», «Перспективному мышлению» и «Управлению пространством». Если говорить о способности противостоять давлению, то у студентов отделения татарской филологии этот навык имеется, а у студентов иностранного отделения он проявляется «вспышками».

Таким образом, можно сказать, что естественные билингвы более стабильны, более уверенны и противодействуют попыткам усреднения (общеобразовательные и общепрофессиональные компетенции), тогда как искусственные билингвы стараются стабилизироваться за счет выравнивания одних недостаточно сформированных компетенций другими.

У студентов отделения русской филологии низкие показатели по физико-эмоциональной компетенции, которая относится к числу первичных (базовых). Это означает невозможность стабилизировать себя самому, поэтому такие студенты более всего подвержены стрессу и склонны к быстрому профессиональному выгоранию. Недостаточно высокие баллы отмечаются также в компетенциях «Рефлексивность», «Любознательность», «Креативность», «Метапредметность», «Управление временем», «Управление вниманием», «Управление смыслами». Это может быть связано с отсутствием стабилизатора (к примеру, татарского языка), отсутствием второго языка и второй культуры у личности, живущей в регионе, где оба языка и обе культуры активно представлены.

Таким образом, мы можем говорить о положительном влиянии естественного билингвизма на формирование надпредметных навыков, чрезвычайно востребованных в современном BANI-мире. Студенты, владеющие двумя и более языками и являющиеся носителями национальных культур, оказываются более резильентными.

Исходя из полученных результатов исследования, педагогическое моделирование образовательного пространства

студентов-филологов должно быть направлено на работу с рефлексивностью. Рекомендовано добавлять тренинги, занятия в блок психологии по самомотивации, самоопределению. Необходимо работать с креативностью, метапредметностью, управлением когнитивной нагрузки, управлением эмоциями, а также управлением вниманием и временем, потому что это входит в состав ключевых компетенций педагога. Для развития перечисленных компетенций необходимо продумать программу, в которой будут модули по их развитию. Такая образовательная траектория поможет развить компетенции, необходимые современному педагогу, и подготовить сильных педагогов для работы в образовательных учреждениях. Внедрение в учебный процесс специальных тренингов, деловых игр, метода проектов, метода конкретных ситуаций по формированию у студентов-филологов soft skills, проведение комплексного диагностического тестирования является оптимальным способом формирования педагогической резильентности [6].

Таким образом, мы приходим к выводу, что КПЛ – это инструмент системного моделирования пространства ближайшего развития личности в наиболее доступной форме с использованием инструментов геймификации. Благодаря доступности материала КПЛ вопрос развития компетенций можно поднимать уже в школе и помогать учащимся в профессиональном самоопределении. К выпуску из школы обучающийся будет готов оценить свои способности и сделать осознанный выбор направления обучения. В этом случае на момент поступления в вуз мы получим мотивированного абитуриента, а затем грамотного специалиста в своей области.

Список литературы

1. Болотов В.А., Сериков В.В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. – 2003. – №10. – С.12.
2. Бондаренко Н.В. Модели поиска, критерии найма, оценка профессиональных качеств и навыков выпускников профессиональных образовательных программ: мнение работодателей // Мониторинг экономики образования: информационно-аналитические материалы по результатам социологических обследований. – 2016. – № 1. – С. 1-7.
3. Галажинский Э. Чему не учат в университетах// Ведомости [Электронный ресурс]: URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/08/03/727760-ne-uchat-v-universitetah> (Дата обращения: 9.09.2022)
4. Мазунова Л.К., Кудрявцева Е.Л., Пуляевская А.М. Миссия образования XXI века – научить человека самообразованию длиною в жизнь// Педагогический журнал Башкортостана. – Том 5– №84.– С. 15-26.

5. Кудрявцева Е.Л. Компетентностное портфолио XXI века// Единый депозитарий результатов интеллектуальной деятельности [Электронный ресурс]: URL: <https://edrid.ru/rid/219.016.ba76.html> (Дата обращения: 02.09.2022)

6. Кудрявцева Е.Л., Бубекова Л.Б., Салимова Д.А., Данилова, Мартинкова А.А., Смирнова Л.Н., Калинин С.С., Уорд А. «Комплексное диагностическое тестирование билингвов 3-14 лет» как эффективный помощник родителей и учителей // Учителю русской зарубежной школы: сборник / Под ред. П.Г. Гельфрех и А.В. Голубевой. – СПб: Златоуст, 2019. – С. 312-336.

УДК 811.13+37.047

**Зеленина Т.И.¹, Федорова И.А.¹, Хайдаров Я.Р.², Прохорова Л.П.²,
Мельничук О.А.³, Самсонова М.В.³**

¹ Удмуртский государственный университет, ² Кемеровский государственный университет, ³ Северо-Восточный федеральный университет

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ В ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ: СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ (ЯКУТСК – КЕМЕРОВО – ИЖЕВСК)

***Аннотация.** В статье рассматриваются истоки развития и становления мультилингвального образования в контексте романских языков в трех российских регионах: Республике Саха (Якутия), Кемеровской области, Удмуртской Республике. Цель – обобщение опыта многолетней работы преподавателей-романистов. Авторами представлены актуальные программы подготовки специалистов по многоязычию, отражена связь университетского образования, науки и бизнеса, обсуждаются проблемы, с какими сталкиваются вузы, и определяются перспективы дальнейшей работы.*

Ключевые слова: романские языки, прикладная филология, соизучение языков, сетевое взаимодействие.

**Zelenina T.I.¹, Fedorova I.A.¹, Khaydarov Ya.R.², Prokhorova L.P.²,
Melnichuk O.A.³, Samsonova M.V.³**

¹Udmurt State University, ²Kemerovo State University, ³North-Eastern Federal University

ROMANCE LANGUAGES IN THE PHILOLOGICAL EDUCATION OF RUSSIAN UNIVERSITIES: NETWORKING (YAKUTSK – KEMEROVO – IZHEVSK)

Abstract. The paper deals with the history of multilingual education development in the context of Romance languages in three Russian regions: the

Republic of Sakha (Yakutia), the Kemerovo region, and the Udmurt Republic. The aim is to summarize the long-term experience of Romance teachers in Russian Universities. The current programs of training specialists in multilingualism are presented; the relationship between university education, science and business is considered. The problems encountered by the Romance teachers at universities as well as the prospects for future work are discussed.

Key words: Romance languages, applied philology, language co-education, networking.

Введение. Елабужские филологические чтения, начавшие свою историю в 2013 г., ставили своей задачей объединение учителей-словесников. Годом позже, в 2014 г., под эгидой Международного методического совета по многоязычию, объединяющего преподавателей русского языка 45 стран (г. Гутов, Германия), на базе Елабужского института КФУ была создана Международная лаборатория с распределенным участием «Инновационные технологии в сфере поликультурного образования», которая стала головной для международных лабораторий с распределенным участием. За это время наработан богатый опыт взаимодействия научных и образовательных структур разного типа в России и за рубежом. Сегодня в нем участвуют не только педагоги-русисты, но и специалисты по разным языкам – родным (русский, удмуртский, татарский) и иностранным (романские, германские, финно-угорские, тюркские).

Настоящая статья – свидетельство сетевого взаимодействия преподавателей романских языков трех российских вузов (СВФУ, КемГУ, УдГУ), находящихся в разных часовых поясах России. Эти вузы объединяет то, что там работают выпускники советского и российского ученого доктора филологических наук, профессора кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета Т. А. Репиной, которые разрабатывают различные модели романского многоязычия, реализуя сетевое взаимодействие в области романской филологии. Тамаре Александровне в 2022 г. исполнилось бы 95 лет со дня рождения. Она не дожила один год до своего 90-летия. Т. А. Репина – «видный филолог-романист, известный у нас в стране и за рубежом, крупный специалист в области сравнительного и типологического языкознания, автор многочисленных научных трудов, посвященных исследованию исторического развития современного состояния романских языков» [1]. Особого внимания заслуживают фундаментальные учебники: «Сравнительная типология романских языков (французский, итальянский, испанский, португальский, румынский)» [2] и «Введение в романскую филологию» (в соавторстве с учеными МГУ) [3], рекомендованные для студентов высших учебных заведений. Более всего она гордилась своими многочисленными учениками, которые под ее руководством в разные годы защищали

диссертационные исследования в области романских языков. Она учила их взаимопомощи в научной работе: молдаванка, узбек, якутка, татарин, болгарка, русские ощущали себя единой семьей около своей *alma mater* (лат. «питающая, благодетельная мать») – образованной, требовательной к себе и своим ученикам, прививающей им интерес к сравнению романских языков и вкус к научной работе.

Аспирантские годы остались далеко позади, но ученики, поддерживаемые научным руководителем, продолжали взаимодействовать. Подтверждением тому служит юбилейный сборник статей, посвященный 80-летию Учителя [4]. Научные идеи профессора Т. А. Репиной продолжают жить в образовательной и просветительской деятельности ее учеников, коллег и студентов. Они получают свое развитие не только в контексте родственных (романских) языков, но и в области типологического сравнения и контактирования разноструктурных (родных и иностранных) языков.

Благодаря преподаванию романских языков в российской высшей школе стало активно развиваться направление лингводидактики, связанное с многоязычием, представляемое сегодня терминологически по-разному: поликультурное обучение, соизучение языков, одновременное обучение языкам, полилингвальное обучение, мультилингвальное обучение, обучение многоязычию. Особого внимания в области обучения многоязычию и профессиональной межкультурной коммуникации заслуживает многолетний опыт преподавателей Пятигорского государственного университета (науч. рук. д-р пед. наук, профессор Н. В. Барышников). Исследования проводятся на базе направления подготовки 45.03.02. «Лингвистика» (профиль Теория и практика межкультурной коммуникации, четырехязычие: английский, немецкий, французский, испанский языки) [5].

Представим далее опыт обучения романским языкам в вузах, где работают ученики и последователи профессора Т. А. Репиной, свидетельствующий о тернистом пути романской филологии и о желании сохранить российскую научную школу романистов с богатыми традициями.

Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск

В 1977 г. из кафедры романо-германских языков выделилась кафедра французской филологии Якутского государственного университета (с 2010 г. Северо-Восточный федеральный университет). С тех пор накоплен богатый опыт работы, установлены эффективные партнерские связи как в России, так и за рубежом. За время своего существования преподавание французского языка в Республике Саха (Якутия) знало и взлеты, и падения. Был период в 90-х гг., когда выпускники, учителя-энтузиасты открыли при поддержке кафедры школы с углубленным изучением французского языка в нескольких

районах республики. Из них сейчас функционирует только Саха-французский лицей в с. Хамагатта Намского улуса, в котором и сейчас французский язык продолжает преподаваться в качестве основного языка. В тех же 90-х гг. кафедра в числе первых в университете разработала и ввела учебные программы с двойной специальностью «Преподаватель французского и якутского языков» и «Преподаватель французского языка и истории» для малокомплектных школ. В это же время была начата подготовка по специальности «Преподаватель французского и английского языков и литературы». В качестве факультативов преподавались итальянский и испанский языки.

В последнее время российские филологи-романисты столкнулись с двумя серьезными проблемами: 1) на рынке труда и, соответственно, у абитуриентов вне конкуренции оказались английский и китайский языки; 2) Министерство науки и образования РФ практически перестало выделять контрольные цифры приема по направлению «Филология». Кроме того, стало очевидно, что для большинства выпускников иностранный язык является не столько профессией, сколько инструментом. Это понимают и родители, и абитуриенты. Кафедра французской филологии испытывает трудности и из-за географического положения Якутии, которая расположена очень далеко от европейских франкоязычных стран – по соседству с ней Аляска, Китай, Япония. А чтобы добраться до Канады, надо лететь самолетом через Москву. Поэтому перед преподавателями кафедры стоит сложная задача разработки программ, востребованных на рынке труда и позволяющих сохранить преподавание французского языка в рамках многоязычного обучения.

Так, в 2010 г. кафедра французской филологии Института зарубежной филологии и регионоведения открыла прикладной профиль бакалавриата, который, помимо педагогических компетенций, формирует редакторские и переводческие компетенции. Партнерские связи с французскими вузами позволили студентам проходить на 4-м курсе семестровые стажировки во Франции, что, несомненно, повышало привлекательность программы. Многие из выпускников сегодня работают маркетологами, SMM-менеджерами как в республике, так и за ее пределами. В 2019 г. была открыта бакалаврская программа по прикладной филологии «Французский и английский языки в сфере информационно-коммуникационных технологий» с возможностью изучения еще восточного языка (китайского или корейского). За счет преобразования «традиционных» для классического филологического образования дисциплин (теоретическая фонетика, введение в романскую филологию и др.) было увеличено количество часов на английский язык и встроено в учебный план восточный (третий) язык. В 2022 г., модернизировав магистратуру по теоретической и прикладной филологии (созданную в 2013 г.),

кафедра создала магистерскую программу «Корпоративная коммуникация» по направлению 45.04.01 «Филология». Магистранты интенсивно изучают французский и английский языки и выбирают или китайский, или бизнес-курс французского языка. В текущем учебном году 70% обучающихся выбрали бизнес-французский, 30% с базовым образованием в области восточных языков приняли решение об углублении своих знаний по китайскому языку. В 2023 г. планируется открытие бакалаврской программы по направлению подготовки 44.03.04 «Педагогическое образование» (с двумя профилями) «Иностранный язык (французский) и Иностранный язык (английский) в цифровом образовании». В программу включены дисциплины, формирующие навыки по тифлопедагогике, по адаптивным компьютерным технологиям для преподавания иностранных языков обучающимся с проблемами зрения. Программа реализуется при поддержке Северо-Восточного научно-инновационного центра развития инклюзивного образования СВФУ.

К сожалению, приходится констатировать, что классическое филологическое образование в области романской филологии испытывает серьезные затруднения. Если бы вузам выделялось достаточное количество контрольных цифр приема, то его можно было бы сохранить, формируя филологов с фундаментальными знаниями, дающими выпускникам филологическую грамотность, гибкость и способность быстро адаптироваться в новых жизненных условиях [6].

На кафедре французской филологии реализуется также программа подготовки аспирантов по профилю «Теория языка», с 2022 г. по научной специальности 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика». Соответственно профилю и научной специальности в аспирантуру поступают выпускники магистратуры с любым языком. С 2022 г. появилась возможность продолжать сопоставительные исследования (например, французского и якутского языков), которые начинаются в рамках ВКР бакалавров и магистрантов. Но мы сталкиваемся все с той же проблемой: отсутствие контрольных цифр приема по направлению подготовки 5.9. «Филология».

В целом, практика показывает, что языковое образование остается популярным, но, в отличие от времен расцвета изучения иностранных языков в 90-е гг., современный рынок труда требует наличия у выпускников развитых компетенций в прикладных областях, как, например, информационно-коммуникационные технологии, а также готовые навыки проектной деятельности. Такая тенденция создания образовательных программ с несколькими профилями с некоторым опозданием, но все же была учтена при разработке ФГОС последних поколений, которые намного облегчили создание современных привлекательных программ, позволяющих гибко

реагировать на запросы рынка, а, следовательно, абитуриентов. Подобные программы позволяют к тому же включать несколько иностранных языков, в том числе французский, который по-прежнему привлекателен для населения.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

На кафедре романо-германской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций на протяжении многих лет разрабатывалась идея одновременного преподавания французского, итальянского и испанского языков. К настоящему времени приобретен богатый опыт реализации данного направления. Автор методики – кандидат филологических наук, доцент кафедры Я. Р. Хайдаров. Чтобы увидеть становление инновационной методики, рассмотрим этапы ее продвижения более детально.

1-й этап – дополнительное образование (факультатив).

Первоначально занятия проводились в один и тот же день друг за другом, но языки преподавались отдельно в разных группах. Ввиду сходства языков содержание занятий во многом совпадало, из-за чего возможность их одновременного преподавания с каждым разом становилась более очевидной. К тому же ряд студентов посещали занятия по всем трем языкам и показывали лучший результат в освоении языков, чем студенты, изучавшие только один язык.

Особенность данной методики заключается в том, что три языка преподаются одновременно на одном и том же занятии одним и тем же преподавателем путем их сравнения. Двумя основополагающими принципами данной методики являются принципы «от известного – к новому» и «от сходств – к различиям», предусматривающие тщательный отбор лексического и грамматического материала и определяющие последовательность их подачи с учетом результатов типологического сравнения романских языков на всех этапах преподавания. Важным моментом является то, что сравнение на каждом этапе обучения, начиная с фонетики, проводится также с русским языком.

В ходе преподавания отрабатывались и корректировались способы и приемы подачи материала, разрабатывались упражнения на закрепление материала и на предупреждение интерференции как родного языка, так и интерференции при переключении с одного иностранного языка на другой.

Результаты работы вылились в несколько учебных пособий. Начинается курс с учебного пособия по одновременному преподаванию фонетики: выработка максимально безакцентного произношения на французском, итальянском и испанском языках с одновременным обучением основам чтения и говорения на каждом из них. Преподавание фонетики строится на сопоставлении фонетических систем с использованием интернациональной и общероманской

лексики [7]. Следующие пособия посвящены одновременному обучению основ активной грамматики трех романских языков – французского, итальянского и испанского в их взаимных сходствах и различиях. Целью является рассмотрение и объяснение грамматических явлений, обеспечивающих полноценное общение на трех языках с возможностью свободно переключаться с одного языка на другой. Грамматика включает в себя две книги: начальный курс [8] и продвинутый курс [9]. Необходимым условием при обучении является учебное пособие для развития навыков разговорной речи на французском, итальянском и испанском языках [10]. Все пособия сопровождаются аудиозаписями.

2-й этап – заочная магистратура. Далее методика одновременного преподавания трех романских языков стала внедряться в качестве ознакомительного курса в рамках магистерской программы «Иностранные языки в профессиональной коммуникации» по направлению 45.04.01. «Филология». Акцент делался на совершенствовании английского языка в качестве основного иностранного языка и использование его как инструмента осуществления профессиональной коммуникации в различных, наиболее востребованных отраслях региона (образование, угольная промышленность, туризм, медицина). Было произведено три набора и, соответственно, три выпуска магистров-заочников, начиная с 2016 г. Магистранты, в подавляющем большинстве – выпускники лингвистических или филологических программ бакалавриата, как правило, уже владели одним из вторых иностранных языков (французским, итальянским или испанским) и поэтому имели серьезную мотивацию продолжить изучение других романских языков, помимо английского. Знакомство с методикой изучения трех языков одновременно укрепило эту мотивацию, показав реальную возможность овладения на базовом уровне тремя родственными языками одновременно и в достаточно короткий срок.

Опыт работы в заочной магистратуре показал возможность распространения данного метода в более широкой аудитории (в языковых вузах и лицеях, в системе дополнительного образования и пр.). В связи с этим возникла необходимость в подготовке специалистов данного профиля и введения интенсивного курса одновременного изучения трех романских языков – французского, итальянского и испанского по апробированной инновационной методике.

3-й этап – очная магистратура. В 2019 г. на кафедре романско-германской филологии был осуществлен первый набор, а в 2021 г. второй, в существующую магистратуру на программу 45.04.01. «Филология. Иностранные языки в профессиональной коммуникации» с акцентом на более глубокое внедрение методики обучения трем иностранным языкам одновременно. Основное требование к

выпускникам бакалавриата, поступающим на программу, уверенное владение английским языком как основным иностранным. Освоение набора дисциплин по одновременному обучению трем языкам не предполагает предварительной языковой подготовки по данным языкам, хотя владение одним из трех романских языков значительно облегчает процесс освоения трех языков. После окончания магистратуры выпускники программы будут владеть английским и тремя романскими, они получат достаточную подготовку для внедрения методики соизучения языков в вузах и старших классах лицеев лингвистического профиля.

Практика одновременного преподавания трех языков в рамках очной магистратуры дает положительные результаты, о чем свидетельствует детальный отзыв выпускницы первого выпуска М. В. Карпенко: «Программа магистратуры «Иностранные языки в профессиональной коммуникации» с изучением четырех языков оказалась для меня крайне увлекательной и полезной. Освоение трех языков одновременно по авторской методике Я. Р. Хайдарова позволяет создать для себя четкую систему изучения и преподавания итальянского, французского, испанского языков. Данная методика уникальна во многих отношениях: большое внимание уделяется постановке правильного и красивого произношения без акцента в каждом из языков и проведению параллелей в изучении грамматики, построению фраз и предложений. Ценным является изучение техник перевода с языка на язык, работа с интерференцией языков и ее преодолением, а также методики преподавания трех языков одновременно и в отдельности. Эффективность данной методики мне посчастливилось подтвердить на практике, как в переводческой, так и преподавательской деятельности. При общении и работе с иностранцами я неоднократно убеждалась в том, что изученный материал действительно актуален и во многом гарантирует успешность межкультурной коммуникации.

Немалое внимание уделялось и английскому языку: устной практике на основе TED-talks с обсуждением актуальных вопросов современности, групповым и индивидуальным проектам, изучению систем международных экзаменов на английском языке, а также дисциплинам, посвященным различным видам перевода, коммуникации и научному дискурсу на английском языке. Обучение в данной магистратуре действительно позволяет выйти на совершенно иной, высокий уровень знания языков и применения данных знаний на практике в самых различных сферах деятельности».

Многие выпускники первых наборов продолжают самостоятельно совершенствовать уровень знания трех языков, преподавая их в различных языковых школах и на онлайн-курсах.

Для более успешной реализации подготовки специалистов в области многоязычного образования представляется целесообразным начинать их обучение уже на уровне бакалавриата на языковых факультетах, где вместо одного основного или второго иностранного языка студенты осваивали бы три, имея при этом базовую подготовку по английскому языку. После четырех лет обучения в бакалавриате желающие продолжить обучение в магистратуре могли бы сосредоточить свое внимание на научной работе по сравнению разноструктурных языков, дальнейшем совершенствовании языковых и переводческих навыков, на разработке проектных работ по внедрению метода соизучения разноструктурных языков в средней школе и в системе высшего профессионального образования.

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Романские языки преподаются на кафедре романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики, являющейся сегодня центром мультилингвального обучения Института языка и литературы. В 2011 г. она включила в себя три кафедры, существовавшие длительное время самостоятельно: 1) кафедру романской филологии, первоначально французского языка (с 1966 г.); 2) кафедру второго иностранного языка и лингводидактики (с 1997 г.) – ее открытие было связано с осознанием того, что формирование многоязычной компетенции у студентов реально начинается со второго иностранного языка; 3) кафедру дидактики раннего обучения иностранным и национальным языкам (с 1997 г.), где на протяжении многих лет проводились исследования на базе Детской школы раннего языкового развития «Лингва», открытой при УдГУ в 1990 г. и существующей до сих пор. В ходе научно-исследовательской работы происходило осмысление обучения второму языку в дошкольном возрасте (естественный или искусственный билингвизм), которое позволило сделать вывод, что раннее языковое развитие является первым шагом к многоязычию.

Объединение на одной кафедре ученых по филологическим и педагогическим наукам, являющихся специалистами по разным языкам, способствует эффективному взаимодействию преподавателей в учебном процессе, а также проведению научных исследований в области многоязычия в сетевом взаимодействии с коллегами российских и зарубежных вузов.

1. Филологическая составляющая многоязычия

С 90-х гг. в УдГУ обозначился научный интерес к межкультурному образованию и воспитанию в полиэтничном регионе (каковым является Удмуртия) и сравнению межъязыковых явлений в разноструктурных языках: удмуртском, русском, иностранных. На протяжении многих лет велась работа над созданием этимологического словаря французских слов в удмуртском языке, заимствованных через

русский язык (более 1400 слов) [11]. К каждому слову указаны даты и источники его первой фиксации в удмуртском, русском и французском языках. Ссылки на удмуртские источники стали возможны благодаря уникальной картотеке русских заимствований в удмуртском языке, создаваемой учеными Лаборатории лингвистического картографирования и исторической лексикологии УдГУ более 30 лет (рук. д-р филол. наук Р. Ш. Насибуллин). Картотека русских заимствований в удмуртском языке и этимологический словарь опосредованных заимствований французского происхождения в миноритарном языке не имеют аналогов ни в российской, ни в зарубежной лингвистике. Благодаря созданному словарю удалось провести исследование по взаимодействию удмуртского (миноритарного), русского (национального) и иностранных (межнационального общения) языков [12, 13].

Результаты данного исследования были представлены профессором Т. И. Зелениной в Институте филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета, куда она была приглашена в 2011 г. в качестве лектора. В ходе научного семинара с коллегами пришло осознание того, что данный языковой материал может послужить «лакмусовой бумажкой», а созданная технология исследования опосредованных заимствований на примере конкретного миноритарного (удмуртского) языка может быть экстраполирована на любой национальный язык Российской Федерации (напр., якутский) и стран ближнего зарубежья (напр., казахский), находящийся на протяжении длительного времени в тесном взаимодействии с русским языком. Кроме того, стало очевидно, что привлечение сведений из родных языков при изучении иностранных дает положительный эффект в языковом и культуроведческом развитии обучающихся и широкое поле для научно-исследовательской работы педагогов и студентов.

II. Инфраструктура как составляющая многоязычия

Важную роль в разработке научных исследований в области многоязычия играет институализация (форма организации отношений с установленными правилами, нормами и их саморегуляция).

1. Наука. В 2009 г. в УдГУ открылся Научно-образовательный центр «Инновационное проектирование в мультилингвальном образовательном пространстве», осуществляющий интеграцию науки, образования и бизнеса. С момента создания НОЦ в нем функционируют две научные школы, зарегистрированные в 2021 г. в РАН: филологическая «Методология сравнения языков и лингвокультур в диахронии и синхронии» и педагогическая «Языковое и межкультурное образование и воспитание в полиэтничном регионе». В рамках НОЦ с 2014 г. активно развивается Международная лаборатория с распределенным участием «Многоязычие и

межкультурная коммуникация» УдГУ, иницирующая в 2020 г. создание Международного экспертного совета по многоязычию (МЭС), объединяющего российских и зарубежных ученых в научных исследованиях в сетевом взаимодействии в области родственных и разноструктурных языков в разные исторические эпохи и на современном этапе. Цель МЭС – продвижение идеи многоязычия в образовательном пространстве (сохранение и развитие родных и иностранных языков и культур).

С 2009 г. в УдГУ ежегодно публикуется научный сборник «Многоязычие в образовательном пространстве», получивший в 2016 г. статус научного журнала. Со следующего года планируется издавать его 4 раза в год с целью дальнейшего включения в перечень изданий, рекомендованных ВАК. Это даст возможность расширить границы интегративных исследований в области многоязычия.

2. Образование – мультилингвальные образовательные программы

В 2010 г. была открыта очная магистерская программа по направлению 45.04.01. «Филология. Инновационный менеджмент в иноязычном образовании (мультилингвальное обучение)», очная. В настоящее время с тем же названием программа реализуется в рамках направления 44.04.01. «Педагогическое образование», очно-заочная форма обучения. Бюджетные места ограничены.

На протяжении длительного времени в бакалавриате ИЯЛ преподаются три романских языка: французский, испанский, итальянский – в качестве первого, второго или третьего языка. Идея их объединения в одной образовательной программе давно витала в воздухе. Она еще более окрепла после того, как несколько лет назад стало известно о внедрении данной идеи в одном из сибирских вузов. В 2020 г. в УдГУ был приглашен доцент Кемеровского госуниверситета Я. Р. Хайдаров с авторским курсом «Изучаем три языка одновременно: французский, итальянский, испанский». Обсуждение и осмысление многолетнего опыта обучения романским языкам в УдГУ и КемГУ было полезно и слушателям курса (преподавателям и студентам), и автору уникальной методики преподавания.

В 2022 г. в УдГУ была открыта бакалаврская программа по направлению подготовки 45.03.01. «Филология», профиль «Романская филология (французский, испанский, итальянский) и английский язык» – к сожалению, без бюджетных мест. Новая программа, инспирированная многолетним опытом и авторской методикой Я. Р. Хайдарова, дающей уверенность в положительных результатах, отличается от своего прототипа, что вполне естественно. Но мы не сомневаемся в том, что сетевое взаимодействие участников расширит возможности реализации идеи соизучения языков в образовательном пространстве основного и дополнительного образования.

3. *Бизнес.* В 2013 г. было зарегистрировано малое инновационное предприятие «Научно-методическое объединение Иж-Логос» (МИП), учредитель УдГУ, направление деятельности: раннее и мультилингвальное образование. Цель МИП – коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности (РИД), реализуемая совместно с НОЦ на базе Детской школы раннего языкового развития «Иж-Логос Лингва» (с момента регистрации МИП как юридического лица находится в структуре предприятия). ООО «НМО «Иж-Логос» является в настоящее время базовой площадкой для мультилингвальных образовательных программ бакалавриата и магистратуры, на которой реализуется сетевой проект «Мультилингвальная Удмуртия».

Заключение. Опыт преподавания романских языков в системе высшего образования России позволяет сделать следующие выводы.

- Романские языки представлены в настоящее время в качестве первого, второго или третьего языков в трех направлениях подготовки: Лингвистика, Филология, Педагогическое образование. Практико-ориентированное многообразие программ в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре свидетельствует о желании сохранить романские языки в системе высшего филологического образования и, следовательно, в российской научной школе. Включение в программы английского языка следует рассматривать не только как дань моде, но и как использование ресурса при изучении романских языков. Абитуриенты приступают к их изучению, как правило, с хорошей базой английского, а также родного (чаще русского) языков, позволяющей осуществлять перенос имеющегося положительного языкового опыта на каждый новый изучаемый язык. Кроме того, английский язык является «музеем французского языка». Французский язык внес значительный вклад в английскую лексику в период тесного контактирования Англии с Францией в эпоху средневековья.

- В глобальном мире набирает популярность бренд мультилингвального образования, направленного на взаимодействие в учебном процессе различных языков: международных, национальных и миноритарных. В образовательных учреждениях России сложилась практика изолированного преподавания русского, национальных и иностранных языков на разных уровнях обучения. Наиболее слабым звеном в ресурсном обеспечении мультилингвального образования в высших учебных заведениях является сравнительно-сопоставительная лингвистика (отсутствие языкового материала для соизучения родственных и неродственных языков, необеспеченность учебного процесса практико-ориентированными научными исследованиями в контексте многоязычия).

- В последние годы становится все более очевидным, что построение оптимальных университетских программ обучения

романским языкам возможно лишь в том случае, если эти программы будут включать в себя спектр дисциплин, направленных на развитие не только мультилингвальной компетенции, но и компетенций, связанных с информационными технологиями и проектной деятельностью. Именно этот аргумент является основополагающим фактором для того, чтобы данные программы были востребованы будущими абитуриентами. Существенная роль в этом будет принадлежать сетевому взаимодействию вузов на российском и международном уровнях.

Список литературы

1. Профессор Тамара Александровна Репина. Очерк жизни и деятельности Т. А. Репиной (к 70-летию со дня рождения) / ред. коллегия: А. С. Герд (отв. ред), С. И. Богданов, Е. М. Чекалина). – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – 60 с.
2. Репина Т. А. Сравнительная типология романских языков (французский, итальянский, испанский, португальский, румынский): учебник. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 280 с.
3. Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию: учебник. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2007. – 453 с.
4. Романские языки в прошлом и настоящем: сб. ст. к 80-летию проф. Т. А. Репиной / С.-Петерб. гос. ун-т, филол. фак., Удмурт. гос. ун-т, Ин-т иностр. яз. и лит.; под ред. Т. И. Зелениной. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2007. – 352 с. URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/3231>.
5. Барышников Н. В. Основы профессиональной межкультурной коммуникации: учебник. – М.: Вузовский учебник: Инфра-М, 2013. – 368 с.
6. Мельничук О. А. Профессиональное гуманитарно-филологическое образование в современных условиях // Вестник СВФУ, том 10, № 2, 2013, с. 92-96.
7. Хайдаров Я. Р. Изучаем три языка одновременно. Начальный курс. Français. Italiano. Español: учеб. пособие. – 6-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2022. – 304 с.
8. Хайдаров Я. Р. Изучаем три языка одновременно. Français. Italiano. Español. Основы активной грамматики. Начальный курс: учеб. пособие. – 4-е изд. – М.: Флинта, 2022. – 560 с.
9. Хайдаров Я. Р. Изучаем три языка одновременно. Français. Italiano. Español. Основы активной грамматики. Продвинутый курс: учеб. пособие – М.: Флинта, 2022. – 776 с.

10. Хайдаров Я. Р. Беседуем на трех языках одновременно. Тексты и диалоги. Учебное пособие для развития навыков разговорной речи на французском, итальянском и испанском языках: учеб. пособие. – Кемерово: Изд-во «Борнат», 2020. – 180 с.

11. Зеленина Т. И. Французское слово в удмуртском и русском языках в контексте европейских языков: [в 3 ч.]. – Ч. 1. Французское слово в удмуртском и русском языках: этимологический словарь / НОЦ ИЯЛ УдГУ. – 3-е изд., испр. и доп. – Ижевск: Удмуртский университет, 2018. – 280 с.

12. Зеленина Т. И. Французское слово в удмуртском и русском языках в контексте европейских языков: [в 3 ч.]. – Ч. 2. Многоязычный словарь на основе французской лексики, заимствованной русским и удмуртским языками / Т. И. Зеленина, Б. Ш. Загуляева, Н. В. Буторина; НОЦ ИЯЛ УдГУ. – 2-е изд., испр. и доп. – Ижевск: Удмуртский университет, 2018. – 100 с.

13. Зеленина Т. И. Французское слово в удмуртском и русском языках в контексте европейских языков: [в 3 ч.]. – Ч. 3. Опосредованные заимствования в удмуртском языке: французский пласт: монография / НОЦ ИЯЛ УдГУ. – 2-е изд., испр. и доп. – Ижевск: Удмуртский университет, 2018. – 204 с.

УДК 811.161.1

Злобин А. А.

Вятский государственный университет

СМЫСЛОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМ *РАК* И *ОПУХОЛЬ* В ПОВЕСТИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «РАКОВЫЙ КОРПУС»

*Аннотация. Особый интерес в современных филологических исследованиях представляет собой языковая картина мира писателя, раскрывающаяся в его произведениях и творчестве. Цель данной статьи – исследование особенностей семантики и функционирования лексем *рак* и *опухоль* в автобиографическом произведении Александра Исаевича Солженицына «Раковый корпус». Для достижения данной цели методом сплошной выборки было выделено более 300 контекстов, в которых представлены следующие лексические единицы: *рак*, *опухоль*, *болезнь*, *лимфоузлы*, *метастазы*, *меланобластома*, *лечение*, *операция*, *диагностика*, *инъекция*, *выздоровление*, *исцеление* и др. Метод количественной обработки данных (статистический метод) помог определить ядерные и периферийные лексемы. Когнитивно-семантический анализ ключевых слов позволил прийти к объективному выводу, что в семантической структуре лексем *рак* и *опухоль* совмещаются два смысловых центра: «тяжёлая онкологическая болезнь» и «крайне болезненное состояние общества, поражённого тоталитарным режимом».*

Ключевые слова: лексема, семантика, функционирование, лексический дериват, А. И. Солженицын.

Zlobin A. A.
Vyatka State University

SEMANTIC POTENTIAL OF LEXEMES *CANCER* AND *TUMORS* IN A.I. SOLZHENITSYN'S STORY «*CANCER CASE*»

Abstract. *Of particular interest in modern philological research is the writer's linguistic picture of the world, which is revealed in his works and work. The purpose of this article is to study the features of the semantics and functioning of the lexemes cancer and tumor in the autobiographical work of Alexander Isaevich Solzhenitsyn «Cancer Ward». To achieve this goal, more than 300 contexts were identified using the continuous sampling method, in which the following lexical units are presented: cancer, tumor, disease, lymph nodes, metastases, melanoblastoma, treatment, surgery, diagnosis, injection, recovery, healing, etc. The method of quantitative data processing (statistical method) helped to determine the core and peripheral lexemes. Cognitive-semantic analysis of keywords allowed us to come to an objective conclusion that in the semantic structure of lexemes cancer and tumor, two semantic centers are combined: «severe oncological disease» and «extremely painful state of society affected by the totalitarian regime»*

Keywords: lexeme, semantics, functioning, lexical derivative, A. I. Solzhenitsyn.

В центре нашего внимания – языковая картина мира русского писателя второй половины XX века, Нобелевского лауреата по литературе А. И. Солженицына. На страницах отечественных филологических изданий регулярно обсуждался опыт исследования концептосферы А. И. Солженицына [3] и особенностей его идиостиля [1, 2].

Данная статья посвящена анализу смыслового потенциала лексем *рак* и *опухоль* в знаковом произведении писателя. Именно в повести «Раковый корпус» отразился переломный момент жизни А. И. Солженицына, когда в 1954 году, по прогнозам врачей, жить ему оставалось не более трёх недель, а спустя несколько месяцев он вышел из ташкентского онкологического диспансера в новую «жизнь-довесок – как хлебный довесок, приколотый к основной пайке» [8, с. 11].

Лексема *рак* представлена в анализируемой повести в 90 контекстах, например: «*И ничем никогда не болел – ни тяжёлым, ни гриппом, ни в эпидемию, ни даже зубами. И только в запрошлом году первый раз заболел – и сразу вот этим. Раком*» [9, с. 12 – 13].

В анализируемом произведении А.И. Солженицына зафиксировано две производных от слова *рак* лексических единицы. Их семантическая специфика определяется прежде всего значением суффикса субъективной оценки: *рачок* (когда речь идёт о начале

болезни и её ранней стадии) и **рачище** (когда говорят о тяжёлом состоянии человека и поздней стадии болезни): «...Вот тут старик один есть, – не унимался Ефрем, – он внизу лежит, операция ему завтра. Так ему ещё в сорок втором году **рачок маленький** вырезали и сказали – пустяки, иди гуляй. Понял? – Ефрем говорил будто бойко, а голос был такой, как самого резали. – Тринадцать лет прошло, он и забыл про этот диспансер, водку пил <...> – нотный старик, увидишь. А сейчас **рачище** у него та-кой вырос! – Ефрем даже чмокнул от удовольствия. – Прямо со стола да как бы не в морг» [9, с. 12 – 13].

В повести представлены случаи лексической омонимии слова **рак** и его производного **рачок**: «...Если и попадёшь домой – ненадолго, а-а-пять сюда. **Рак¹** людей любит. Кого **рак²** клешней схватит – то уж до смерти» [9, с. 13]; «Ему на днях должны были удалить **рачок¹**» [9, с. 53]; «Этот больной хрипло рассказывал другим, слушававшим с коек. При входе Русанова он повернулся к нему всем корпусом, с которым наглухо сливалась голова, посмотрел без участия и сказал: «А вот – ещё один **рачок²**» [9, с. 11].

В качестве лексического деривата существительного **рак** выступает прилагательное **раковый**. Данная единица имеет невысокую семантическую валентность. В рассматриваемой повести она сочетается лишь с несколькими существительными: **больной, диспансер, корпус, пациент**, например: «И на месте удара загноилась рана. Она не заживала. И с тех пор Сибгатов стал как цепью прикован к **раковому диспансеру**» [9, с. 30].

Предельно ограниченная лексическая сочетаемость прилагательного **раковый**, в частности, акцентирует внимание на том, что заглавие повести – не только указание на место действия, а символ, который несёт большую смысловую нагрузку. А. В. Урманов, говоря о символе как форме воплощения авторской концепции бытия, отмечает: «В произведениях А. Солженицына можно обнаружить множество сквозных символических мотивов, представляющих собой нерасчленимое единство – взаимосвязанную систему, которая формирует очень важный концептуальный слой художественной модели мира. Эти мотивы очень устойчивы: варьируясь и углубляясь, а иногда отходя на задний план, они никогда не ускользают из поля зрения писателя и присутствуют на всех этапах его творчества...» [10, с. 121].

«Раковый корпус» – художественное произведение, вскрывающее раковую опухоль советского общества. Пациенты ракового корпуса – это не только больные, страдающие онкологическим заболеванием, а люди, сознание которых изуродовано тоталитарным режимом. Действительно, для такой смысловой интерпретации есть все основания. Параллельно с созданием «Ракового корпуса» А. И. Солженицын работал над

«Архипелагом ГУЛАГом». Он собирал материал, писал первые части. На страницах этого монументального труда встречается аналогичный символ: *«Соловецкий рак стал расплзаться»*; *«А злокачественные клеточки ползли и ползли. С одной стороны, их не пускало море, с другой – финская граница, – но ничто не мешало устроить лагерь под Красной Вишерой»* [7, с. 69–74].

Автор акцентирует внимание на духовной слепоте не только тех, кто проходит лечение в ташкентском онкодиспансере, но и многих своих соотечественников. Об этом пишет Ю. И. Кудинова: «Люди платили за продление жизни ложью, предательством, лицемерием, унижением, что влекло разложение и распад личности. Получается, что все эти десятки и сотни тысяч людей, не выведенных в повести, в той или иной мере страдают гнетущим раком. Однако этот рак – духовный. Быть может, все эти люди тоже находятся на пороге смерти, в пограничной ситуации. Тем страшнее обыкновенность и повседневность духовного падения, которое охватило народ [5, с. 80].

Духовный рак, которым поражены миллионы людей, неизбежно приводит к духовной смерти. Лишь единицы, испытав физические и душевные страдания, способны понять глубину своего заблуждения и, в конечном счёте, отказаться от него. Прозрение и выздоровление от духовной болезни возможно, по мнению А. И. Солженицына, только через опыт преодоления кризисных состояний, связанных с переоценкой ценностей.

Н. Г. Сичинава отмечает, что «при описании жизненного пути Костоглотова и других персонажей Солженицын использует хронотоп порога (кризисного сознания, перелома)» [6, с. 30]. Действительно, благодаря приёму ретроспекции, автор высвечивает те фрагменты биографии, которые значимы для актуализации нравственно-философской проблематики повести. Память переносит Олега Костоглотова, пациента ракового корпуса, из палаты окондиспансера в прошлое, и он вновь ощущает себя *«в переполненных послевоенных бутырских камерах»*, *«под ногами красной Пресни»*. А. И. Солженицын неслучайно в повести перечисляет механизмы ограничения свободы ни в чём не повинных людей: они участвуют в создании зловещей метафоры целой страны, поражённой страшной болезнью: *«Человек умирает от опухоли – как же может жить страна, проращённая лагерьми и ссылками»* [8, с. 30].

Статистические данные свидетельствуют о том, что при характеристике Олега Костоглотова, в образе которого писатель показал человека, прошедшего сталинские лагеря, доминирует пейоративная лексика. В частности, в контекстах, рассказывающих о его лагерной жизни, А. И. Солженицын использует жаргонную лексику: *блатарь*, *бобёр*, *зек*, *пайка*, *урки* и др. Трагическое положение Костоглотова и подобных ему людей демонстрируют следующие

лексические единицы: вечный **арестант**, **потеряна** вся жизнь, **лишили** моей собственной жизни и др. Их отношение к советским партийным лидерам однозначно отрицательное: **людоед** накрылся (о смерти Сталина), свалили **Берию** с жестяным грохотом **пустого истукана**. Лагерь воспринимается бывшими заключёнными как место предельной концентрации зла: «*Это всё воспринимается с улыбкой потому, что это всё – после **волчьего лагеря**. Конечно, что не покажется после лагеря – шуткой? что не покажется отдыхом*» [9, с. 276].

Говоря о массовом выселении жителей Ленинграда в 1935 году, автор ассоциирует сталинские репрессии с природным катаклизмом: «*Как будто землетрясение было – нараспашку квартиры, кто-то входил, брал, уходил, никто никого не спрашивал*» [9, с. 159]. В «Раковом корпусе сравнение становится особым экспрессивным средством, передающим чувства жертв тоталитарной системы: «*И опять я – **песчинка**, как в лагере, опять от меня ничего не зависит*» [9, с. 147]; «*Но, как **насекомым**, приколотым в отъединённых клеточках, каждому была определена своя*» [9, с. 185].

Вербально и ассоциативно лексема **рак** связана с существительными, являющимися узкоспециальными медицинскими терминами: **лимфоузлы**, **метастазы**, **меланобластома**, например: «*Метастазы* рвали оборону, как танки, они уже твердели в средостении, появились в лёгких, уже воспаляли узлы над ключицами, но организм не давал помощи, чем остановить» [9, с. 63].

Как правило, данные существительные характеризуют тяжёлое состояние пациента, которое уже не поддаётся лечению: «*Нет, Дёмка, вылечить меня уже нельзя. От **меланобластомы** вообще не вылечиваются. Таких выздоровевших нет. А мне? Отнять ногу – мало, а выше – где ж резать? Сейчас идёт вопрос – как оттянуть? И сколько я выиграю: месяцы или годы?» [9, с. 207].*

Персонажи повести, которым поставлен такой диагноз, понимают свою обречённость: «*В общем, Дёмка, у меня опухоль совсем другая, чем у тебя. У меня – **меланобластома**. Эта сволочь не щадит. Как правило, восемь месяцев – и с копыт*» [9, с. 206].

Обращает на себя внимание тот факт, что в «Архипелаге ГУЛАГе» подобные лексемы указывают на систему лагерей, которая с бешеной скоростью развивалась в СССР: «*Уже начал разошлет **метастазы** по всему телу страны»; «Экспедиция была успешна, – и на Ухте образовался лагерь – УхтЛаг. Но он тоже не стыл на месте, а быстро **метастазировался** к северо-востоку, захватил Печору – и преобразовался в УхтПечЛаг» [7, с. 69–74].*

Трагическое понимание неизбежности смерти людей, страдающих неизлечимой болезнью, и ощущение оборванности,

незавершённости жизни безымянных лагерников А. И. Солженицын передаёт через глубоко символический образ реки Чу, протекающей в Уш-Тереке, месте вечной ссылки политических заключённых: «*Наша Чу не дотягивает ни до какого моря, ни озера, ни до какой большой воды. Река, кончающая жизнь в песках! Река, никуда не впадающая, все лучшие воды и лучшие силы раздарившая так, по сути и случайно, – друзья! разве это не образ наших арестантских жизней, которым ничего не дано сделать, суждено бесславно заглохнуть, – и всё лучшее наше – это один плёс, где мы ещё не высохли, и вся память о нас – в двух ладоньках водица, то, что протягивали мы друг другу встречей, беседой, помощью*» [9, с. 303 – 304].

Лексема **опухоль** зафиксирована нами в анализируемой повести более чем в 80 контекстах, например: «*Все молчали, рты приоткрывши сказке. Чтобы опухоль, его опухоль, вот эта губительная, всю его жизнь перековерковавшая опухоль, – и вдруг бы сама изошла, иссякла, кончилась?*» [9, с. 141].

Раковая опухоль – то, что врывается в человеческую жизнь внезапно, что разрушает планы, ломает представление о земном благополучии. А. И. Солженицын, вспоминая свой опыт переживания онкологической болезни, часто использует антонимию, например: «*Но вся дружная образцовая семья Русановых, вся их налаженная жизнь, безупречная квартира – всё это за несколько дней отделилось от него и оказалось по ту сторону опухоли. Они живут и будут жить, как бы ни кончилось с отцом. Как бы они теперь ни волновались, ни заботились, ни плакали – опухоль задвигала его как стена, и по эту сторону оставался он один*» [9, с. 18].

Диагностирование опухоли, разделяющей человеческую жизнь на *до* и *после*, воспринимается всеми персонажами повести как явление негативное. Осознание разделившейся жизни и ощущение страха, тотального одиночества автор передаёт через чувства благополучного партийного работника Павла Николаевича Русанова: «*Кольнуло под шей – и опухоль, глухая, бесчувственная, сдвинулась и заслонила весь мир. И опять: бюджет, тяжёлая промышленность, животноводство и реорганизации – всё это осталось по ту сторону опухоли. А по эту – Павел Николаевич Русанов. Один*» [9, с. 19].

Обращает на себя внимание интенсивность и экспрессивность семантики глагольных лексем, которые находятся в грамматическом подчинении у слова **опухоль**, например: «*И сейчас, когда уже кровь его и ткани его оказывались принять рентген, – сейчас бушевала новая опухоль, и нечем было её сбить, её только держали*» [9, с. 62].

Семантика лексемы **опухоль** в анализируемой повести может быть конкретизирована при помощи атрибутивных распространителей – **внутренняя, доброкачественная, злая, злокачественная, внутренняя, новая**: «*Но ведь у меня не рак, доктор? У меня ведь – не*

рак? – с надеждой спрашивал Павел Николаевич, слегка потрагивая на правой стороне шеи свою **злую опухоль**, растущую почти по дням. А снаружи всё так же обтянутую безобидной белой кожей» [9, с. 3].

В художественном мире А. И. Солженицына словосочетание *злокачественная опухоль* имеет дополнительную коннотацию: она символизирует и коммунизм как глобальное зло, и порождённую им систему тюрем и лагерей. Говоря о «Раковом корпусе», писатель отмечает: «А что действительно нависает над повестью – так это система лагерей. Да! Не может быть здоровой та страна, которая носит в себе **такую опухоль!**» [8, с. 30].

Смысловые компоненты слова *опухоль* сближают его с лексическими единицами, связанными с максимальным преодолением онкологического заболевания: *лечение, диагностика, облучение, рентгенооблучение, операция, биопсия, рентген, укол, инъекция*, например: «Глушат меня **рентгеном** по два сеанса в день, каждый двадцать минут, триста «эр», – и хотя я давно забыл боли, с которыми уезжал из Уш-Терека, но узнал рентгеновскую тошноту (а может быть, и от **уколов**, тут всё складывается)» [9, с. 300].

Особое место в художественном пространстве повести занимают лексемы *выздоровление* и *исцеление*. Их функционирование в «Раковом корпусе» чаще всего связано с именем персонажа Олега Костоглотова, автобиографичность которого несомненна. А. В. Сафонов подтверждает наши наблюдения: «Автобиографическая составляющая образа главного героя достаточно велика: студент, фронтовик, лагерник, ссыльный, пациент ракового корпуса» [4, с. 144]. Сам А. И. Солженицын воспринимал *выздоровление* исключительно как *исцеление*: «При моей безнадежно запущенной остро-злокачественной опухоли это было Божье чудо, я никак иначе не понимал. Вся возвращённая мне жизнь с тех пор – не моя в полном смысле, она имеет вложенную цель» [8, с. 11].

Таким образом, лексемы *рак* и *опухоль* имеют особое значение в повести А.И. Солженицына «Раковый корпус». Их смысловое ядро связано прежде всего с тяжёлым болезненным состоянием, от которого страдают пациенты онкологического диспансера в Ташкенте. В больничной палате пересекаются судьбы разных персонажей – пациентов со всех концов необъятной страны и врачей, объединённых одним желанием – победить страшную болезнь. Однако в семантической структуре анализируемых лексем обнаружены и смысловые компоненты, актуализирующие внимание читателя к политической ситуации в СССР, к духовной атмосфере советского общества 1950-х гг.

Список литературы

1. Злобин А. А. Функционирование прецедентных феноменов в романе А. И. Солженицына «В круге первом» // Мир русского слова. – 2016. – №1. – С. 79 – 83.
2. Злобин А. А. Вторичные номинации в романе А. И. Солженицына «В круге первом» // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2018. – №2. – С. 185 – 192.
3. Злобин А. А. Языковая картина мира А. И. Солженицына: опыт исследования // Личность и творчество А. И. Солженицына в контексте мировой литературы: Материалы Междунар. науч. конф. – Ростов-на-Дону – Таганрог, 2018. – С. 35 – 41.
4. Сафонов А. В. Мятежный герой в поисках любви и свободы: образ Олега Костоглотова в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2018. – № 3 (60). – С. 143 –152.
5. Кудинова Ю. И. Тема смерти в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. – 2014. – №14 (2). – С. 78 – 81.
6. Сичинава Н. Г. Средства языковой репрезентации культурно-исторического хронотопа в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» // Личность и творчество А. И. Солженицына в контексте мировой литературы: Материалы Междунар. науч. конф. – Ростов-на-Дону – Таганрог. – 2018. – С. 119 –124.
7. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. III – Ч. IV. – М., 1990.
8. Солженицын А. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. – М., 1996.
9. Солженицын А. И. Раковый корпус. – М., 2017.
10. Урманов А. В. Поэтика прозы Александра Солженицына. – М: Прометей, 2000.

УДК 82.091

Иванова В. С.¹

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Крылов В.Н.¹

¹Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета

РАННЯЯ ПОЭЗИЯ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ И ОЦЕНКАХ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ 1910-Х ГГ

Аннотация. В статье рассматриваются критические статьи 1910-х гг, посвящённые первым двум изданиям сборника О. Э. Мандельштама

«Камень». Выявляется значимость этих статей в изучении творчества поэта. Рассматриваются темы, которые получают развитие в дальнейших литературоведческих исследованиях.

Ключевые слова: литературная критика, творчество О. Э. Мандельштама.

Ivanova V. S.¹

Research Advisor – Doctor of Philology, Professor Krilov V. N.¹

¹Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan Federal University

THE EARLY POETRY OF O. E. MANDELSTAM IN THE INTERPRETATIONS AND ASSESSMENTS OF LITERARY CRITICISM OF THE 1910S

Abstract. *The article examines critical articles of the 1910s devoted to the first two editions of O. E. Mandelstam's collection "Stone". The significance of these articles in the study of the poet's work is revealed. The topics that will be developed in further literary studies are considered.*

Keywords: literary criticism, creativity of O. E. Mandelstam

Проблема понимания сложной мандельштамовской поэзии, вхождения её в литературный мир сохраняет свою научную актуальность и сегодня. Её значимость была подчёркнута в публикациях, посвящённых 130-летию со дня рождения поэта. В различных интерпретациях поэзии мы сталкиваемся с неоднозначностью восприятия двух книг Мандельштама «Камень» 1913 и 1916 гг.

Новизна исследования заключается, во-первых, в расширении используемого материала (привлечение малоизвестных рецензий), во-вторых, анализ литературно-критических интерпретаций проводится сквозь призму теоретических представлений о природе и полифункциональности литературной критики; в-третьих, проводится тщательное сравнение литературно-критических материалов, принадлежащих разным течениям в критике начала XX века.

К ранней поэзии О. Э. Мандельштама относят его творчество периода 1911-1916 гг. Оно представлено двумя изданиями сборника «Камень». В 1913 году вышло первое издание этого сборника. Книга не получила широкого отклика, но появившиеся на неё рецензии были положительными. Позже, в 1916 году, выходит 2-е издание сборника. За эти три года фигура Мандельштама стала известной в литературных кругах. Отчасти, наверное, именно поэтому 2-е издание обратило на себя внимание многих литературных деятелей того времени. Отклик был настолько силён, что началась полемика между критиками. Эти первые оценки сборника Мандельштама послужили началом литературоведческого анализа творчества поэта. В ряде рецензий были

выдвинуты тезисы, которые получают дальнейшее развитие в исследованиях феномена Мандельштама и после жизни творца.

Началось всё со статьи В. Нарбута. В ней он говорит сразу о двух книгах: «Камень» и «Надя Данкова» Алексея Липецкого. Нарбут отмечает, что «и ритм, и метр стиха О. Мандельштам знает великолепно» [10, с. 176] и что «в заслугу О. Мандельштаму следует поставить, кроме вышеуказанного, ещё включение в его поэтический словарь живой повседневной речи и тонкую наблюдательность» [10, с. 176]. Перед нами элементы анализа поэтического мастерства Мандельштама и используемых им художественных средств.

Важно отметить рецензии Н. Гумилёва и С. Городецкого, потому что они оценивали оба издания сборника. Более того, Городецкий написал 2 рецензии на первое издание. На основании указанных рецензий мы можем проследить, как изменилось отношение к творчеству Мандельштама и его положение в литературном мире.

В рецензии, опубликованной в 6-м номере журнала «Гиперборей» за 1913 год С. Городецкий впервые выделяет мотив архитектуры в поэзии О. Э. Мандельштама: «Арки и своды пленяют его, и он смело подходит к глыбам косного материала» [4, с. 27]. Именно с этого наблюдения и начнётся дальнейшее изучение архитектурных мотивов в стихотворениях поэта. В другой рецензии на первое издание «Камня» Городецкий отметит: «Очень характерна для его лирического портрета черта метафизической скромности...» [3, с. 3]. Интересно и название самой рецензии: «Музыка и архитектура в поэзии». Мы видим, что Городецкого особо интересует тема архитектуры.

Сразу после Городецкого о мотиве архитектуры говорит и Гумилёв: «Эта же любовь ко всему живому и прочному приводит О. Мандельштама к архитектуре. Здания он любит так же, как другие поэты любят горы или море. Он подробно описывает их, находит параллели между ними и собой, на основании их линий строит мировые теории» [6, с. 127]. Данная рецензия важна еще и тем, что критик говорит о структуре самого сборника, его делении на 2 части, что обусловлено склонностью Мандельштама к символизму, а позже - акмеизму. Спустя время, в рецензии на 2-е издание «Камня», Гумилёв уже будет говорить об этапах творчества поэта. И речь пойдет не только о влиянии на него символизма или акмеизма, но и о появлении в стихах такого важного для Мандельштама образа, как Рим: «Однако и Рим – только этап в творчестве Мандельштама...» [7, с. 31]. И эту рецензию критик заканчивает так: «Я наметил только некоторые линии в творчестве О. Мандельштама, но думаю, что и этого довольно, чтобы показать, с каким значительным и интересным поэтом мы имеем дело» [7, с. 32]. Использование слова «значительный» показывает, что поэта воспринимают как человека, который займёт место «на пире отцов» русской поэзии.

В рецензии на 2-е издание Городецкого можно увидеть, как изменилось отношение критика к личности Мандельштама (что связано с биографическими обстоятельствами [6, с.353]). Несмотря на первоначальную фразу: «Мандельштам – недостижимый образец для всех них [писателей, которые, по мнению Городецкого, не умеют работать с языком]» [5, с. 20], далее Городецкий замечает: «...стихи Мандельштама вполне литературны. Правда, всякий чуткий к языку человек заметит в них некоторые недостатки, которые автор искусно выдаёт за свои, личные особенности» [5, с. 20]. Это замечание контрастирует с похвалой, что звучала в первых рецензиях Городецкого. Мало того, он вступает в полемику с «почитателями» таланта Мандельштама: «Однако большая ошибка считать условный язык Мандельштама за какую-то «русскую латынь», как выражаются почитатели его таланта» [5, с. 20]. Также мы можем увидеть, как изменилось отношение к творчеству поэта общества: появились почитатели, которые отмечают особенности его поэтического языка.

Об этапах творчества Мандельштама в своей рецензии на 2-е издание сборника напишет и С. Парнок. Она выделяет три этапа: «Вначале поэт смотрит, ещё не созерцая, его поэзия – поэзия пяти чувств, он попросту радостно дивится миру и своей душе» [12, с. 242]; «Мысль о смерти знаменует начало второго, переходного периода»; «И вот третий этап творческого пути поэта. Под знаком смерти жизнь обретает болезненную значимость». Интересно, что, в отличие от Гумилёва, Парнок не выделяет «римский этап» – и в этом мы видим недостаточную проработанность периодизации творчества Мандельштама. Помимо этого, рецензия Парнок интересна тем, что она вступает в открытую полемику с другими критиками стихотворений Мандельштама: «Весьма недальновидны будут те, которые, смутясь обилием вещей и имён в поэзии О. Мандельштама, увидят в поэте некоего просвещённого коллекционера, попросту талантливый эстет» [12, с. 243]. В частности, о Мандельштаме как об эстете написал Дейч в своей рецензии на 2-е издание: «И всё в его поэзии деланное, неживое, книжное. <...> Его ассоциации – тоже книжные» [8, с. 14]. Парнок отметит связь поэзии Мандельштама с музыкой: «Творчество О. Мандельштама – в ваянии из слова. И вместе с тем поэт не только не во вражде с музыкой, а наоборот, - в крепком союзе с нею <...> Поэт достигает истинной виртуозности ритма...» [12, с. 243]. Интересно, что М. Волошин в рецензии на 2-е издание «Камня» сравнивает Парнок с Мандельштамом и говорит об их музыкальности: «Рядом с этим гибким и разработанным женским контральто, хорошо знающим свою силу и умеющим ею пользоваться, юношеский бас О. Мандельштама может показаться неуклюжим и отрочески ломающимся. <...> Мандельштам не хочет разговаривать стихом, – это прирождённый певец...» [1, с. 3].

К почитателям творчества Мандельштама относился В. Пяст, который называл поэта (как и А. Ахматову и И. Северянина) «гениальным поэтом», пришедшим «на смену Блоку». В своей рецензии Пяст обращает внимание на ритмику стихотворений: «в них преобладают «пэоны», то есть ударения расставлены редко» [13, с. 5]. При анализе стихотворения «Невыразимая печаль...» критик напишет: «В предложении недостаёт сказуемого. Это то, к чему – много позднее – стремились футуристы. Но из их грубой <ломки> синтаксиса получался только «свинцовый» – и какой ещё бывает? – лом, а у О. Мандельштама – нежность смелого стиха в соответствии с нежностью выпуклого образа» [13, с. 5]. Т.е. перед нами анализ строения стихотворения, особенностей языка Мандельштама.

Можно сопоставить данную рецензию с рецензией Гумилёва на 2-е издание. Если Гумилёв пишет о том, как важен этап образа Рима в творчестве Мандельштама, то Пяст замечает: «Привычка, вернее причуда излишняя, будем надеяться, что вскоре поэт от неё отстанет» [13, с. 5]. На мой взгляд, это можно считать началом дальнейшей полемики об этапах творчества поэта в целом, поскольку уже в столь ранний период Рим (который действительно является важным образом в творчестве Мандельштама) воспринимают настолько по-разному.

Как уже было сказано выше, Пяст выделяет Мандельштама на фоне других поэтов, можно даже сказать, что для критика Мандельштам – поэт вне направления. Эта мысль будет звучать и в рецензии Г. Гершенкройна на 2-е издание «Камня»: «Он стоит в стороне от литературных течений современности...» [2, с. 2]. Несмотря на то, что уже Гумилёв говорил о принадлежности в своё время Мандельштама к разным направлениям, важно, что и другие критики уже в ранний период творчества Мандельштама говорят о его своеобразии и независимости.

Гершенкройн тоже отмечает «архитектурность» Мандельштама: «В «Камне» нельзя не заметить «architecture secrete» [фр. Тайную архитектуру] ...» [2, с. 2]. Почти во всех рецензиях на 2-е издание сборника критики пишут о мотивах архитектуры в творчестве поэта, что позволяет понять, насколько действительно важны образы строений в поэзии Мандельштама. Критик анализирует и метрику поэта: «Чаще всего Мандельштам пользуется в своих стихах ямбом; и этот величественный метр так пристал его поэзии, её возвышенным и благородным думам. На основе его и всякого другого метра он выткал сложный узор стиха во всём великолепии и разнообразии ритмики, богатейшей звучности и архитектоники. В частности, шестистопный ямб, с изобилием широких пауз, с чудесной динамикой ускорений и замедлений, достигает у него того высокого совершенства, которое знают только избранные поэты» [2, с. 2].

Но есть рецензии, авторы которых отзывались о «Камне» крайне негативно. Такова рецензия А. Дейча: «...читая книгу стихов «Камень», я почувствовал в поэзии г. Мандельштама что-то акмеистское, - короче сказать, - неживое» [8, с. 14]. Интересно, что Дейч не относит поэта к акмеистам, он просто видит какие-то черты в его поэзии, которые свойственны поэтам-акмеистам. По мнению Дейча, «возвышенные стихи, ложно-классический пафос, ходульная поза пленяют О. Мандельштама. И всё в его поэзии деланное, неживое, книжное» [8, с. 14]. Однако в конце своей рецензии Дейч всё же пишет: «Справедливость требует отметить несколько удачных стихотворений, разбросанных по всей книге» [8, с. 14]. Данная рецензия – это иная, противоположная оценка сборника по сравнению с уже рассмотренными положительными рецензиями. Именно эти две точки зрения: первая - подобная Дейчу, а вторая – Гумилёву, Пясту, Гершенкройну - представляют два полюса, обнаруживающихся в оценке раннего творчества поэта: отрицание мастерства Мандельштама или его признание.

Таким образом, мы видим, как неоднозначно относились к творчеству Мандельштама уже на первоначальных этапах его творчества. Мнения критиков различаются порой диаметрально противоположными оценками поэзии Мандельштама, что напрямую связано с принадлежностью самих авторов рецензий к разным литературным направлениям. Так, именно акмеисты первыми заговорили об архитектурности Мандельштама, много писали о ней в своих рецензиях. Символисты же пытались разгадать загадку названия сборника. Уже упомянутый Пяст говорил о выборе названия с помощью метода «от противного», а К. Липскеров считал, что название соответствовало самим стихотворениям с их «графически-чёткими и твёрдыми линиями» [9, с. 7]. Те же, кто находился вне направлений, часто отмечали холодность Мандельштама или называли его «неживым», как Дейч.

В первых критических оценках раннего творчества поэта уже были намечены многие темы, изучением которых в дальнейшем и будет заниматься литературоведение, а именно: место архитектуры в стихотворениях Мандельштама, периодизация его творчества, образ Рима как один из главных образов, музыкальность поэзии, наличие в поэзии стиливых черт символизма и акмеизма, признание Мандельштама поэтом вне направлений, изучение особенностей языка его стихотворений, метрики и ритмики.

Различные интерпретации творчества поэта помогают более полно понять его художественный метод, увидеть, что на начальном этапе творчества были затронуты темы, которые получают развитие в последующих стихах, создать базу для дальнейшего непосредственного изучения самих стихотворений.

Список литературы

1. Волошин М. Голоса поэтов // Речь. – 1917. – 4 июня. – С. 3.
2. Гершенкройн Г. О современной поэзии: Мандельштам – Камень // Одесские новости. – 1916. – 20 марта. – С. 2.
3. Городецкий С. Музыка и архитектура в поэзии // Речь. – 1913. – 17 июня. – С. 3.
4. Городецкий С. О. Мандельштам. Камень. Стихи // Гиперборей. – 1913. – №6. – С. 27.
5. Городецкий С. Поэзия как искусство // Лукоморье. – 1916. – №18 (30 апр.). – С.20
6. Гумилёв Н. Письма о русской поэзии // Аполлон. – 1914. – №1-2. – С.126-127.
7. Гумилёв Н. Письма о русской поэзии // Аполлон. – 1916. – №1. – С. 30-32.
8. Дейч А. Неживой поэт // Журнал журналов. – 1916. – №13 (март). – С. 14.
9. Липскеров К. // Русские ведомости. – 1916. – 13 апр. – С. 7.
10. Нарбут В. И. Алексей Липецкий. Надя Данкова. О. Мандельштам. Камень // Новый журнал для всех. – 1913. – № 4 (апр.). – С. 175—176.
11. Осип Мандельштам. Камень / Л. Я. Гинзбург, А. Г. Мец, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдин. – Л.: Наука, 1990. – 353 с.
12. Полянин А. [Рецензия] / А. Полянин // Северные записки. – 1916. – №4-5 (апр.-май). – С. 242-243. – Рец.на кн.: Камень. Стихи / О. Мандельштам. – Петроград: Гиперборей, 1915. – 86 с.
13. Пяст В. [Рецензия] / В. Пяст // День. – 1916. – 21 янв. – С. 5. Рец.на кн.: Камень. Стихи / О. Мандельштам. – Петроград: Гиперборей, 1915. – 86 с.

УДК 81'42:316.344.8:82-3

Ивыгина А.А.¹, Данилова Ю.Ю.¹

¹Елабужский институт Казанского федерального университета

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ЛЕКСИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ «ДОРОГА» / «ПУТЬ» В РОМАНЕ Я. ИККЕСА «НА ЗАДВОРКАХ РАСПЯТОЙ СТРАНЫ»

Аннотация. В данной статье предметом изучения являются концепты «дорога/путь» как архетипы русской лингвокультуры и концепты-фрагменты языковой картины мира российского немца Якова Иккеса. Авторами предпринимается попытка представить заявленные концепты как ключевые в идиостиле Я. Иккеса через выявление способов их лексической экспликации, а также их взаимосвязь с другими центральными концептами текста. В ходе

работы были привлечены метод комплексного анализа с применением частных методов и приемов: метод сплошной выборки текста, метод анализа словарных дефиниций, метод компонентного анализа, описательный метод, что в совокупности позволило представить роль концептов «дорога/путь» в раскрытии идейного замысла произведения, а также выявить универсальные и индивидуальные лингвистические маркеры обозначенных концептов в тексте «На задворках распятой страны». Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, позволяют прийти к выводу о его теоретической значимости, заключающейся в возможности использования представленных авторами материалов в решении вопроса о роли лингвистических средств разного уровня в раскрытии проблемы самоидентификации российских немцев с привлечением в том числе экстралингвистических сведений (биография автора, исторические материалы и источники), и практической значимости, состоящей в возможности использовать полученные результаты в исследованиях, выполненных как в русле лингвистики текста в целом, так и отдельных языковых направлений, в частности этнолингвистики и лингвокультурологии.

Ключевые слова: дорога, путь, русская лингвокультура, российский немец, Яков Иккес.

Ivygina A.A.¹, Danilova J.J.¹

¹Yelabuga Institute Kazan Federal University

WAYS AND MEANS OF LEXICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPTS "ROAD"/"PATH" IN THE NOVEL BY J. IKKES "ON THE OUTSKIRTS OF THE CRUCIFIED COUNTRY"

Abstract. *In this article, the subject of study is the concepts of "road/path" as archetypes of Russian linguoculture and concepts-fragments of the linguistic worldview of the Russian German Yakov Ikkes. The authors attempt to present the stated concepts as the key ones in the idiosyncrasy of Ya. Ikkes through the identification of ways of their lexical explication, as well as their relationship with other central concepts of the text. In the course of the work, the method of complex analysis using particular methods and techniques was used: the method of continuous sampling of text, the method of analyzing dictionary definitions, the method of component analysis, the descriptive method, which together made it possible to present the role of the concepts "road / path" in revealing the ideological intent of the work, as well as to identify universal and individual linguistic markers of the designated concepts in the text "On the outskirts of the crucified country". The results obtained in the course of the study allow us to come to the conclusion about its theoretical significance, which consists in the possibility of using the materials presented by the authors in solving the question of the role of linguistic means of different levels in revealing the problem of self-identification of Russian Germans, including extralinguistic information (author's biography, historical materials and sources), and practical significance, It consists in the possibility to use the results obtained in research carried out both in the mainstream of the linguistics of the text as a whole and in individual linguistic areas, in particular ethnolinguistics and linguoculturology.*

Keywords: the road, the way, Russian linguoculture, Russian German, Yakov Ikkes.

Концепт «дорога» по праву считается одним из глубинных центральных, архетипичным в своей основе, поскольку он актуализируется через множество образов, символов и связан с другими концептами-фрагментами целостной картины мира в разных лингвокультурах. Изначально имея только пространственное значение в языковой культуре любой нации, в частности бесконечность дороги как русская национальная идея, постепенно он приобрел и иное семантическое наполнение, став символом, прежде всего, странничества, скитания, в поисках дома или ответа на различные жизненные вопросы. Этой идее странничества/путешествия посвящены даже целые произведения классической русской литературы: «Хождение за три моря» А. Никитина, «Кому на Руси жить хорошо?» Н.А. Некрасова, «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина и др., где дорога становится одним из центральных пространственных образов, спутником главного героя, оставившего дом и отправившегося на поиски ответов на важные для него вопросы.

Глубина данного архетипического концепта выражается в его взаимосвязи с другими ключевыми культурными концептами, круг которых может быть как традиционным для той или иной лингвокультуры, так и абсолютно индивидуальным выбором автора произведения, что определяется прежде всего идейным содержанием его текста. Особенное, специфическое наполнение этот концепт получает в произведениях российских немцев, что во многом обусловлено реальным историческим контекстом – конфликтом представителей данной нации с властью, который особенно усилился и обострился в годы правления Советов: российские немцы упорно придерживались своих религиозных и национальных традиций, которые совершенно не были совместимы с коммунистической идеологией. В период сталинского режима широкомасштабных репрессий по национальному признаку, десятки тысяч беспартийных российских немцев также становятся его жертвами. В 1936 году происходит депортация российских немцев в степи Казахстана, которая положила начало их долгим скитаниям, частой сменой места жительства, что фактически привело к тому, что большая часть их жизни проходила в дороге, а иногда и смерть они встречали в пути.

В романе Якова Иккеса «На задворках распятой страны» образ *дороги/пути* проходит через все произведение, становясь своеобразным символом неприкаянности российских немцев, поэтому идейно он связан с другими ключевыми образами-концептами, вычленимыми в данном тексте: «мытарство», «бездомье», «чужой». Как уже было

обозначено выше, немцы, начиная с 1936 года вынужденно вели скитальческий образ жизни, поэтому проблема поиска ими хотя бы временного пристанища не просто выделяется в тексте среди имеющихся других, но и является его лейтмотивом.

Роман «На задворках распятой страны» представляет собой рассказ автора-повествователя от первого лица о себе, своей семье, других семьях российских немцев, которые так и не смогли за долгие годы проживания в России стать своими и были выброшены на окраину страны Советов, в степи Казахстана, поэтому столь символично в этом смысле и само название романа, определяющее прямо и косвенно положение российских немцев в Советской России. Эти экстралингвистические факторы и определяют, как нам кажется, центральное место образов *дороги/пути* в романе, поскольку понятия «дорога жизни», «жизненный путь» и «пространство пути» как бы срастаются воедино и воспринимаются автором-героем в роли неразрывных. Такое концептуальное сближение и неразрывная их связь подтверждается и узуально. Во-первых, лексемы *путь* и *дорога* – общеязыковые синонимы [1, с. 441; 2, с. 150]. Во-вторых, семантемы данных лексем пересекаются во многих лексико-семантических вариантах (далее – ЛСВ). План содержания полисеманта *дорога* представлен 4 ЛСВ: «1. Полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения. 2. Место, по к-рому надо пройти или проехать, путь следования. *Сбиться с дороги* (также перен.: то же, что *сбиться с пути*). 3. Путешествие; пребывание в пути. 4. перен. Образ действий, направление деятельности. *Идти своей дорогой* (по избранному пути). ♦ Дороги *чьи (кого)* разошлись о тех, кто пошёл по разным жизненным путям. По дороге 1) во время пути; 2) *с кем*, по одному направлению, по тому же самому пути, по пути (в 1 знач.); 3) *с кем (чем)*, о совпадении целей, задач какой-н. деятельности, по пути (во 2 знач.)» [4, с. 176]. Лексема *путь* также многозначна, ее смысловая структура еще шире, также вбирает много переносных значений как результат лексико-семантического переосмысления действительности: «1. То же, что дорога (в 1 знач.) 2. Место, линия в пространстве, где происходит передвижение, сообщение. 3. Железнодорожная колея, линия. 4. То же, что дорога (во 2, 3 и 4 знач.). *Жизненный п.* (перен.: жизнь человека). *Сбиться с пути* (также перен.). *Не ищет лёгких путей кто-н.* (перен.: не боится трудностей). 5. Польза, толк (прост.). 6. путём, предл. с род. Посредством, при помощи чего-н. ♦ По пути 1) *с кем*, по одному направлению, по той же самой дороге, по дороге (во 2 знач.); 2) *с кем (чем)*, обычно с отриц.; о совпадении целей, задач, по дороге (в 3 знач.)» [4, с. 634]. Более того, данные лексемы способны вступать в подчинительные отношения, в частности, выступать приложением, актуализируя концептуально единый образ. Например, в толковом словаре С.И. Ожегова, Н.Ю.

Шведовой находим этот образ в конце словарной статьи в перечне фразеологических выражений: «Путь-дорога (устар. разг.) то же, что *путь* (в 4 знач.). Пути-дороги (разг.) о чьей-н. долгой и непростой жизни, о чьих-н. сложных судьбах» [Там же].

Таким образом, приведенные лексикографические данные подводят нас к мысли о национально-русском восприятии и понимании этого образа героями произведения Я. Иккеса, поэтому мотив *дороги/пути* приносит в произведение идею о слиянии реальной географической дороги с идеей о пространстве жизненного пути героев романа и их сложной судьбе, которая разворачивается на бесконечных российских просторах: «*путь*, пройденный действующими лицами этого повествования, – *путь* каждого немца, жившего в двадцатом столетии в Советской России. Быть может, кому-то было полегче, а быть может, во сто раз тяжелее» [4]. Жизнь российских немцев проходила в скитаниях по дорогам России, а бывало, что и смерть они встречали там же, так и не обрета ни физического, ни душевного покоя: «Вспоминали и перечисляли умерших с голоду сельчан. Как я понял, от дяди Адама из Казахстана они получили весточку. Мой дедушка Филипп, не выдержав *изнурительную дорогу*, умер от истощения» [4].

Как видим, в индивидуально-авторской картине мира Я. Иккеса понимание образов *дороги/пути* в целом является традиционным, свойственным для русской культуры, поэтому они не только идут в синонимической связке, но и являются вербальными доминантами рассматриваемого концептуального ряда: «*Караван растянулся на 5-6 километров*. Сотни людей разных возрастов, каждый со своими слабостями, нуждами, желаниями, капризами и причудами висели на горбу животных и часами раскачивались взад и вперед ... Каково же было тем, кто не мог пройти пешком и размяться. Их часами мотало, дергало, терло о кошму седел. *Путь казался бесконечным, а время вечностью*» [4]. И эта частая смена места жительства у российских немцев связана далеко не с поисками лучшей доли, а либо с желанием избежать гонений, либо с насильственным их изгнанием с обжитого места. Поэтому *дорога/путь* всегда на ассоциативном уровне вызывают у автора-рассказчика тяжелые воспоминания, что на лексико-семантически актуализируется через их отрицательную коннотацию. И не случайно автор, считающий себя уже с детских лет русским и причисляющий себя к русской нации, метафорически называет этот бесконечный путь скитаний, который проходит он и его соотечественники, хождением по мукам: «Но вернемся в Кутейниковку, в нашу комнату с замерзшими однорамными окнами и пылающим очагом, где продолжается обсуждение *нашего дальнейшего хождения по мукам*» [4]. Здесь, очевидно, подключается прецедентный текст – трилогия романов А.Н. Толстого «Хождения по мукам», в центре которых судьба русской интеллигенции в исторически сложное время

(до / во время / после 1917 г.) и поиски ответов на вечные вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?». И авторская ассоциация (прецедентность/интертекстуальность) подчеркивает авторскую позицию и оценку описываемых в его романе событий, в какой-то степени даже и результат этих скитаний становится предсказуемым и очевидным: руются как отдельные судьбы представителей российских немцев, так и в целом их самобытная этническая культура.

И закономерно, что вместе с топосами дороги/пути в романе появляется локализация пространства, создающаяся как вербализацией номинативов с семей «пространство»: *страна, степи, пустыня, сёла, просторы*, так и топонимов как единичных знаков-номинаций реальных географических объектов: *Россия (СССР, Советская Россия, Советская Империя* и т.п.), *Казахстан, Калмыкия, Сибирь, Ташкент, Уюк, Арысь, Чимкент, Немецкая Потаповка* и др.: «В полдень мы вышли к *Волге, южнее Саратова*, и, стоя на правом возвышенном берегу, любовались величию творения природы. Перед нами, в километр шириной, – могучая русская *Волга*» [4]; «– Понял! Вы все, как и Крузе, *беглецы с Поволжья*» [4]; «– *Село наше в Поволжье называлось Куттер*, – начал дядя Филипп, почесав зачем-то» [4]; «*В бескрайних степях Калмыкии между Доном и нижней Волгой, у балки Потапа, на косогоре, продуваемом со всех сторон жгучими ветрами, прилепилось немецкое село Потаповка*» [4]; «Из дальнейшего разговора я узнал, что родители матери находятся где-то в тайге *под Котласом, на станции Мураши* в каком-то леспромхозе под надзором НКВД» [4].

Дорога/путь напрямую связаны с перемещением в пространстве, движением, поэтому их актуализация на лексическом уровне происходит и через глаголы движения со значением «перемещение в пространстве» и их производные: «Как мы *переезжали* и как нас "приняли" свои же кровные немецкие ухари, я расскажу в следующей главе ...» [4]; «*В Кутейниковке, районном центре Калмыцкого района Ростовской области, куда мы переехали в 1935 году, прижиться не удалось*» [4]; «*Сюда с незапамятных времен съезжались в поисках "счастья" безземельные молодые семьи из материнских немецких колоний Поволжья, Украины, Северного Кавказа*» [4]; «*Все знали, что мы бежим, ничего не знал один Петька. "Бедный Петька, проспал, ничего не слышал"*» [4]; «*Доверившись судьбе, мы двинулись к горным вершинам, покрытым снегом*» [4]; «*Нам не пришлось присматриваться и притираться друг к другу. Мы, скитаясь, почти десять лет жили и дружили с простыми русскими людьми на равных*» [4]; «*Мысленно повторяю слова дяди Филиппа: "Идем, куда глаза глядят. Идем, куда глаза глядят"*» [4]. Данные глаголы, имеющие разную стилистическую окраску, объединены общей семей «передвижение в пространстве»: *переезжать* (произв. от глаг. *ехать* в ЛСВ-1 «Двигаться куда-н. при помощи каких-н. средств передвижения» [4, с. 188]), *бежать* (в ЛСВ-3

«Спасаться бегством» [4, с. 39]), *скитаться* («Странствовать без цели, вести бродячий образ жизни» [4, с. 722]), *идти* (ЛСВ-2 «Двигаться, перемещаться», ЛСВ-3 «Отправляться, направляться куда-н.» [4, с. 236]). Часто используемые автором, они косвенно указывают на то, что мытарства российских немцев бесконечны.

О перемещении российских немцев по дорогам России также свидетельствует употребление номинативов другого характера (*поезд, вагон, теплоход* – средства передвижения и их составные части) или косвенное указание на него: «Сквозь дремоту и *перестук колес* события прошлых лет мелькают передо мною, как в немом фильме: то я с матерью по широкой Волге *на стареньком теплоходе плыву* в родное Поволжье, то кушаю среди изголодавшихся скелетов тот противный суп из крапивы, которым угощали нас оставшиеся в живых жители Куттерской сельхозартели после голодного 33 года. Страшное было время! Половина села вымерла с голоду. "И зачем тогда черт надоумил мать *поехать* туда? – возмущался я, вспоминая пережитое. – Наверно, тоска по родине..."» [4]. Но так или иначе, эксплицитно или имплицитно, все лексические средства-маркеры концептов *дорога/путь* транслируют общую идею текста: российские немцы – чужие и среди немцев, и среди русских – так и не смогли обрести родину, они либо умирали в дороге, либо дорога и становилась их жизнью.

А самих российских немцев, неприкаянных скитальцев по России, автор часто номинирует лексемами *бродяги, беглые, отбившиеся, волчата* и т.д. Дефиниционный анализ и частично компонентный позволяют установить, что данные номинации, как правило, актуализируются за счет дифференциальных сем своих основных лексических значений. Так, например, в контексте романа лексема *бродяга* выступает в своем ЛСВ-1 «Обнищавший, бездомный человек, скитающийся без определенных занятий» [3, с. 60]; *беглый* – также в ЛСВ-1 «Спасающийся бегством, убежавший откуда-н.» [3, с. 39]. В зависимости от контекста субстантив или причастие *отбившиеся* – производное от глагола *отбиться* в ЛСВ-2 «То же, что отстать (в 1 знач.)» [3, с. 466], т.е. актуализируется посредством синонимической дефиниции: очевидно, что глагол *отстать* предстает в ЛСВ-1 «*от кого-чего*. Задержавшись, двигаясь медленнее других, остаться позади» [3, с. 480]. Например: «Жители бараков *были такие же бродяги, как и мы*, только разных национальностей: русские, татары, украинцы, калмыки и несколько *беглых* после раскулачивания семей немцев» [4]; «Я обиделся на тетку Мину до конца свой жизни. В моем понимании она превратила Александра из храброго боевого командира в жалкую тряпку. Предала, рассказав председателю сельсовета, что *мы беглые с Поволжья* и распространяла о нас всевозможные небылицы, всячески восхваляя только своих» [4]; «Обнявшись, Анатолий, Петька и я плакали, сиротливо воя, *как волчата, отбившиеся от стаи*. Мы с

Петьюкой уже знали, что такое *быть в бегах*, быть в любое время "*разоблаченными*" и *презираемыми*. Мы до сих пор не забываем клятву, данную родителям там, в пустыне, в степи, и молчим даже сейчас, когда Анатолий практически сравнялся с нами, *беглецами* и "*чужаками*"» [4]; «*Беглецов* было пятеро: мои родители, братья отца – Филипп и Александр, и я, шестилетний. Дядя Филипп оставил свою невесту в селе до лучших времен, а Александру было всего семнадцать. Его мой отец прихватил, чтобы он не попал в лапы чекистов» [4]. Следовательно, данные номинативы также можно причислить к ряду маркеров концептов *дорога/путь*, ставших ключевыми в жизнедеятельности российских немцев в силу внешних обстоятельств, спровоцировавших их к вынужденному скитанию, причем, очевидно из контекста произведения, на всех уровнях бытия.

Таким образом, концепты *дорога/путь*, являются в автобиографическом романе Якова Иккеса, описывающем сложную судьбу российских немцев, пережитые им гонения со стороны Советской власти, вечные мытарства, унижения, точкой отсчета, которая определяет и денотативное, и эмотивное, и концептуальное пространства произведения и соединяет их, образуя сложное семантическое целое романа «На задворках распятой страны». Автором используется весь арсенал лексико-семантических возможностей лексем «дорога» и «путь» за счет парадигматических и синтагматических отношений: в тексте романа актуализируются и основные, прямые, денотативные лексические значения, и производные, переносные, которые, в свою очередь определяют их функциональную нагрузку. Так, основной функцией первых становится номинативная (*в пути встречались, дорогая тянулась* и т.п.), а вторые актуализируют экспрессивно-синонимические значения (*дорога жизни, жизненный путь, мой путь* и т.п.).

В конечном счете, вместе с освоением пространства реальной дороги герой Якова Иккеса проходит свою дорогу жизни, здесь же на просторах обогащается его мировоззрение, трансформируется сознание, приобретает жизненный опыт, расставляются приоритеты, т.е. вместе с расширением географического пространства меняется как внутренний мир героя, так и его восприятие мира в целом: «За короткий отрезок своей сознательной жизни мне многое пришлось познать: *горечь разлуки с родными и близкими, голод и скитание по чужим селам, раскулачивание и коллективизацию, наступление на «врагов народа, вредителей и троцкистов*». Все это, как мне казалось, была жизненная необходимость для самого справедливого общества на земле – коммунизма!» [4]. Тем не менее, как нам кажется, Яков Иккес сумел объективно представить российскую действительность XX века: проклиная советский режим, он с большой любовью и благодарностью отзываясь о простых людях, спасших жизнь его народу.

Список литературы

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.А. Чешко. – М.: Рус. яз, 1986. – 600 с.
2. Горбачевич К.С. Словарь синонимов русского языка. – М.: Эксмо, 2012. – 608 с.
3. Иккес Я. На задворках распятой страны [Электронный ресурс]. – 2007. URL: <http://rd-autoren.de/51-roman-na-zadvorkah-ickes.html> (дата обращения: 20.08.2022).
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: А ТЕМП, 2005. – 944 с.

УДК 371.311.1:378.147:811.161.1.34

Ивыгина А.А.¹, Мухаметшина Д.Р.¹

¹Елабужский институт Казанского федерального университета

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ-ИНОФОНОВ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ В ФОРМАТЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ: ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме формирования русской произносительной культуры, в частности фонетико-фонологической компетенции, в среде студентов-инофонов в процессе дистанционного обучения русскому языку как иностранному. В исследовании выдвинута гипотеза, согласно которой произносительная культура инофонов в полной мере может сформироваться на фонетико-фонологической основе только в формате живого общения при непосредственном личном контакте преподавателя со всеми участниками учебного процесса на практических занятиях по русскому языку как иностранному в традиционном очном формате, тогда как дистанционное обучение может стать только его эффективным дополнением, но не заменить его полностью. Для доказательства выдвинутой гипотезы в исследовании были привлечены следующие методы: анализ научно-методической литературы, наблюдение над участниками образовательного процесса, изучение опыта преподавания иностранных языков и русского языка как иностранного в образовательных учреждениях, сравнение, синтез.

Исследование представляет теоретическую значимость, заключающуюся в возможности использования представленных авторами результатов в решении вопроса по выявлению уровня сформированности устной стороны речи, ее звуковой выразительности в студенческой иностранной аудитории в период традиционного очного обучения и дистанционного в условиях пандемии, вызванной новой коронавирусной инфекцией. Практическая значимость связана с возможностью применения

полученных данных преподавателями русского языка как иностранного в выборе оптимальных образовательных технологий при дистанционном обучении студентов-инофонов, которые позволят свести к минимуму возникающие проблемы в освоении студентами фонетико-фонологической компетенции и в дальнейшем успешном формировании их произносительной культуры речи с целью осуществления продуктивного межкультурного общения с представителями русского лингвосоциума.

Ключевые слова: произносительная культура речи, студент-инофон, фонетико-фонологическая компетенция, дистанционное обучение, РКИ.

Ivygina A.A.¹, Mukhametshina D.R.¹

¹Yelabuga Institute Kazan Federal University

FORMATION OF THE PRONUNCIATION CULTURE OF FOREIGN-SPEAKING STUDENTS IN THE RCT CLASSES IN THE DISTANCE LEARNING FORMAT: PHONETIC AND PHONOLOGICAL ASPECT

Abstract. *Russian pronunciation culture formation, in particular phonetic and phonological competence, among foreign-speaking students in the process of distance learning of Russian as a foreign language is considered in this article. The study hypothesizes that the pronunciation culture of foreign speakers can be fully formed on a phonetic and phonological basis only in the format of live communication with direct personal contact of the teacher with all participants of the educational process in practical classes in Russian as a foreign language in the traditional full-time format, whereas distance learning can only be its effective complement, but don't replace it completely. To prove the hypothesis put forward, the following methods were used in the study: analysis of scientific and methodological literature, observation of participants in the educational process, study of the experience of teaching foreign languages and Russian as a foreign language in educational institutions, comparison, synthesis.*

The study is of theoretical significance, which consists in the possibility of using the results presented by the authors in solving the problem of identifying the level of formation of the oral side of speech, its sound expressiveness in a foreign student audience during the traditional full-time and distance learning in the conditions of a pandemic caused by a new coronavirus infection. Russian Russian is of practical importance due to the possibility of using the data obtained by teachers of the Russian language as a foreign language in choosing optimal educational technologies for distance learning of foreign-speaking students, which will minimize the problems that arise in the development of phonetic and phonological competence by students and in the further successful formation of their pronunciation culture of speech in order to carry out productive intercultural communication with representatives of the Russian linguosocium.

Keywords: pronunciation culture of speech, foreign language student, phonetic and phonological competence, distance learning, Russian as a foreign language.

Вопрос об эффективном межкультурном речевом взаимодействии студентов-инофонов, изучающих русский язык, с его исконными носителями имеет первостепенное значение в практике преподавания русского языка как иностранного (далее – РКИ), поэтому важно прежде всего сформировать не только лингвистическую компетенцию, но и соответствующие речевые навыки и умения на языковой основе, которые позволят осуществить успешное межкультурное устное взаимодействие студента-иностранца на любом языке, в том числе и русском. Этому способствует в первую очередь овладение культурой иноязычной речи, одним из аспектов которой является владение нормами произношения на фонетико-фонологической основе и формирование фонетико-фонологической компетенции студента-иностранца, которая предполагает: 1) знание, понимание и воспроизведение фонем и аллофонов; 2) знание артикуляционно-акустической характеристики фонем (глухость, звонкость, лабиализация и т.д.); 3) знание и понимание фонетической организации слова; 4) знание и понимание фонетической редукации; 5) знание просодики (ударение, интонация). В процессе знакомства иностранных студентов с фонетическими особенностями русского языка и овладение ими формируются фонетико-фонологические навыки, под которыми понимается способность правильно «воспринимать слушаемый звуковой образец, ассоциировать его со значением и адекватно воспроизводить» [9, с. 369]. Следовательно, под сформированностью фонетико-фонологической компетенции следует понимать не просто набор знаний и навыков, но и умение в конкретной речевой ситуации прийти к осознанному выбору фонетико-фонологических средств языка для успешной коммуникации. Авторы статьи, учитывая все возрастающую роль социального компонента в овладении иностранными языками, считают, что успешному овладению коммуникативными навыками на иностранном языке способствует формирование фонетико-фонологической компетенции как необходимой составляющей русской произносительной культуры (способность выбора и использования фонетических средств, позволяющих осуществлять продуктивное межкультурное общение с представителем другого лингвосоциума) студентом-инофоном в его дальнейшей межкультурной коммуникации, в том числе с носителями русского языка.

Цель настоящей статьи – выявление проблем в овладении фонетико-фонологической компетенцией студентами-инофонами из Ирана (носителями персидского языка) при формировании произносительной культуры русской речи в условиях дистанционного преподавания и обучения РКИ.

Начальный этап обучения РКИ традиционно предполагает вводный фонетико-грамматический курс, содержащий системно

выстроенный фонетический и грамматический материал, имеющий практико-коммуникативную направленность. Такой подход к овладению русским языком иностранными студентами обеспечивает, на наш взгляд, преодоление и снятие языкового барьера, что с психологической точки зрения позволит обучающимся с меньшими проблемами овладеть иностранным языком. Однако, как показал наш личный опыт работы со студентами из Ирана в очном (2017-2018 гг.) и дистанционном (2021-2022 гг.) (в рамках подготовительных курсов, проводимых Елабужским институтом КФУ) форматах преподавания русского языка, главной проблемой при овладении фонетико-фонологическими навыками русского языка является интерференция на всех языковых уровнях, в первую очередь на фонетическом, поскольку данный уровень практически не поддается управлению со стороны студентов-инофонов из-за автоматической, неосознанной его включенности в устную речь. У студентов-иранцев трудности в освоении фонетико-фонологической системы русского языка вызваны следующими причинами: а) отличие артикуляционной базы русского языка от их родного языка, б) сложность применения правил сочетаемости звуков в речевом потоке, в) трудность интонирования речи и неумение строить интонационные конструкции (ИК). Остановимся на подробном рассмотрении и анализе первых двух причин.

Русская вокалическая система, представленная шестью гласными звуками, в целом не представляет сложностей для ее освоения в акустико-артикуляционном аспекте: пять из шести гласных звуков осваиваются студентами в течение первого занятия, сложности в произношении вызывает звук [ы], у которого нет соответствия со звуком персидского языка. Студенты в речи часто подменяют его звуком [и] (это может быть вызвано, возможно, наличием твердости/мягкости у согласных в качестве консонантных признаков в персидском языке), поэтому часто вместо слов [был], [жил] можно услышать [бил], [жил]. На начальном этапе обучения фонетике можно пользоваться зеркалом, различными рисунками, отражающими положение органов речи при произнесении определённого звука, а включение фонетической разминки в начало каждого занятия даст возможность студенту понять и освоить особенности произношения звуков русского языка.

При отборе материала для фонетической зарядки обычно исходят из основного лексико-грамматического материала урока, фонетические факты которого могут представлять трудности для обучающихся. В своей личной практике каждое занятие (от 5 до 10 минут в зависимости от сложности произношения звука) мы начинали с отработки произносительных навыков и включали, предложенные в учебном пособии по русскому языку для иностранных учащихся (элементарный

уровень) Владимировой Л.В., Заляловой Р.Р. «Привет!», фонетические упражнения на отработку произношения звука [ы] в сочетании с согласными (от отдельных слогов до элементарных слов): «жир, жил, жилá, шил, шíла, шик, шит, жíвы, лúжи, мужí, ужí, шíна, шíрма, лыжи, жиры́, живá, живóт, машí, мыши, рóжи, ножí, машíна, малыши» [1, с. 12]. В первую неделю знакомства с фонетической системой русского языка и отработки навыков произношения звуков такой разминки будет вполне достаточно, но в дальнейшем необходимо усложнять процесс отработки артикуляционных способностей, включая целые фразы, а также выражения, которые помимо обозначенной задачи содержат и лингвокультурную составляющую: «А жуки жужжат: жу-жу-жу-жу-жу, // Камыши шуршат: шу-шу-шу-шу-шу, // И дрожат ежи: жи-жи-жи-жи-жи, // И мыши спят в тиши: ши-ши-ши-ши-ши»; «Борщ и щи хороши для русской души» [3, с. 17].

Включение фонетической разминки в начало каждого занятия является традиционным этапом в овладении фонетико-фонологической системы русского языка, однако дистанционный формат занятия не позволяет в полной мере довести произношение данного звука до порогового, а у некоторых студентов и до базового, так как они изначально не владеют, даже в теории, особенностями работы речевого аппарата при произнесении звуков русского языка и не воспринимают в полной мере описание процесса образования звуков и их артикуляционные характеристики в дистанционном общении с преподавателем. Для педагога такой формат взаимодействия также представляет трудности, вызванные, во-первых, сложностью включения в этот процесс каждого студента, а во-вторых, невозможностью проследить правильно ли работают органы речевого аппарата обучающихся при произнесении обозначенного звука. Тогда как опыт работы со студентами-инофонами в 2017-2018 гг. в формате очного аудиторного обучения показал, что индивидуально-личностный подход к каждому студенту позволяет выработать навыки практически безошибочного произнесения данного звука в каждом случае его употребления. Это подтверждают следующие показатели, представленные в диаграмме 1.

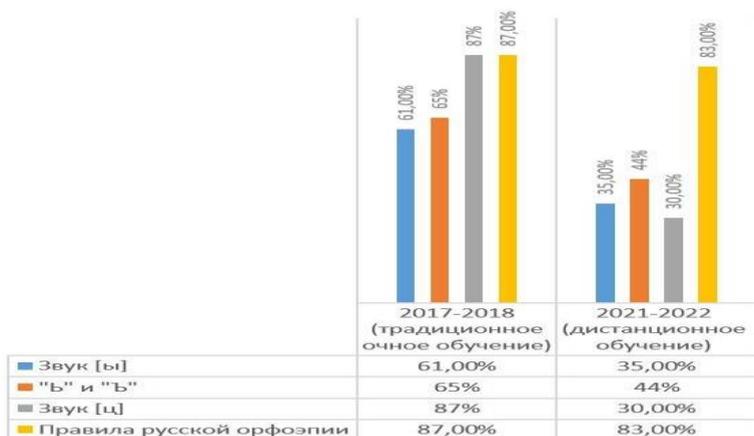

Диаграмма 1. Сформированность произносительных навыков у студентов-иранцев

В 2017-2018 учебном году произношение звука [ы] на базовом уровне освоили 14 студентов-инофонов из 23 обучающихся в данной группе, что составило 61%. В 2021-2022 учебном году в условиях дистанционного обучения [ы] на том же базовом уровне освоили 8 обучающихся из 23 (35%). Освоение данного звука вызывало определенные трудности, обусловленные следующими субъективными/объективными причинами: 1) явление интерференции у студентов, обучающихся в очном и дистанционном форматах; 2) недостаточная включенность в фонетическую разминку студентов-инофонов, обучающихся дистанционно; 3) невыполнение домашнего задания по отработке произносительных навыков (как в дистанционном, так и в традиционном форматах обучения); 4) отсутствие студентов на занятиях при изучении вводно-фонетического курса (как в дистанционном, так и в традиционном форматах обучения); 5) невладение терминологическим аппаратом и непонимание процесса образования звуков и их артикуляционных характеристик студентами-иностранцами, обучающимися дистанционно.

Консонантная система русского языка также представляет определенные сложности для носителей персидского языка. Первая из них связана с наличием в русской языковой системе парных по твердости-мягкости согласных, тогда как персидские согласные обладают консонантными признаками твёрдости (веляризация) или мягкости (палатальность). И это вызывает, к примеру, идентичное произношение семантически различных слов типа «брат» и «брать», что неизбежно приводит к трудностям речевого взаимодействия студента-иранца с представителями русского лингвосоциума. Для отработки

навыка произношения парных по твердости-мягкости согласных мы предлагали обучающимся (на элементарном уровне) следующие фонетические упражнения, проводимые как индивидуально, так и в группе: «ма – мя, на – ня, ла – ля, ра – ря, да – дя, та – тя, са – ся, за – зя, ва – вя, фа – фя, ба – бя, па – пя; мэ – ме, нэ – не, лэ – ле, рэ – ре, дэ – де, тэ – те, сэ – се, зэ – зе, вэ – ве, фэ – фе, бэ – бе, пэ – пе» [1, с. 18]. Усложнение фонетической разминки необходимо предусмотреть и здесь, включая целые фразы для отработки и закрепления произносительного навыка: «В поле – все, все, все. В поле – сев, сев, сев» [3, с. 32].

Вторая трудность вызвана наличием в русском алфавите мягкого и твердого знаков, которые являются безгласными, но выполняют важнейшие функции, в частности смягчают согласные и указывают на их двузначность. Объяснение данных функций этих знаков вызывает трудности, так как в персидском языке мы не находим им соответствий. В качестве фонетической зарядки на усвоение и понимание функций мягкого знака авторы пособия «Привет!» приводят следующие упражнения: «выс – высь, был – былъ, вып – выпъ, мат – мать, лам – ламъ, дал – даль, жар – жарь, жир – жирь, шир – ширь, быт – бытъ, вын – вынь, вон – вонь, пот – потъ, гост – гостъ, лос – лось, рос – росъ, паст – пастъ, кар – карь, кол – коль, рол – роль, угол – уголь, мол – моль, мал – маль, банан – Казань» [1, с. 18]; «ма – мя – мья, ба – бя – бья, ва – вя – вья, па – пя – пья, ла – ля – лья, ра – ря – рья, та – тя – тья, са – ся – сья, на – ня – нья; му – мю – мью, бу – бю – бью, ву – вю – вью, пу – пю – пью, лу – лю – лью, ру – рю – рью, ту – тю – тью, су – сю – сью, ну – ню – нью» [1, с. 28]. После отработки звуков, звукосочетаний и их функционировании в составе слов необходимо, на наш взгляд, отработать их семантическое различие на примере целых фонетических фраз типа: «Валенки у Валеньки сохнут на завалинке» [3, с. 33].

Третьей существенной проблемой является артикуляционная постановка звука [ц] в словах типа «цветок» или «цвет», поскольку данная аффриката отсутствует в системе согласных персидского языка и заменяется присутствующим в нем тоже смычно-щелевым звуком [ч]: «чветок» или «цвет». Для артикуляционной постановки звука [ц] на начальных этапах мы включали данную фонетическую зарядку: «ца, цо, цу, цы, ац, оц, уц, ец, иц; цап, тац, теп, лип, реп, те, це, ты, цы, цып, цум, то, цо, до, за, ца, зы, зи, дзи, мцы, цент, тень, цат, тып, тип, ниц, нить, лить, лиц, нец, царь, цапля, улица, танец» [1, с. 31]. Произносительный навык отбатывается в дальнейшем включением в фонетическую разминку пословиц и поговорок с дальнейшим обсуждением их значения и объяснением обучающимся в каких речевых ситуациях они их смогут применить: «Цыплят по осени считают»; «Цыган лишь обманет, а злой до сердца достанет» [3, с. 17].

В 2017-2018 учебном году правильное произношение звука [ц] усвоили 20 студентов-инофонов из 23, что составило 87% (диаграмма 1). Преодолели трудность, вызванную наличием в русском языке мягкого и твердого знаков, 15 иностранных студентов из 23 (65%). В 2021-2022 учебном году в условиях дистанционного обучения [ц] освоили 7 студентов из 23 (30%); функцию твердого и мягкого знаков освоили 10 обучающихся из 23 (44%).

В результате это позволило нам прийти к выводу, что произносительная культура инофонов в полной мере может сформироваться только в формате живого общения при непосредственном личном контакте со всеми участниками учебного процесса под руководством преподавателя на практических занятиях в традиционном очном формате, тогда как дистанционное обучение является его эффективным продолжением или дополнением и не может его полностью заменить.

Как показал наш опыт, дистанционный формат не препятствовал усвоению обучающимися правил русской орфоэпии (ударения и произношения). Слушатели курса правильно ставили ударение в словах, представляющих сложность для носителей русского языка, например, тОрты, квартАл, цепОчка и не допускали ошибок при произнесении сочетания звуков -чн-, например, в словах конеШНо, скуШНо и беспрепятственно овладели редукцией звука [о] в слабой позиции. В 2017-2018 учебном году правила русской орфоэпии освоили 20 студентов-инофонов, что составило 87%, а в 2021-2022 учебном году в условиях дистанционного обучения русскую орфоэпию – 19 студентов, что составила 83% (диаграмма 1). На наш взгляд, положительную роль в этом сыграло отсутствие естественной русской речевой среды, где сосуществуют разные формы языка, в том числе и нелитературные, что в дальнейшем может вызвать трудности в овладении слушателями курсов высшей формой языка. И этот факт – отсутствие в речи студентов грубых орфоэпических ошибок по праву можно считать положительной стороной дистанционного формата обучения языку.

Итак, формирование фонетико-фонологических навыков при дистанционном обучении предполагает использование тех же приемов, различных упражнений, что и при очном обучении языку. Систематическая фонетическая зарядка служит знакомством с фонетическим явлением, его отработкой и закреплением. Важным этапом каждого занятия, особенно в первом семестре обучения, является отработка фонетических навыков через повторение отдельных звуков, звукосочетаний в словах, словосочетаниях, небольших текстах индивидуально или коллективно группой студентов с опорой на имитативный метод и контролем со стороны преподавателя или самоконтролем.

Таким образом, личный опыт работы с иностранными обучающимися подготовительного отделения в очном и дистанционном форматах доказывает, что произносительная культура инофонов в полной мере может сформироваться только в формате живого общения при непосредственном личном контакте со всеми участниками учебного процесса под руководством преподавателя на практических занятиях в традиционном очном формате, тогда как дистанционное обучение является его эффективным дополнением, но, тем не менее, не может его полностью заменить, поэтому эта форма должна выступать только в качестве вспомогательной, но не альтернативной. Работа по освоению и совершенствованию фонетических навыков и формированию фонетико-фонологической компетенции должна опираться на ряд важнейших принципов: личностно-ориентированный, аналитико-имитативный, коммуникативный и ряд других, которые могут сработать в совокупности только при условии личного контакта обучающегося с преподавателем на начальном этапе овладения произносительными навыками иностранного языка в формате онлайн обучения, который позволяет соблюсти и ряд других важнейших компонентов:

1) социально-психологический – правильность выбора выразительных средств согласно ситуации общения и индивидуальных особенностей личности говорящего;

2) культурологический – умение адаптировать произносительные характеристики речи в соответствии с требованиями культуры страны иностранного языка, традициями родного языка и национальным духовным наследием;

3) прагматический и эстетический – варьирование произносительными характеристиками речи для более эффективного воздействия.

Исходя из этого, на наш взгляд дистанционное обучение на время может выступить альтернативной очному обучению только при невозможности личного контакта обучающихся с преподавателем (например, в условиях пандемии), но и в этом случае в дальнейшем необходимо продолжить его изучение в естественной языковой среде в ежедневной коммуникации с его носителями, чтобы перешагнуть базовый уровень владения фонетическими навыками и выйти на пороговый/продвинутый уровни.

Список литературы

1. Владимирова Л. В., Залялова Р. Р. Привет! Учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся (элементарный уровень). – 6-е изд., перераб. и доп. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. – 231 с.

2. Джанхотова З. Х., Абазова Л. М., Гутаева Ж. Ж. Проблемы развития устной речи студентов-инофонов при дистанционном обучении на уроках РКИ // Перспективы науки. – 2021. – № 1 (136). – С. 47-52.
3. Красман В.А. Давайте знакомиться! Русский язык как иностранный. Начальный этап. Часть I: учебное пособие / В.А. Красман, Е.А. Потураева. – Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2011. – 109 с.
4. Найденова Т. Н. Особенности организации учебного процесса по русскому языку как иностранному с учетом национальной специфики обучающихся // Известия Балтийской гос. акад. рыбопромышленного флота: психолого-педагогические науки. – 2020. – №3 (53). – С. 199-202.
5. Нивина Е.А., Толмачева О.В. Развитие навыков монологической речи на занятиях по русскому языку как иностранному (из опыта преподавания) // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. – 2017. – №3. – С. 175-182.
6. Понкратова Е.М., Коберник Л.Н., Омелянчук Е.Л. Коммуникативные игры при изучении русского языка как иностранного // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – №2. – С. 1-8.
7. Присная Л. Л. Фонетико-фонологическая компетенция и ее компонентный состав // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. №70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fonetiko-fonologicheskaya-kompetentsiya-i-ee-komponentnyy-sostav> (дата обращения: 17.09.2022).
8. Штехман Е. А., Мельник Ю. А. Речевое общение на занятиях по русскому языку как иностранному с использованием ситуационных задач // Филология и культура. – 2017. – №1. – С. 136-141.
9. Шукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. – М.: Астрель, 2006. – 750 с.

УДК 81'42:316

Калмурзаева А.А.¹, Балтабаева Э.М.¹

¹Джалал-Абадский государственный университет имени Б.Осмонова

КОНЦЕПТ «ЧЕРТ (ДЬЯВОЛ)-ШАЙТАН» В РУССКО-КЫРГЫЗСКОЙ ПРОВЕРБАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. *Статья раскрывает содержания понятия прилагательного «провербальный», а также культурной функции проverbального фонда. К проverbальным единицам отнесены: идиомы – речевые формулы, идиомы-перформативы (незамкнутые, замкнутые структуры) на примере теологических концептов «Черт (Дьявол)-Шайтан. В*

кыргызском языке встречаются случаи, где Дьявол употребляется в значении Шайтан.

Ключевые слова: проverbsальная картина мира, проverbsальный фонд, проverbsальный код, проverbsальные единицы, проverbsальный концепт, проverbsальный смысл

Kalmurzaeva A.A., Baltabaeva E.M.

Jalal-Abad State University named after B. Osmonov

THE CONCEPT OF "DEVIL (DEVIL)-SHAITAN" IN THE RUSSIAN-KYRGYZ PROVERBAL PICTURE OF THE WORLD

Abstract. *The article reveals the content of the adjective "proverbial", as well as the cultural function of the proverbial fund. The proverbial units include: idioms - speech formulas, idioms-performatives (open, closed structures) on the example of the theological concepts "Damn (Devil)-Shaitan". In the Kyrgyz language, there are cases where the Devil is used in the meaning of Shaitan.*

Keywords: proverbial worldview, proverbial fund, proverbial code, proverbial units, proverbial concept, proverbial meaning.

Решение теоретических и прикладных задач, связанных с глубоким проникновением в духовные ценности этноса, нравственные устои, образ мышления, жизненный уклад, картину мира, дух языка, требует осмыслить понятие «своеобразие (культуры и языка)» и по возможности описать это своеобразие в точных категориях. Вполне обоснованно считается, что в единицах естественного языка отражается «наивная картина» мира его носителей [2, с. 3-11], а лексическая семантика представляет «обыденное сознание» этноса, в котором закреплены память и история народа, его опыт познавательной деятельности, мировоззрение и психология [8, с.224]. Специфические же черты этого сознания – этнической ментальности – то, что в русской традиции можно назвать «духовностью», – хранятся в паремиологическом фонде языка: пословицах, поговорках, различных формах народного творчества [5, с. 189].

Раскрыть природу этноязыкового своеобразия призваны, в частности, проverbsальные единицы языка. В контексте изучаемой проблемы нам представляется важным охарактеризовать семантику прилагательного «проverbsальный». Впервые термин «**проverbsальное пространство**» введён Ю.И. Левиным для обозначения совокупности семантических отношений, реализованных пословицами. Предложив данное понятие в качестве оптимально-универсального способа описания, Ю.И. Левин предлагает рассматривать пословичный фонд как многомерное пространство и анализирует его локальную структуру в логико-семантическом, эстетическом и некоторых планах [8, с. 108-126].

В последние годы в русистике и кыргызском языкознании появились такие понятия, как *провербиальная картина мира*, *провербиальный фонд*, *провербиальный код*, *провербиальные единицы*, *провербиальный концепт*, *провербиальный смысл* [12, с. 22; 7, с. 189]. Наиболее подробно эти понятия рассматриваются в статье К. Зулпукарова «О предмете лингвопаремиологии» [8, с. 3-12] и в диссертации С.Б. Эргешовой «Паремияларда антонимдик концепттер аркылуу тилдик дүйнө сүрөтүнүн жана менталдык пропозициянын берилиши» [185, с. 3-18]. По мнению К.З. Зулпукарова, «провербиальное пространство – это совокупность фразеологизмов и паремий, встречающихся в конкретном языке, группе языков или в языке вообще» и обладающих «культурно-этническим содержанием, способностью к накапливанию и распространению опыта, образностью смысла, наличием хотя бы одной из стилистических фигур или тропов, инвариантностью и устойчивостью общего содержания, варьируемостью и вариативностью частных значений...» [8, с. 7].

Провербиальная картина мира определяется исследователями как отображение в сознании человека представлений о ценностных характеристиках мира, провербиальная картина мира также дает образец поведения человека в тех или иных ситуациях. Провербиальный фонд выполняет важную культурную функцию: он представляет собой зафиксированный в языке свод поучений, касающихся выбора стратегии житейского поведения. Часть этих поучений (предписаний) «вошла в язык», то есть зафиксировалась в виде пословиц, провербиальных изречений и подобных им языковых единицах. Единицы провербиального фонда в своей семантике отражают не отдельные предметы, действия, свойства или отношения, но целые ситуации, представляющие собой типовые участки лингвокультурного пространства, то есть культурные сценарии [7, с. 98].

Семантика провербиальных единиц описывает морально-этический код той или иной нации, раскрывает базисные ценности этой нации (такой код получает определение «провербиальный»).

Под провербиальным концептом понимается ментальное образование, в которое входит ценностно значимое для всех членов этносоциума представление, выступающее в качестве инварианта, и его вариативные предикации – провербиальные смыслы, вербализованные паремиями и включающие мировоззренческие установки, характеристики практической деятельности, морально-этические ценности [12, с. 1-20]. Слово «провербиальный» встречается у американского социолога Говарда Беккера, который называет провербиальным наиболее древнее общество, передающее свои традиции и культуру от поколения к поколению [4, с. 180-181].

Таким образом, слово «провербиальный» совмещает в себе такие понятия, как древность, культурная значимость, ценность, общеизвестность, универсальность, эмоциональность. Все эти качества присущи не только пословицам, но и поговоркам, пословично-поговорочным изречениям провербиальным фразам, идиомам – речевым формулам, на основании чего они объединены нами в класс провербиальных единиц, составляющих провербиальный фонд.

А. Идиомы – речевые формулы, к которым относятся:

1) идиомы-комментарии, относящиеся не только к событиям, внешним по отношению к говорящему, но и к его когнитивному состоянию или различным ментальным процессам; *Спаси от Дьявола! Шайтандан сактай кор! Пусть сам дьявол разберет! Шайтан өзү түшүндүрсун! Связался с чертом – пеняй на себя. Шайтан менен байланышсан – өзүңдү күнөөлө.*

2) **идиомы-перформативы** (клятвы, обещания, предупреждения, приказания) рассматривающиеся как выражения, которые описывают действия. *Продам душу дьяволу. Шайтанга жанымды сатам. Найдите дьявола? Шайтанды тапкыла? Бог дает путь, а Дьявол крюк. Куда жол берет, Шайтан айланма жол берет. Утай, бог, так, чтобы и черт не узнал. Жашыр, Куда, шайтан билбесин.*

Б. Незамкнутые структуры, имеющие в русском языке форму неполного личного предложения, в которое может быть подставлено любое подлежащее, как правило, обозначающее лицо, или полного личного предложения с добавлением дополнения в речевой ситуации: *Дьявол, черт тебя (его, меня, тебя, Петра) поberi. Шайтан (мени, сени, аны) алгыр! Лицом (он, ты, Григорий) человек, а сердцем Дьявол (он, ты, Григорий).*

В. Замкнутые структуры, представляющие собой предложения с прямым (буквальным) значением частного характера. *Смельчак — это тот, кто не боится сказать дьяволу в лицо, что он дьявол. Коркпос шайтандын бетине шайтан экенин айта алат. Где спешка, там и шайтан. Шаиканды Шайтан азгырат. Турки говорят: дьявол искушает всех, но ленивый человек искушает дьявола. Түрктөр айтат: шайтан баарын азгырат, ал эми жалкоо шайтанды азгырат. Шел бы черт на свадьбу, да пона боится. Тойго шайтан бармак, бирок молдодон коркот.*

Г. Замкнутые структуры, представляющие собой предложения с переносным значением обобщенного или частного характера (или же имеющие как переносное, так и буквальное значение). Обобщающие (единодушно классифицируемые как пословицы): *Горе от Боза, а неправда от Дьявола. Кайгы Кудайдан, ал эми жалган Шайтан Черт не возьмет его, а Богу не надо. Шайтан аны албайт, Кудайга кереги жок.*

В класс **провербиальных единиц** нами включены также безобразные пословицы – клишированные предложения с прямым значением, т.е. народные афоризмы по классификации Г.Л. Пермякова, максимы по классификации Н. Барли. Ср.: *В этот день иногда трудно проехать через мордовское село, где все катаются, запрягая поочередно всех лошадей своих, чтобы шайтан не смел на них ездить. Кээде бул куну Мордова айылынан отуу кыйыныраак, себеби аларды шайтан минип албас учун, кезеги менен оздорунун аттарын токуп минишет. Савсем будет плохо, если тот колодца злой шайтан от нас прятал! Эгер жаман шайтан кудугун бизден жашырып койсо, абдан жаман болот!*

Следует отметить, что поговорки, пословицы и другие провербиальные единицы могут быть тесно связаны между собой: нередко они имеют в своей основе один и тот же образ, обладают сходным значением. Это свидетельствует о плавности большинства переходов при разграничении языковых единиц. Фактически в языке происходит переход от провербиальных фраз (глагольных фразеологических единиц) к поговоркам (незамкнутым предикативным единицам), в которых глагол стоит в личной форме, а затем – к пословицам (незамкнутым предикативным единицам). Все три группы тесно взаимосвязаны, например, провербиальные фразы могут возникать на основе пословиц и наоборот.

Список литературы

1. Александров Е. Б. Естествознание в мире духов // В защиту науки. – 2015. – № 16 – С. 9-17.
2. Аругонова, Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопр. языкознания. – 1987. - № 3. – С. 3-11.
3. «Ас-салам» – общероссийская духовно-просветительская газета «Ас-Салам» URL: <https://as-salam.ru/>
4. Беккер Г. Современная социологическая теория в её преемственности и изменении / Г.Беккер, А.Босков. – М.: Наука, 1961. – 896 с.
5. Большой словарь иностранных слов. – Издательство «ИДДК», 2007.
6. Воркачев С.Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. – Волгоград, 2003. – С.189-208.
7. Гнедаш С.И. Провербиальные трансформанты в функциональном стиле прессы и публицистики: На материале немецкоязычной печати ФРГ. – М.: Наука, 2005. – 189 с.

8. Зулпукаров, К.К. О предмете лингвопаремиологии: сб. науч. тр. фак. рус. филол. Ошск. гос. ун-та. – Ош: ДиПолиграфия. – 2011. – Вып. 3. С. 3-12.

9. Исламский мир джиннов. URL: http://paranormal-news.ru/news/islamskij_mir_dzhinnov/2013-09-18-7708

10. Кулиев Э.Р., Иблис и шайтаны // Исламоведение: Пособие для преподавателя. – 2-е изд., испр. – М.: МИУ, 2008. (рус.)

11. Левин Ю.И. Провербальное пространство / Ю.И.Левин // Паремиологические исследования: сб. ст. – М., 1984. – С.108-126.

12. Маркелова Е.В. Когнитивно - семантическая структура имен деятельности (на материале русских пословиц о труде и лени): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2004. – 22 с.

13. Новый словарь иностранных слов. – by EdwART, 2009.

14. Тарланов, З.К. Язык. Этнос. Время: Очерки по русскому и общему языкознанию. – Петрозаводск: ПетрГУ, 1993. – 224с.

УДК 81:81.0

Калмурзаева А.А.¹, Багышбекова Н.¹

¹Джалал-Абадский государственный университет имени Б.Осмонова

О НЕТЮРКСКИХ НАЗВАНИЯХ БОГА

Аннотация. *В статье рассматривается происхождение и употребление заимствованных слов Кудай/Кудaa/Куда, Аллах/Алла/Алда, Бурган узбекском, туркменском, кыргызском, уйгурском, каракалпакском, кумыкском, татарском, казахском, хакасском, алтайском, иранском и других языках. О многообразии коннотации концепта Кудай, о сходстве тюркских языков с новоперсидским, сибирских тюркских языков с иранским, об использовании арабизма Аллах после исламизации в различных регионах. Об употреблении наименований буддийского божества Бурган, Бурхан, бут в некоторых тюркских языках.*

Ключевые слова: коннотация, теонимы, исламизация, Кудай/Кудaa/Куда, Аллах/Алла/Алда/алда/Илах/ылайым/илэйим, Бурган, иранский, идол среднеперсидский, каузативный, творец, создатель, концепт.

Kalmurzaeva A.A.¹, Bagyshbekova N.¹

¹Jalal-Abad State University named after B. Osmonov

ABOUT NON-TURKIC NAMES OF GOD

Abstract. *The article deals with the origin and use of the borrowed words Kudai/Kudaa/Kuda, Allah/Alla/Alda, Burgan in Uzbek, Turkmen, Kyrgyz, Uighur, Karakalpak, Kумык, Tatar, Kazakh, Khakass, Altai, Iranian and other languages. About the variety of connotations of the concept Kudai, about the similarity of the Turkic languages with New Persian, the Siberian Turkic languages with Iranian,*

about the use of Arabism Allah after Islamization in various regions. On the use of the names of the Buddhist deity Burgan, Burkhan, but in some Turkic languages.

Key words: connotation, theonyms, Islamization, Kudai/Kudaa/Kuda, Allah/Alla/Alda/Alda/Илах/ылайым/илэйим, Burgan, Iranian, Middle Persian idol, causative, creator, creator, concept

Позже наряду со словом *Тенри* тюрки стали использовать заимствованные слова *Кудай/Кудaa/Куда*, *Аллах/Алла/Алда*, *Бурган*.

Слово *Кудай* – иранское заимствование. Оно распространено главным образом в Средней Азии, на Кавказе, где тюрки на протяжении многих веков тесно контактировали с персами, таджиками и другими иранскими этносами, и в Сибири. Оно встречается в узбекском, туркменском, кыргызском, уйгурском, каракалпакском, кумыкском, татарском, казахском, хакасском, алтайском и других языках. Коннотация слова *Кудай* многообразна и может быть положительной, нейтральной и отрицательной. Например, в кыргызском *Кудайыңа ишенсең, жөө каласың* «Если надеешься на бога, останешься пешим», в казахском *Кудайыңдан ойбайым жаксы* «Лучше мне кричать «Ойбай» (выражение, употребляемое при сильных болях), чем «Кудай». При употреблении имени *Тенри* такое непочтение не допускается. Сравнительная коннотацию слов *Тенри*, *Кудай*, *Аллах* и частотность их употребления в языках данного региона, К.М. Мусаев предполагает, что, возможно, до ислама в этом регионе господствовало персидское божество [1, с.157-182].

В иранских языках наибольшее распространение имел архетип слова, варьируемого на кыргызской почве в виде *Кудай/Кудaa/Куда*. Ср.: согдийское *xudāw* «Господь, царь» (по отношению к манихейскому божеству), среднеперсидское *xwadāy* «Господь, господин», новоперсидское *xudāy* «Бог». Для тюркских языков в качестве источника послужил новоперсидский вариант, поскольку тюркские названия семантически и фонетически сходны с ним. В сибирских тюркских языках зафиксированы теонимы, легко возводимые к иранскому слову. Ср., например, в горноалтайском *кудай* «божество, духи Верхнего мира», хакасское *худай* «божество», якутское *кудай* (слово с неясным значением, но по примерам употребления можно предположить его теологическое назначение).

После исламизации значительной части Азии, Поволжья и Кавказа наряду со словом *Тенри* начинает использоваться арабизм *Аллах*, реализуемый в различных звуковых семантических вариантах: *Аллах/Алла/Алда/алда/Илах/ылайым/илэйим* и т.д. *Аллах* – высшее мусульманское божество у народов, исповедующих ислам. Как справедливо отмечает К.М. Мусаев, «у большинства *Алла(х)* ассоциируется только с мусульманским богом *Аллахом* и неприменимо к другим божествам. Нельзя сказать *индiлердiң алласы*, но можно *индiлердiң кудайы* «бог индийцев» [1, С.177]. Регион распространения

Алла(х) – Средняя Азия, Северный Кавказ, Закавказье, Крым, Приднестровье, побережье Дуная, Поволжье. В этих регионах тюрки сильно подвержены влиянию ислама. В кумыкском языке *Худай* считается архаизмом, а *Тенгри* редко употребляется. В турецком, азербайджанском, гагаузском, ногайском, татарском чаще употребляется слово *Алла(х)*, имея широкую сферу применения в свободных и устойчивых словосочетаниях, междометно-этикетных образованиях, пословицах и поговорках, в приметах. А *Тенри* и *Кудай* значительно уступают арабскому названию Бога в употребительности [6, С.568].

В некоторых тюркских языках встречается наименование буддийского божества. Оно варьируется в виде *Бурган*, *Бурхан*, *бут* и т.д. и возводится к китайскому слову (древнекитайской *вэ*, среднекитайское *vüt/vür/vur*, современное китайское *fo*). Вероятно, корень *бур* восходит к диалектному *vir* плюс китайское *хан* «хан, царь», в результате чего образовалось сложное слово *бурган/бурхан*. Слово *бурхан* соответствует древнеиндийскому *Buddharājā* «царь Будда». *Бурган* встречается в древнеуйгурских, буддийских и манихейских текстах и в современном тувинском языке в значении «бог, божество, бурхан, идол, икона». Оно имеет место и в других тюркских языках: в тофаларском *burhan* «бог», в древнетюркском *virgan*, *virghan* «будда; посланник, вестник, пророк, бурхан», в киргизском *burkan* (в эпосе, когда речь идет о калмыках и китайцах) «бурхан, идол», в сарыг-югурском *purhan* «изображение будды». Соответствия имеются в монгольских языках: в письменно-монгольском *virgan*, в монгольском *burhan* «бог, божество; изображение божества; Будда» [5, С. 295]. В монгольских языках слово *бурхан* является заимствованием из древнеуйгурской буддийской терминологии. Однако, как верно замечает Б.И. Татаринцев, в современных тюркских языках *бурхан* может быть вторичным заимствованием из монгольских языков. В некоторых тюркских языках встречается производное наименование бога, возникшее на базе глагольной основы *йара/жара*+ каузативный аффикс *-m*, т.е. *йарат/жарат* «создать/создавать». Ср. древнетюркское *jaratgan*, узбекское *jaratgan*, киргизское *жараткан*, казахское *жараткан* «Бог, Творец, Создатель».

Приведенный выше лингвистический материал свидетельствует о многоплановом характере концепта «Бог» и о том, что религиозно-языковая картина этноса складывается из элементов, имеющих различное происхождение. Этноментальное содержание концепта «Бог» складывается из когнитивных единиц, возникших в сознании носителей различных культур.

Список литературы

1. Мусаев К.М. Представление тюрков о небе и небесных явлениях // Сравнительно-историческая грамматика тюрк. языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М., 2006. – С.12-41.
2. Мусаев К.М. Проблемы перевода библейских имен Бога (на материале тюркских языков //Перевод Библии: Лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты. – М., 1996. – С.157-182.
3. Мусаев К.М. Проблемы перевода библейских имен Бога (на материале тюркских языков //Перевод Библии: Лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты. – М., 1996. – С.157-182.
4. Тадинова Р.А., Эмба З.Н. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М: Наука, 2006. – 908 с.
5. Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск: Наука, 2000. – Т. I: А – Б. – 440 с.
6. Тенишев Э.Р. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка / Э.Р.Тенишев, Г.Ф.Благова, И.Г.Добродомов и др. – М.: Наука, 2006. – 908 с.

УДК 81:81.0

Калмурзаева А.А.¹, Багышбекова Н.¹

¹Джалал-Абадский государственный университет имени Б.Осмонова

ПРАТЮРКСКОЕ НАЗВАНИЕ БОГА (ТЕНГРИ) В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Аннотация. *В статье установлена происхождение и этимология Тэнгри в древнетюркском, общетюркском, монгольском, огузском, болгарском и кыргызском языках. Определены другие наименования со значением «небо» с различными фонетическими вариантами современного тюркского языка и древних памятников. Даны разные точки зрения по происхождению и этимологии общетюркского Тэнгри. Рассмотрены наиболее распространенные наименования неба в тюркских языках*

Ключевые слова: пратюркский, общетюркский, этимология, историко-диахронический, полисемантическая, анимистический.

PRATURKISH NAME OF GOD (TENGRİ) IN COMPARATIVE LIGHTING

Abstract. *The article establishes the origin and etymology of Tenri in the Old Turkic, Common Turkic, Mongolian, Oghuz, Bulgarian and Kyrgyz languages. Other names with the meaning "sky" with various phonetic variants of the modern Turkic language and ancient monuments are determined. Different points of view on the origin and etymology of the common Turkic Tenri are given. The most common names of the sky in the Turkic languages are considered*

Key words: Proto-Turkic, common Turkic, etymology, historical-diachronic, polysemantic, animistic.

У древних орхоно-енисейских тюрков было три божества: Тенгри – бог неба, Умай – богиня плодородия и Йер-су – олицетворение культа воды и земли. Современное кыргызское *теңир*, вероятно, восходит к общетюркскому **Tanri* «бог», «небо», которое допускает сравнение с китайским *Thjen/chitn* «небо», шумерским *dingir* «боги», монгольским и бурятским *тенгери* «небо, бог», калмыцким *тенгер*, японским *ten* в том же значении. К пратюркской основе возводимы слова современных тюркских языков: турецкое *tanrı* «бог», азербайджанское *танры* «бог», тюркменское *таңры* «бог», узбекское *таңри* «бог», новоуйгурское *тэнри* «бог», татарское и башкирское *тэнре тер* «бог», кумыкское *тенгери* «бог», балкарское *тейри* «бог», карайское *таңры /теңри* «бог», казахское и каракалпакское *теңир* «бог», сарыг-югурское *теңер* «небо», хакасское *тигэр* «небо», шорское *тегри* «небо», горно-алтайское *теңери* «бог, небо»; тувинское *дээр* «небо», тофаларское *дээрэ* «небо», якутское *таңара* «бог», чувашское *тора* «небо». Предполагается, что монгольские названия неба и бога представляют заимствование из тюркских языков [8, С. 562-364].

Каковы происхождение и этимология общетюркского *Тэнри*? По этому поводу существует две точки зрения.

1. Общетюркское название бога и неба заимствовано из китайского языка и восходит к древнекитайскому слову *Thjen/chien*. (М. Рясянен, Г.И. Рамстедт и другие ученые).

2. Оно является собственно тюркским и послужило основой возникновения монгольского названия бога и неба (К.М. Мусаев, Г.Ф. Благова и другие).

В современных тюркских языках и древних памятниках отмечено 8 наименований со значением «небо» в различных фонетических вариантах. Эти звуковые варианты отражают историко-диахроническое развитие формы слова в соответствии с закономерностями, присущими эволюции тюркских языков:

- 1) *теңир* в восточном ареале – в алтайском, тувинском, хакасском, уйгурском и др.;
- 2) *көк* в кыпчакско-огузско-карлукском ареале – в башкирском, казахском, каракалпакском, кыргызском, кумыкском, ногайском, татарском, азербайджанском, туркменском, узбекском и др.;
- 3) *калык* в древнетюркских памятниках;
- 4) *эврэн* в древнетюркских памятниках;
- 5) *халлаан* в якутском языке (ср. третье название);
- 6) *төрө* (<тобе) в чувашском;
- 7) *асман/аспан* в кыргызском, казахском, каракалпакском, татарском, узбекском, уйгурском языке;
- 8) *сэма* в азербайджанском языке (наряду с тюркским *көй*) заимствовано из арабского языка.

Наиболее распространенными наименованиями неба в тюркских языках являются *теңир* и *көк*. *Теңир* «небо» имеет место почти во всех тюркских, а также в алтайских языках. Оно представлено в двух звуковых вариантах. Из *теңир*, вероятно, впоследствии в результате присоединения к нему аффикса принадлежности III лица возникла форма *теңри*. Первый вариант с конечным *p* сохраняется в восточном регионе тюркских языков. В сарыг-югурском, каракалпакском, кыргызском, кумандинском *теңир*, в казахском *тэңир*, *теңир*, *тэйир*, в хакасском *тигир*, в тувинском *деңгер/дээр*. В современных кыргызском, казахском и каракалпакском языках оно имеет значение «бог», а в других – «небо».

Форма *теңри* встречается почти во всех регионах тюркских языков. В ряде языков параллельно употребляются оба варианта: *теңир* / *теңри*. В некоторых языках, главным образом в огузских, все гласные звуки перешли в заднерядные: *танры*, *таңара*, *тагара* и т.д. Во всех встречающихся вариантах устойчивым является звук *p*:

			е	ё	и
т	э	н	е		
		+	а	+	й
					+ р + ы
		д	и	х	а
	у		0		

В «Древнетюркском словаре» отмечается наличие обоих вариантов *tenri/tanri*, имеющих два основных значения «небо» и «бог» [2, с.154-161]. В якутском, кыргызском, сибирских тюркских языках сохранились оба значения, в других преобладает одно из двух значений [8, с.328]. В якутском языке слова *таңара* полисемантически и выражает значения: «видимое небо», «небо как божество», «добрый дух», «бог», «божество языческое», «главное божество, живущее на седьмом небе», «икона», «образ» и т.д. [6, с. 255]. Это слово вошло и в языки других семей. Оно встречается в болгарском языке. Вероятно, его внесли

представители Великой Болгарии (приволжские тюрки), участвовавшие в борьбе южных славян против крестоносцев и впоследствии вошедшие в этногенез болгарской нации. Болгарский ученый М. Москов подчеркивает ритуальную значимость неба: *Tenir* – «верх», «круг», «верховный», «бог», «дерево» и т.д. «Слово *Tengri* в тюркском ареале, обозначавшее сперва также дерево, позднее служит основой для изображения элементов креста в древнеболгарской христианской традиции. И далее, вероятно, происходит трансформация знакового кода «дерево» > «крест» [7, с.77,328-329].

Некоторые историки языка возводят слово *теңир* к пратюркскому глаголу *тең* «возвышаться, подниматься, взлететь» [2, с.551], а *-ир* считают суффиксом со значением «деятель». Сочетание глагольной основы с этим суффиксом образует слово со значением «то, что поднимается, возвышается над человеком». От глагола *тең* – образовано также слова *теңек* «воздух, небосвод». К.М. Мусаев считает это гипотезу недостаточно обоснованной [4, с.329]. В коллективном труде «Азыркы кыргыз адабий тили» [4, с. 928] признается родство кыргызского языка (конечно, через тюркскую общность) с шумерским языком и приводится целый ряд (34) слов с тождественным значением и звуковым обликом [4, с. 9-10]. Тюркоцентризм свойствен и рассуждениям К.М. Мусаева: «В более древней форме *dingir* (<*Tenir*) это слово проникло в древности в шумерский во вторичном значении «бог». Тюркская семантика «небо» более древняя, первичная, чем шумерская. При заимствовании шумерами тюркский носовой согласный *-n-* воспринимался как сочетание двух согласных *-ng-*, что происходит и в современных заимствованиях при произношении соответствующих слов не только нетюрками (собственное имя *Teniz* произносится и пишется многими *Tengiz*, *Tengis* и т.д.), но и тюрками (в узбекском *-n-* превратился в *-ng-*). Контакты предков алтайских народов с шумерами происходили еще в 6-м тысячелетии до н.э.» [1, с.43]. Можно предположить и нетюркское происхождение данного слова, учитывая обширность ареала его распространения. Вероятно, слово *Tenir* является одним из ностратических наименований высших сил, нерасчленно представляющим «бог-небо» в сознании древнего человека. Из этого первичного значения в одних языках сохраняется сема «бог-небо» в других – «небо», в-третьих, – «бог», в-четвертых, – «бог, икона, божок...». Такое предположение основывается и на факте приобретения исконно тюркским наименованием неба нового значения «бог». Например, алтайское слово *кък* имеет значение «небо, бог». [4, с.331].

Представление о *Тенри* складывалось на основе анимистических верований о небесном духе-хозяине. При этом небо мыслилось и его непосредственным проявлением, и местом его

обитания. Это название верховного божества неба со значением «Всевышний, создатель, хранитель, повелитель» и является, на наш взгляд, общенациональным словом, имеющим значение «Творец». Как отмечает Р. Безертинов, древние тюрки считали, что Вселенной правят 17 божеств (Тенри, Йер-Суб, Умай, Эрлик, Земля, Вода, Огонь, Солнце, Луна, Звезды, Воздух, Облака, Ветер, Смерч, Гром-Молния, Дождь, Радуга), а монголы предполагали, что нашей Вселенной правят 99 божеств-тенгри. Регион преимущественного использования слова *Тенри* охватывает народы, которые в меньшей степени были подвержены исламизации: казахское *тәңир*, башкирское *тәңре*, каракалпакское *таңир*, кыргызское *теңир*. В кыргызском *теңир* имеет два значения: «Бог» и «небо». Это отмечается в толковом словаре кыргызского языка. Даже значение «небо» заключено в таком контексте, где оно не отрывается и не отделяется от значения «Бог»: *Теңирим бир жааса, терегим эки жаайт* «Если мое небо/Бог один раз посылает дождь/снег/град, то мой тополь – дважды»; *Көбүрөөк калган экенбиз көк теңирдин каарына* («Манас») «Мы вызвали больше гнева у небесного Бога» [3, с. 210]. В последнем примере *көк теңирдин каары* «гнев (синего) неба/Бога» это смысловое «двуличие» выступает очень явно. В книге «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка» [8, с. 908] читаем следующее: «У киргизов наиболее древним из представлений, связанных с культом природы, можно считать представление о Небе-Тенир как о высшем божестве. Во всех трудных случаях киргиз обращался к небу со словами: *Теңир колдой көр!* «Небо, помоги», *Теңир жалгай көр!* «Окажи благоденствия, небо!». При благословении молодых, а также для выражения благодарности кому-либо говорим: *Теңир жалгасын!* «Да благословит тебя небо!». Наряду с этим, с небом киргизы связывали и самое страшное проклятие: *Теңир урсун!* «Да накажет тебя небо!». Всевышнему *Тенри* поклонялись, поднимая руки вверх, и клали земные поклоны, чтобы *Тенри* дал разум и здоровье, помогал в справедливом деле; другого не просили. И Тенри оказывал помощь тем, кто его почитал и сам был активным.

Наряду с обожествлением неба у кыргызов бытовало поклонение «реальному» небу как части природы. Поэтому нередко употребляют выражение: *Көк асман колдо!* «Голубое небо, помоги!». В кыргызских эпических произведениях, в частности в эпосе «Манас», часто встречается проклятие: *Төбөсү ачык көк урсун!* *Төшү түкүү жер урсун!* «Да покарает (меня) небо с открытым верхом! Да покарает (меня) земля грудью, покрытой растительностью!» [8, с. 565]. Слово *Тенри* как название бога у древних тюрков встречается в башкирских эпических памятниках «Урал-Батыр» и «Акбузат» и отражает древнейший культ неба-бога. В «Урал-Батыре» *Тенри* – это название верховного божества. Поклонение персонифицированному божеству Тенри-хану

наблюдалась у западных тюрков – сабиров (VII в.). Тенри-хан представлялся огромных размеров, что отражало космические масштабы небесного бога, тождественного самому небу, а титул хан указывал на главенствующее положение о Вселенной и пантеоне богов. Наименование Хан-Тенгри встречается в монгольских шаманских текстах. Титул хан обычен для поздних ипостасей Вечного неба. Хотя в позднейших преданиях название *Тенгри* иногда прилагается к верховному небесному божеству, чаще она обозначает бога вообще (так же в буддийских, манихейских и мусульманских текстах). Место верховного бога в шаманской мифологии у тюрков и особенно у монголов обычно занимают другие персонажи, а термин *Тенгри* закрепляется за классом небесных богов [3, с.56-59].

В турецком языке слово *tenri* «бог, господь, создатель, творец» синонимично с более употребительным *Allah* и встречается в дискурсе свободно, особенно в составе устойчивых словосочетаний: *tenri göçtermesin* «не приведи господи», *tenri musafiri* «случайный (незванный) гость, божий путник», *tanrının günü* «каждый (божий) день». В этом языке есть также слово *tanrıca* «богиня». Употребляется оно и в составе пожелания, обращенного к маленьким (обычно к новорожденным) детям: *tanrı analı babalı büyütsün* «Пусть господь не лишит (тебя) матери и отца», хотя в разговорной речи все эти словосочетания употребляются со словом *Allah* [8, с. 566].

В кыргызском сакраментальном сознании имеют место концепты-теонимы с различной степенью абсолютности, могущества распространенности и обобщенности, допускающие звуковое варьирование и синонимию в употреблении: 1) *Теңир*; 2) *Ээ/Эге/Эз/Эгем*; 3) *Жараткан* (эпитет); 4) *көк* «небо, Бог»; 5) *Умай –Эне* «Женщина мать-покровительница», 6) *пир* «покровитель» и др.

Теологические концепты, как видно, являются важным звеном в когнитивно-языковом сознании этноса. Их изучение многоаспектно и предполагает рассмотрение в религиозно-языковом, историко-культурологическом, когнитивно-психолингвистическом, этимологическом, социолингвистическом, экспрессивно-стилистическом и линвопаремиологическом планах.

Список литературы

1. Грозный, Б. Доисторические судьбы Передней Азии – М., 1940. – № 3/4. – С.24-45.
2. Древнетюркский словарь. (ДТС) / В.М. Надеяев, Д.М. Насилов, Э.Р.Тенишев и др. – Л.: Наука, 1969. – 544 с.
3. Мелетинский, Е.М. Кыргыз тилинин кыскача этимологиялык сөздүгү / отв. ред. Е.М.Мелетинский. – Бишкек, 2010. – 210 с.

4. Мусаев К.М. Представление тюрков о небе и небесных явлениях // Сравнительно-историческая грамматика тюрк. языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М., 2006. – С.12-41.

5. Осмонова Ж. Кыргыз тилинин фразеологиясы. – Каракол, 2007. – 178 б.

6. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. – Л.: АН СССР, 2008. – Т. 3: вып. 10-13. – 385 с.

7. Проскурин С.Б. Очерки исторического мира индоевропейцев: Концептуальные структуры, коды и тексты. – Новосибирск, 1998. – 135 с.

8. Тенишев Э.Р. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка / Э.Р.Тенишев, Г.Ф.Благова, И.Г.Добродомов и др. – М.:Наука, 2006. – 908 с.

УДК 317.77; 37:8

Камилова М.Г.

Ташкентский государственный транспортный университет

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *В статье речь идёт о некоторых тенденциях развития современного образования. Отмечается необходимость повышения статуса филологических дисциплин.*

Ключевые слова: тенденция, развитие, филологическое образование, духовность, саморазвитие.

Kamilova M.G.

Tashkent State Transport University

MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PHILOLOGICAL EDUCATION

Abstract. *The article deals with some trends in the development of modern education. The necessity of raising the status of philological disciplines is noted.*

Key words: trend, development, philological education, spirituality, self-development.

The words of the great teacher have not lost their relevance in our days. In the recent past, representatives of the previous generation in the classes of philological disciplines received a system of knowledge in a certain

sequence and then continued to expand their knowledge by reading additional literature. They were accustomed to strict systematic rational thinking. Education with the help of a teacher contributed to the development of human reserves, democracy, equality and had a great impact on social progress, played a key role in technological transformations.

Many of a person's beliefs depend on information received through mass communication, so that society is not formed only by mass communication, it must be remembered that at all times education has given a person life guidelines, influenced the formation of his worldview, ensured the continuity of traditions, thereby contributing to the development of national identity and the preservation of national distinctive culture.

The new millennium requires the development of an effective strategy for the development of higher education, which dictates an increase in the speed of transformation and the pace of change. Modernization of higher education, conditioned by the realities of the XXI century, came with the requirement to train highly qualified specialists with a creative type of thinking, a developed ideological culture. Linguists used to call literary critics philologists, and literary critics called linguists, and writers were also called philologists. In the modern era, the list of philological professions necessary for society has changed. Some of them are known: these are teachers of language and literature, translators of fiction, etc. This number has recently been supplemented by public relations specialists, assistants, press secretaries, etc. The role of philological education is increasing, because all professions involving intensive communication with people should have philological training: politicians, managers, advertising agents, psychologists, i.e. specialists who should act as an intermediary, depending on (between whom and whom, in what conditions, situations). Communication has become so complicated that in some cases intermediaries are needed, whose role is performed by philologists. Modern philology is in a phase of a high degree of demand by society, and this need, first of all, extends to practical philologists, i.e. communicative intermediaries.

In addition, mass communication, carried out by the media, has appeared in world public practice and in which the main figure, the main intermediary is a journalist who creates a special form of language: the journalistic style of literary language, the language of the media, socio-political language [1, c.2]. And everyone who listens to information perceives it through the prism of the journalist's consciousness, leaving no time for reflection. But the scientific discipline of philology has another aspect - literature" modern processes of globalization and informatization unite the world largely through the introduction of mass culture, and this culture orients ... for entertainment, for a superficial attitude to the world" [2, c.3].

Therefore, it is no coincidence that interest in culture and literature, which is the language uniting the peoples of our planet, is reviving today. It is quite natural that the role of culture and literature is actualized accordingly,

since in each national literature, along with the display of national identity, national and international principles are always hidden in parallel, primarily in the works of literary translators. Literature has always in history acted as a guarantor of the unification of the peoples of our planet, as well as as a fair reflection of the phenomena of reality, passed through the prism of the consciousness of the author of this work.

The history of mankind at all stages of its development has preserved in memory, first orally, and with the advent of writing, monuments of culture, literature, and art. The greatest discovery in the history of mankind was the book. A book is the fruit of spiritual perfection, and reading a book is the way to meet the growing needs of a person. The book remains in the modern world the most convenient means of trust, among the means of communication created by man. Venerable artists endowed with the gift of words, most often classics of a particular literature, orient the reader to the pressing problems of contemporary reality. Each epoch puts forward its masters of art and literature, among which a special place is occupied by classics, which are a mirror reflecting the established inner world of a particular people in a certain era.

We call classical works not because they were written long ago in the past, but because the authors of these works touch upon such problems of public life that do not lose their relevance and perspective in subsequent epochs, and each epoch finds themes, problems, images in them that are consonant with its epoch. Truly, "Great works of literature continue to live for a long time in the consciousness of society, and they do not live in a frozen form, but reveal more and more new facets of their subjective content. At the same time, each epoch, no matter how correctly they are understood, ... will always leave something new and more true to say to the next epoch" [3, c.4].

According to scientists, the XXI century is the century of disciplines that are more or less related to personality, man, i.e. the science of man. The concern of the International Community of Philologists about the quality of human potential is an important strategic approach today. "The main trends in the development of philologists' education are the orientation towards man as the highest value of social existence and the attitude towards him as a subject of cognition, communication, creativity and cooperation... Today, the bet is placed on human spirituality, conscious orientation to higher values, because it is to spirituality that humanity owes its progress " [4, c.4].

Thus, the tendency to renew the authority of philological disciplines is increasing, therefore, it is necessary to raise the status of a teacher-philologist and to adjust the teaching and methodological literature at all levels of the educational system, while emphasizing the development of students' desire for knowledge and self-education.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: [в 13-ти т.] / [ред. коллегия: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1953-1959.
2. Ким. И .Е. Зачем обществу нужны филологи? – URL: https://akvoabr.ru/filologicheskoe_obrazovanie_perspektivy.html
3. Огурчиков П.К. Механизмы формирования «мифологической» картины мира средствами массовой коммуникации // Вопросы филологии. – 2007. – №4. – С. 336.
4. Хакимова Д.Х. Современные мировые тенденции в подготовке филологов // Наука и образование. – 2019. – № 4(39). – С. 63-64.

УДК 811.161.1Г36 37:821.161.1”18”(045)

Килина Л.Ф.¹, Загребина У.С.¹

¹Удмуртский государственный университет

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ *ЗЛОСТНЫЙ* В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ XIX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. В работе рассматриваются особенности употребления прилагательного *злостный* в художественных текстах XIX века, содержащихся в Национальном корпусе русского языка. В ходе исследования проанализированы значения прилагательного в исторических и современных словарях русского языка, осуществлена выборка примеров из текстов художественной литературы, определены группы существительных, сочетающихся со словом *злостный*. Сделан вывод о том, что данное прилагательное в выбранных контекстах имеет широкую сочетаемость в связи с обобщенностью значения, которое в XIX веке уже начинает конкретизироваться за счет формирования в семантической структуре компонента ‘намерение’.

Ключевые слова: прилагательное, художественный текст, контекст, значение, сочетание

**THE ADJECTIVE *ЗЛОТНЫЙ* IN LITERARY TEXTS
OF THE XIX CENTURY: FEATURES OF SEMANTICS AND
FUNCTIONING (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN
NATIONAL CORPUS)**

Abstract. *The paper examines the peculiarities of the use of the adjective *злотный* in literary texts of the XIX century contained in the Russian National Corpus. The study analyzed the meanings of the adjective in historical and modern dictionaries of the Russian language, carried out a selection of examples from the texts of fiction, identified groups of nouns combined with the word *злотный*. It is concluded that this adjective in the selected contexts has a wide compatibility due to the generality of the meaning, which in the XIX century is already beginning to be concretized due to the formation of the component 'intention' in the semantic structure.*

Key words: adjective, literary text, context, meaning, collocation

Исследования в области семантики слов, образование которых связано не только с языковыми, но и внеязыковыми факторами, занимают особое место в лингвистике. В этой связи предметом изучения достаточно часто становятся единицы, описывающие или выражающие эмоции и получившие в научной литературе название *эмотивы*. В. И. Шаховский определяет *эмотивность* как «имманентное свойство языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека» [7, с. 5]. Разграничение эмоций и эмотивности связано с тем, что «эмоция – психологическая категория, а эмотивность – языковая, поскольку эмоции могут и вызываться, и передаваться (выражаться, проявляться) в языке и языком» [6, с. 13].

В русском языке интерес представляют такие прилагательные, которые связаны с основной для человека оппозицией добро и зло. Известный русский философ И. А. Ильин писал, что *зло* – это не отвлеченное понятие, а «живущее в нашей душе страстное тяготение к разнузданности, к разгулу дурных страстей, что ведет к духовному распаду личности» [2, с. 327]. Оно присутствует в поступках и мыслях человека, а главное – в его желаниях и намерениях. Одно из отражающих такое определение зла прилагательных – *злотный*, являющееся паронимом к прилагательному *злой*. Принципиально важно то, что при характеристике человека *злотный* обычно указывает на злое намерение, в то время как *злой человек* – это полный злобы, враждебный, недоброжелательный.

Прилагательное *злотный* впервые фиксируется в текстах XVIII века, в «Словаре русского языка XVIII в.» оно имеет следующее определение: «Исполненный злости; злой, злобный || Особенно

злобный, жестокий» [5]. Нетрудно заметить, что для составителей данного словаря между прилагательными *злой*, *злобный* и *злостный* нет принципиальных различий, они являются синонимами. Такая тенденция сохраняется и в текстах XIX века, однако в этот период актуализируется важный компонент в семантической структуре данного прилагательного, который отличает его от других однокоренных, – наличие намерения. Мы проанализировали, как этот аффикс используется в художественных текстах XIX века и в каких значениях. Нами была выбрана сфера художественной литературы, поскольку «художественный текст как объект изучения в первую очередь соотносится с миром чувств и эмоций человека, занимая особое место в системе речевой реализации языковой единицы» [3, с. 535].

В Национальном корпусе русского языка мы обнаружили 80 контекстов с прилагательным *злостный*, представленных в 72 художественных текстах XIX века. Мы выявили, что данное прилагательное употребляется как определение в сочетании с 44 существительными, среди которых наиболее частотными являются *банкротство* (9 вхождений), *банкрот* (8 вхождений), *намерение* (7 вхождений), *умысел* (4 вхождения), *клевета* (3 вхождения), *желание* (3 вхождения). Все существительные можно объединить в несколько групп по наличию в их семантике следующих общих компонентов: 1) человек (9 словосочетаний), 2) намерение (8 словосочетаний), 3) злое намерение (8 словосочетаний), 4) результат (4 словосочетания), 5) внешнее проявление (5 словосочетаний). Рассмотрим каждую из этих групп подробнее.

В первой группе большинство субстантивов имеет отрицательную коннотацию (*возмутитель*, *совратительница*, *ростовщик*). Каждый из этих людей имеет цель, притом дурную, что обнаруживается и в семантике слов, их обозначающих. В таких примерах прилагательное *злостный* часто стоит в ряду однородных членов с другими негативно окрашенными прилагательными, которые также имеют сему ‘намерение’:

(1) А надо тебе сказать, что эта Марья Васильевна, хотя и отнесена Лизаветой Петровной к категории весьма *злостных и хитрых совратительниц*, очень наивная и болтливая особа (П.Д. Боборыкин. Жертва вечерняя).

(2) Дети несчастья, избранные арабы, поступили так, как самые искусные заговорщики, самые *злостные возмутители* (В.М. Дорошевич. Сказки и легенды).

Другое значение, которое обнаруживается в этой группе слов и встречается лишь в сочетании с одушевленными существительными, можно обозначить как ‘закоренелый’ (в чем-либо дурном), это значение зафиксировано и словарями XX века [1]. В таких контекстах также используются слова с отрицательной коннотацией (*еретичка*, *байбак*).

В данных примерах говорится о людях, которые не просто имеют злой умысел, для них злость становится образом жизни:

(3) ...быть бы Ягужинской, как *злой еретичке*, богохульствовавшей под дьявольским наваждением, на Болоте или в деревянном срубе, или в железной клетке (Е.П. Карнович. Пагуба).

В контекстах, где речь идет о человеке, также можно встретить значение 'недобросовестный', которое наиболее ярко проявлено в сочетании прилагательного *злой* со словом *банкрот*:

(4) Мать пустила косвенный взгляд на две серые фигуры: одна была приживалка — майорша, другая — родственница, вдова *злого банкрота* (Китай-Город. П.Д. Боборыкин).

Такое употребление является наиболее частотным в данной группе и сохраняется в современных текстах. На дополнительное выражение негативной семантики и реализацию именно этого значения в контекстах с адъективом *злой* указывают и другие маркеры. Так, в примере (4) об этом свидетельствует наличие существительного *приживалка*; у В.М. Гаршина в рассказе «Ночь» *банкрот злой, заведомый* [4].

Следующие две группы, в которых мы выделили общие компоненты 'намерение' и 'злое намерение', похожи. В обеих группах понятия, выраженные существительными, с которыми сочетается прилагательное *злой*, толкуются как осмысленные, намеренные, задуманные (*план, замысел, клевета* и др.), в то же время слова первой группы предполагают наличие какой-либо мысли, идеи (*поступок, мысль, замечание*), а слова второй обязательно указывают на дурную цель или идею, направленную против кого-то, т.е. в них изначально заложена отрицательная коннотация (*кляуза, заговор, умысел*). Здесь наиболее частотными являются словосочетания *злое намерение* и *злой умысел*:

(5) Заподозрив его тотчас же в *злых намерениях* стащить что-нибудь, мы стали украдкой наблюдать все его движения (Д.В. Григорович. Корабль «Ретвизан»).

(6) Каждая из славнобубенских матрон и сильфид, порхавшая по этой зале, укрыла теперь в душе своей *злой умысел* против графа (В.В. Крестовский. Панургово стадо).

Во всех контекстах с субстантивами данных групп подразумевается злой умысел, это подкрепляется наличием других слов, имеющих отрицательную коннотацию или стилистически окрашенных, что мы наблюдаем в примере (6). Такое употребление способствует формированию современного значения прилагательного *злой*, а также влияет на его сочетательные возможности.

Еще одна группа существительных, которую мы выделили, объединена наличием общего компонента значения 'результат'. Сюда мы отнесли слова *следствие, последствие, вред* и *банкротство*,

последнее встречается чаще всего в текстах XIX века, в сочетании с этим существительным у прилагательного *злостный* реализуется его основное современное значение, связанное с наличием дурной цели:

(6) Я попал в купеческую контору, жалованье хорошее положили; но здесь все клонилось к *злостному банкротству* (Н.Г. Помяловский. Молотов).

(7) Дело шло о крахе не крупного коммерсанта — клиента банка, где директорствовал Верховский. *Банкротство* было явно *злостное* (А.В. Амфитеатров. Отравленная совесть).

Однако в сочетаниях с другими субстантивами данной группы прилагательное *злостный* имеет более обобщенную семантику, указывает на что-то плохое в целом. Например, в контексте (8) возможна замена слова *злостный* другими единицами с отрицательной коннотацией, такими как *ужасный*, *страшный* и др.:

(8) Гораздо более *злостными* оказываются *последствия*, которые влечет за собой «система» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина).

Тенденция к использованию адъектива *злостный* в обобщенном значении ‘плохой, злой’ наиболее четко прослеживается в сочетаниях этого прилагательного со словами, обозначающими некие внешние проявления, которые можно увидеть или услышать, к таким словам мы отнесли существительные *лай*, *поза*, *судорога*, *бормотанье* и *раздражение*. В подобных случаях говорится о чем-то, наполненном злостью или злобой, здесь присутствует лишь эмоция, но отсутствует мысль, что характерно для сочетаний с другими группами слов:

(9) Собака отзывается своему другу *злостным лаем* и неотразимо бросается к вам под ноги (А.И. Левитов. Степная дорога днем).

(10) Какое-то странное, не то слезливое, не то *злостное бормотанье* прервало мое тихое наслаждение (Г.И. Успенский. Норовил по совести).

Помимо пяти выделенных групп есть слова, которые не вошли ни в одну из них, поскольку эти слова характерны для определенных авторов и в них трудно выделить семантический компонент, который объединял бы их с другими существительными по какому-либо признаку. В таких контекстах *злостный* также имеет обобщенное значение ‘что-то плохое, отрицательное, пугающее’:

(11) ...если же вы разберете подробно, то увидите, что *параллели*, которые я брал между мной и Иваном Ермолаевичем, самые *злостные* и неправильные (Г.И. Успенский. Крестьянин и крестьянский труд).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, в художественных текстах XIX века прилагательное *злостный* обладает широкими сочетательными возможностями (50 вариантов употребления). Оно используется в сочетаниях как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными, при этом многие

существительные указывают на намерение, что свидетельствует о постепенной конкретизации значения рассматриваемого прилагательного. С другой стороны, оно по-прежнему употребляется как синоним других прилагательных с корнем зл-, обозначая что-то плохое, полное злобы. Однако таких случаев использования становится меньше, авторы лучше понимают разницу между этими паронимами, улавливая в слове *злостный* семантику не просто отрицательной эмоции, но и злого умысла.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 19.09.2022).
2. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою. – М.: Айрис-Пресс, 2007. – 573 с.
3. Кириллина Н. В. Словообразовательное гнездо с корнем –зл как средство выражения эмоций в художественном тексте (на материале лирики А.А. Ахматовой) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – №4 (2). – С. 535-537.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 20.09.2022).
5. Словарь русского языка XVIII в. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 19.09.2022).
6. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987. – 190 с.
7. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М., 2008. – 416с.

УДК 801.81:398.21

Корнева О.В.

МБОУ Бимская СОШ Агрызского МР РТ

СУДЬБА ФОЛЬКЛОРНЫХ СКАЗОК И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕХОДА В ЛИТЕРАТУРУ

Аннотация. *Сказки всегда привлекали человека, и теперь в русской литературе она не потеряла своего обаяния. Всё идущее от лучших народных традиций пережило в сказках века и еще долго будет занимать ум, чувства и воображение человека. Фольклор закладывал основы не только эстетического, но и нравственного воспитания. Почти все детские сказки основаны на нравовечении. Опыт русской классической литературы учит, что обращение к сказочному вымыслу не мешало широкому изображению жизни, а помогало*

этому. Вся история литературы, творческие поиски Пушкина, Горького и многих других русских классиков, искания ряда замечательных писателей своего времени – все свидетельствует о том, что обращение к жанру сказки вызывается стремлением найти такую поэтическую форму, такой жанр, в котором писатель мог открыто, прямо писать от имени народа, чувствуя себя неотделимой его частицей, говорить его устами и его речью.

Ключевые слова: фольклор, русские народные сказки, сказочный вымысел, воспитание, вера народа в чудеса, дорога в русскую литературу, богатство языка.

Korneva O.V.

MBOU Bimskaya SOSH

Agryzsky municipal district of the Republic of Tatarstan

THE FATE OF FOLKLORE FAIRY TALES AND THE PECULIARITIES OF THEIR TRANSITION INTO LITERATURE

Abstract: *Fairy tales have always attracted people, and now in Russian literature she has not lost her charm. Everything coming from the best folk traditions has survived in the fairy tales of the century and will occupy the mind, feelings and imagination of a person for a long time. Folklore laid the foundations not only for aesthetic, but also for moral education. Almost all children's fairy tales are based on moral teaching. The experience of Russian classical literature teaches that the appeal to fairy-tale fiction did not interfere with the broad depiction of life, but helped it. The whole history of literature, the creative search for Pushkin, Gorky and many other Russian classics, the search for a number of remarkable writers of their time – all evidence that the appeal to the genre of fairy tales is caused by the desire to find such a poetic form, such a genre in which the writer could openly, directly write on behalf of the people, feeling himself an inseparable part of it, to speak with his mouth and his speech.*

Key words: Russians Russian folk tales, fairy-tale fiction, upbringing, people's faith in miracles, the road to Russian literature, the richness of the language.

Сказки рассказывают ребенку, как только он научится понимать слова и говорить. Чтение и изучение сказок входит в школьную программу. На сказочные темы художники пишут картины, писатели – произведения, композиторы – музыку, а киноработники ставят фильмы. Сказочный вымысел всегда привлекал человека, и теперь в русской литературе сказка не потеряла своего обаяния. Всё идущее от лучших народных традиций пережило в сказках века и еще долго будет занимать ум, чувства и воображение человека. Эти мудрые и прекрасные рассказы дороги каждому, дороги так, как дорога родина, народ и его история. А.С. Пушкин в 1824 году из Михайловской ссылки писал: «Вечером слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!» Но великий поэт не просто слушал по вечерам сказки Арины

Родионовны; он был одним из первых, кто стал записывать их, а позднее создал свои знаменитые сказки-поэмы.

Устная народная литература потому и называется устной, что веками, из поколения в поколение передавалась из уст в уста, хранилась лишь в памяти народа. Русская литература не знала бы ни русских былин и легенд, ни мудрых пословиц, если бы они не были записаны, собраны. В России такими первопроходцами-собираателями фольклора были А.С. Пушкин, и писатели пушкинской поры Н.В. Гоголь, В.И. Даль, А.Н. Кольцов. С тех пор на протяжении более чем полутора веков собиратели продолжают записывать и издавать сокровища народного творчества. Большой вклад в собрание и издание сокровищ народного творчества внесли В.И. Даль и А.Н. Афанасьев. «Толковый словарь живого великорусского языка» и «Пословицы русского народа» В.И. Даля сохранили на века богатства языка, пословичную мудрость народа. Также впервые были собраны и изданы в 19 веке образцы детского народного творчества, загадки, исторические песни, причитание и другие жанры фольклора. Этот век по праву называют золотым, имея в виду высочайшие достижения литературы. Он был золотым и для собирания, изучения, издания русского фольклора. Именно в это столетие фольклор стал обретать новую жизнь в литературе – в сказках А.С. Пушкина, «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя, «Былях и небылицах казака Луганского» В.И. Даля, «Аленьком цветочке» С.Т. Аксакова, «Коньке-горбунке» П.П. Ершова.

Фольклор закладывал основы не только эстетического, но и нравственного воспитания. Почти все детские сказки основаны на нравовучении. Сказочный мотив начинается с первых незамысловатых сюжетов о животных, он есть и в бытовых, и в сатирических, и в волшебных, и в богатырских сказках. При этом воспитательное значение сказок неотделимо от познавательного. Сказки – художественный способ познания окружающего мира. Не случайно их называют народной педагогической энциклопедией. Но эта энциклопедия художественная, воплощенная в образах и сюжетах. Любое нравовучение достигается здесь ненавязчиво, как бы само по себе. Такая скрытая назидательность заключена почти во всех детских сказках, смысл которых предельно прост: нельзя без спроса выходить на улицу, нельзя пить из лужицы, нельзя быть жадным.

Еще в середине 19 века известный собиратель народных сказок, демократ И.А. Худяков должен был отметить, что сказочники «вполне верят тому, что рассказывают». «Вера в языческое чудесное, – писал И.А. Худяков, – еще в высшей степени распространена в народе...» «В Жолчине одна баба, – рассказывал собиратель, – на могиле только что похороненного родственника кричала, что он летал к ней змеем. Это было летом нынешнего года». Наряду с этой нетронутой верой в чудеса

сказочники умели рассказать старую волшебную сказку с нарочитой волшебной интонацией. О том, что волшебные чудеса часто осознавались как выдумка, говорит и та ироническая концовка, которой сказочники стали кончать свои басни: «Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало». В записях более позднего времени встречаются и прямые, не оставляющие никаких сомнений в их значении концовки: Вот и сказка вся, жаль, что больше врать нельзя».

О том, что сказка придумывалась, говорят и любопытные сверхчудесные зачины такого типа: «Начинается сказка от сивки от бурки, от вещей каурки. На море, на океане, на острове на Буяне стоит Бык печеный, возле него лук толченый, и шли три молодца, зашли да позавтракали, а дальше идут похваляются, сами собой забавляются были – то мы, братцы, у такого-то места, наедались пуще, чем деревенская баба теста. Это присказка, сказка будет впереди». Такие зачины и концовки могли появиться только в те времена, когда сказочные чудеса уже не воспринимались как боль.

Осознание сказочного вымысла как особой поэтической условности определенно отразилось на сказках: «Не любо – не слушай, а врать не мешай». Каких только чудес нет в сказках?! Веселой выдумкой сказочник потешал слушателей. Но в сказочные чудеса то верили, то не верили. Н. А. Добролюбов уже в цитированной рецензии на сборник сказок А.Н. Афанасьева писал по этому поводу: «Здесь верят в одно и не верят в другое; тут рассуждают больше, там- меньше; в одном месте верование тусклее и холоднее, чем в другом; для одних уже превращается в забаву то, что для других служит предметом серьезного любопытства и даже уважения и страха. Собрать и указать подобные оттенки было бы необходимо для того, чтобы по преданиям народным могла обрисоваться перед нами живая физиономия народа, сохранившего эти предания». Итак, сказочная фантастика с ее новыми чертами развивалась не только в привычных фольклорных условиях, но и в иных формах художественного творчества. Дело в том, что фольклорная сказка, жившая в устной форме среди народа, нашла дорогу в литературу.

Мир русской народной сказки, мир чудесных предметов и происшествий – это своеобразный мир. Недаром во вступлении к поэме «Руслан и Людмила», о котором много лет спустя А.М. Горький сказал, что здесь сказки «бабушки и няньки были чудесным образом сжаты в одну», А.С. Пушкин передал ощущение русского сказочного эпоса, обратившись к чудесам русской сказки. «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет», - сказал о них поэт. Складывавшаяся веками в тесной связи с историей народа, его бытом и всей его жизнью сказочная фантастика не может не быть самобытной у каждого народа. Самобытность сказочного вымысла объясняется качествами народа, обстоятельствами происхождения и той ролью, какую играет

фантастика в народной жизни. Всем известная сказка о Золушке, особенно прославившаяся в обработке Шарля Перро, попав в Россию, подверглась самой серьезной обработке. Из сказки исчезла добрая волшебница-старуха, чудесной палочкой обратившая тыкву в позолоченную карету, а грязное платье Золушки – в роскошный наряд. В русских сказках чудеса преображения творят в одном случае голубка, в другом – рыбка, которую Золушка отпустила на волю.

Сказка служила русскому, советскому народу и продолжает служить. Даже в годы самых тяжелых испытаний войны, в это суровое время наш народ не мог жить без выдумки, без сказки. Об этих годах П.П. Бажов как-то сказал: «В начале войны было сомнение, следует ли в такое время заниматься сказкой. Но с фронта ответили и в тылу поддержали: старая сказка нужна. В ней много той дорогой были, которая полезна сейчас и пригодится потом. Недаром говорится: молодая лошадка по торной дороге легко с возом идет и о том не думает, как тяжело пришлось тем коням, которые первыми по этим местам проходили. То и в людской жизни: что ныне всякому ведомо, то большим потом и трудом прадедам доставалось, да и выдумки требовало, да еще такой, что и теперь дивиться приходится». Русская литература богата и разнообразна. Актуальность в литературе есть следствие глубокой внутренней связи писателя и народа, писателя и современности, и все жанры русской литературы в этом отношении хороши. Опыт русской классической литературы учит, что обращение к сказочному вымыслу не мешало широкому изображению жизни, а помогало этому. А.С. Пушкин в своей повести «Капитанская дочка» в главе «Мятежная слобода» заставил Емельяна Пугачева рассказать Гриневу старую калмыцкую сказку об Орле и Вороне. Сказка делает еще понятным облик мятежного Пугачева. Вместе с тем она – средство поэтизации народного вождя и особый прием, средство оценки Пугачева с точки зрения народа. Н.А. Некрасов для своей поэмы «Кому на Руси жить хорошо» взял ряд сказочных положений и композиций, и эта сказочность несколько не уменьшила реалистической силы поэмы. В сказочном Данко А.М. Горьким сделано широкое и верное обобщение жизненных фактов, говорящих о нарастании восстания. Создав сказку, писатель также не ушел в сторону от реализма. «Писатель, – говорил Борис Полевой на Втором Всесоюзном съезде советских писателей, – должен помнить, что сказка всегда, во все времена давала образное выражение лучшим духовным качествам народа, воздавала славу народной мудрости и несла в поэтических образах мечты и мысли передовых людей».

Вся история литературы, творческие поиски Пушкина, Горького и многих других русских классиков, искания ряда замечательных писателей своего времени – все свидетельствует о том, что обращение к жанру сказки вызывается стремлением найти такую

поэтическую форму, такой жанр, в котором писатель мог открыто, прямо писать от имени народа, чувствуя себя неотделимой его частицей, говорить его устами, его речью, его слогом и складом.

Список литературы

1. Аникин В.П. Русская народная сказка. – М., 1959. – 208 с.
2. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. – М., 1994.
3. Бажов П.П. Дневниковые записи. Собрание сочинений в трех томах. – Т.3. – 447 с.
4. Богатырев П. Г., Гусев В. Е. и др. Русское народное творчество. – М., 2000. – 359 с.
5. Газета «Комсомольская правда» от 3 февраля 1952г. – стр. 2-3
6. Горький А.М. Литературно-критические статьи. – М., 1937. – 700с.
7. Гусев В.Е. Эстетика фольклора. – Л., 1999. – 319 с.
8. Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений в шести томах. – ГИХЛ. – Т.1. – 728 с.
9. Фольклор народов России. – М., 2002
10. Худяков И.А. Великорусские сказки, вып.1. – М., 1860. – 158 с.

УДК 82-93

Краснова А.В.¹

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Шабалина Н.Н.¹

¹Елабужский институт Казанского федерального университета

ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ В ПОВЕСТИ А. ЖВАЛЕВСКОГО И Е. ПАСТЕРНАК «Я ХОЧУ В ШКОЛУ!»

Аннотация. *Статья посвящена анализу образа учителя в отечественной детско-юношеской литературе XXI века на примере школьной повести А. Жвалевского и Е. Пастернак «Я хочу в школу!». В работе анализируются тенденции в изображении педагога в отечественной литературе XX века, а также методы и приемы, посредством которых авторы рисуют работника системы образования, отвечающего вызовам нового времени. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что педагог должен быть для обучающихся проводником в мир знаний, выстраивая практико-ориентированные занятия, товарищем и хорошим психологом.*

Ключевые слова: школьная повесть, учитель, проблемное обучение, юношеская литература.

Krasnova A.V.¹

Research Advisor–Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Shabalina N.N.¹
¹Yelabuga Institute of Kazan Federal University

THE IMAGE OF THE TEACHER IN THE STORY OF A. ZHVALEVSKY AND E. PASTERNAK "I WANT TO GO TO SCHOOL!"

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the image of a teacher in Russian children's and youth literature of the 21st century on the example of the school novel by A. Zhvalevsky and E. Pasternak "I want to go to school!". The paper analyzes trends in the portrayal of a teacher in Russian literature of the 20th century, as well as the methods and techniques by which the authors depict an employee of the education system who meets the challenges of the new time. As a result of the study, we came to the conclusion that the teacher should be a guide to the world of knowledge for students, building practice-oriented classes, a friend and a good psychologist.*

Keywords: school story, teacher, problem-based learning, youth literature.

Образ педагога привлекает внимание писателей и поэтов не одно десятилетие: он регулярно трансформируется под гнетом общественного настроения той или иной эпохи и отражает актуальные проблемы системы образования. В отечественной литературе массовое обращение к теме школы происходит в XX веке.

Образ учителя в литературе середины XX столетия представляет собой обобщенный образ «идеального» человека. Так, педагог – это не только посредник между знаниями и обучающимися, а источник житейской мудрости. Например, в рассказе Виктора Астафьева «Фотография, на которой меня нет» об уважении к учителю говорится так: *«Учителей уважают за вежливость, за то, что они здороваются со всеми рядом, не разбирая ни бедных, ни богатых, ни ссыльных, ни самоходов. Еще уважают за то, что в любое время дня и ночи к учителю можно прийти и попросить написать нужную бумагу... Дядя Левонтий — лиходея из лиходеев, когда пьяный, всю посуду приберет, Васене фонарь привесит, ребятишек поразгонит. А как побеседовал с ним учитель — исправился дядя Левонтий»* [1]. В то же время педагог красив и внешне (*«Аккуратная, вся умная и красивая, красивая и в одежде, и в своей женской молодой поре, которую я смутно чувствовал, до меня доходил запах духов от нее, который я принимал за самое дыхание»* [6]), и внутренне (*«Поеду к себе на Кубань, а ты учишь спокойно, никто тебя за этот дурацкий случай не тронет. Тут виновата я. Учишь»* [6]) – именно таким представляется образ Лидии Михайловны в рассказе Валентина Распутина «Уроки французского».

Позднее, к концу XX века, отношение к педагогу и восприятие его современниками меняется. Эпоха перестройки оставила заметные следы на моральном облике человека – происходит подмена духовных

ценностей материальными, общественных интересов личными. В произведении Алексея Иванова «Географ глобус пропил» учитель Виктор Служкин впервые рассуждает об алкоголе, абьюзивных отношениях, одиночестве, миссии педагога с точки зрения обычного человека, а не «образца чести и благородства»: *«И вот я стою под этими созвездиями с пустыми руками, с дырявыми карманами. Ни истины, ни подвига, ни женщины, ни друга, ни гроша. Ни стыда, ни совести»* [4].

Школьная повесть «Я хочу в школу!» Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак стала феноменом в современной литературе, одновременно отвечающей вызовам исторической действительности (принятие Федерального государственного образовательного стандарта в 2010-2012 годах) и отражающей вечные вопросы образования. В рамках реализации проекта «Просвещение для будущего» был проведен опрос, согласно которому большинство респондентов негативно отзывались о мотивации учеников на обучение (3.3%), технологиях обучения (3.7%), составе учебных программ (3.8%), а наиболее веской помехой к получению качественного образования респонденты посчитали работу отдельных педагогов (43%) [5]. Эти и многие другие проблемы педагогики, не теряющие своей актуальности и на данный момент, легли в основу повести А. Жвалевского и Е. Пастернак «Я хочу в школу!».

Цель данной статьи – рассмотреть образ учителя Впалыча в повести Жвалевского и Пастернак «Я хочу в школу!» для того, чтобы определить, как в современной отечественной литературе трансформируется образ педагога и отношение к нему со стороны общественности.

Отечественный педагог Константин Ушинский говорил: *«В воспитании все должно основываться на личности учителя, потому что воспитательная сила изливается только из живого источника человеческой личности»* [7]. Виктор Павлович (или Впалыч) – один из героев произведения «Я хочу в школу!» А. Жвалевского и Е. Пастернак, представляющих инновационный взгляд на методы воспитания и обучения, на выстраивание процесса коммуникации в образовательном учреждении.

В художественном произведении выбор имени для персонажа является одним из элементов моделирующей системы: в данном случае можно предположить, что герой символизирует отказ от устоявшихся правил и неких предписаний, свойственных для системы образования, поскольку имя «Виктор» в христианстве понимается как «победа над грехом» [3]. Однако на внутритекстовом уровне мы отмечаем, что лексема «Впалыч» употребляется 131 раз, а «Виктор Павлович» – 44. По прозвищу к нему обращаются и обучающиеся, и педагоги образовательных учреждений, и зачастую сами авторы в прозаических

отступлениях – это говорит о том, что, в первую очередь, для героя отсутствует стандартизированное понимание «социальных ролей» и почитания одних вторыми («*Теперь все равно, – вздохнула Аня, – теперь я сижу и сказки сочиняю. В голове. Писать она мне не дает. И я сразу поняла, что Полину укусил ядовитый паук и из нее цвет вытекает. Ей помочь надо. Впалыч, ты поможешь?*») [2]). А во-вторых, отражает доверительные отношения между участниками вербального общения («*Юля сидела очень тихо, положив голову на руки, и смотрела на Впалыча широко раскрытыми глазами*» [2]).

Примечательно, что в произведении есть и другой педагог, имеющий прозвище – «Злыдня». Однако коннотация в обоих случаях отличается. Рассмотрим более детально. «Впалыч» – результат слияния двух форм «Виктор» и «Павлович». Можно предположить, что, таким образом, обучающиеся видят в герое и педагога (все же прозвище включает официальные инструменты для обращения), и товарища (эти инструменты носят сокращенный характер). Возвращаясь к «Злыдне», мы видим, что оборот «Впалыч» не содержит в себе унижительный характер, а наоборот, говорит о явном уважении к педагогу.

Читатель знакомится с образом учителя на первых страницах произведения: Птицы и Ежи (наименование учебных групп в школе нового типа №34) играли в «Мафию» на занятии по психологии для того, чтобы познакомиться с понятием «манипуляция» и научиться ее замечать. Благодаря этому фрагменту мы видим, что Впалыч выстраивает практико-ориентированное занятие: «*Во-первых, давайте успокоимся... Анализ нужно проводить как?*» [2], и отводит большое внимание формированию самостоятельности у обучающихся. Так, например, при возникновении разногласий между членами учебных групп учитель «*никак неотреагировал, развалившись в кресле-«груше», мягком и бесформенном*» [2]. В данном эпизоде неоднократно повторяется, что Виктор Павлович не участвует в дискуссиях между ребятами: он дает им время на то, чтобы они все обговорили, а потом, если им не удастся прийти к общему мнению, вмешивается в учебный процесс: «*Итак, продолжим, – заявил, как будто ничего не случилось*» [2].

Впалыч - квалифицированный психолог, знающий, как грамотно выстраивать общение с другими людьми, и применяющий это умение на практике. Важно, что при описании педагога дважды использовалось прилагательное «хитрый», что говорит не о двойственной натуре персонажа, а о высоких когнитивных способностях. Одним из наиболее ярких примеров является эпизод с объявлением о закрытии образовательного учреждения «нового» типа: «*Знаете, – тихо сказал Впалыч, – я два дня эту речь репетировал. Я ж психолог... Ну вы в курсе...Я все продумал. Я знаю, в какой последовательности вам нужно преподнести новости. Я консультировался...А сейчас я стою перед*

вами и понимаю, что все это сработает, конечно, но нам всем от этого не будет легче. Мне очень больно – сказал Впалыч, – но я вынужден вас огорчить. Нашей школы больше не будет» [2]. Можно предположить, что именно эта конструкция «готовился, но буду говорить от сердца» стала смягчающим фактором: ученики чувствовали, что они не одиноки в своей проблеме, и в таком же потерянном состоянии находятся и педагоги, и руководство прежней школы. Психолог в своей деятельности находил подход к каждому ребенку и взрослому, словно мимикрируя под окружающий мир. В зависимости от того, с кем говорил Впалыч, его манера и темп речи меняются: в диалоге с Молчуном психолог часто говорит двухсловными предложениями или выражает эмоцию с помощью жестов («понимающе кивнул» [2]). При встрече с эмоциональными Димой и Женей всегда владеющий собой психолог «стал рассказывать, почти так же сбивчиво и безнадежно, как только что говорили «близнецы» Женька и Дима» [2]. Это позволяет педагогу говорить с ребятами на одном языке и лучше понимать их.

О том, что Виктор Павлович является хорошим психологом, можно утверждать и потому, что герой не только учит распознавать манипуляции, но и сам дает «жизненные» уроки. Например, когда Молчун задал провокационный вопрос, Впалыч не отказался на него отвечать, но акцентировал внимание на положительной динамике развития коммуникативных способностей обучающегося: «*Так они проговорили до звонка. Вернее, говорил только Впалыч, вопросы собеседника он угадывал по мимике. Молчун ушел, полный надежд – если так пойдет дальше, скоро он сможет говорить, как все! И только потом сообразил, что Впалыч ушел от ответа» [2].*

Впалыч, будучи не только высококвалифицированным педагогом и психологом, становится для обучающихся товарищем и соратником: к нему, в первую очередь, обращаются за советом и Дима, и Молчун, и Женя: «*Надо встретиться ... И поговорить ... И найти Впалыча» [2].* Обращаются к педагогу и мысленно в трудных жизненных ситуациях: «*Димка больше всего мечтал пообщаться с Впалычем — вот кто мог выслушать тебя так, что моментально во всем разобраться» [2].*

Выстраивая диалог с обучающимися, Виктор Павлович «*выслушает всех вместе и каждого в отдельности» [2],* хвалит за небольшие достижения (например, когда Молчун пришел с заученным текстом), не поддается на манипуляции окружающих: «*Это хорошо, что она все высказала...» [2].*

Педагог с пониманием относится к своим подопечным, к особенностям их поведения и к проблемам, с которыми они сталкиваются. Так, зная о речевых нарушениях своего ученика, Впалыч подошел к Молчану, чтобы обсудить сыгранную партию в «Мафию»

наедине, и «терпеливо ждал» [2] ответа ученика. Подобное отношение прослеживалось на протяжении всего повествования, включая фрагмент повести с поддельным письмом. Несмотря на то, что учащиеся совершили большую ошибку, Впалыч не ругал их, а «с трудом подавил в себе порыв обнять» [2].

Рассмотрим детально отношения Виктора Павловича с коллегами. В эпизоде с педагогическим советом мы видим, что «половина учительниц в ужасе открыли рты, а вторая половина нервно захихикали» [2] в то время, как Впалыч открыто заявил о своей методике преподавания – это, безусловно, возвысило статус Виктора Павловича в глазах коллег, которые одновременно злились, замечая при этом свою нерешительность: «Выражение лица оппонентов Впалыча не предвещало ничего хорошего, и еще неизвестно, чем бы закончился их разговор, если бы не пришел директор» [2]. Примечательно, что откровенность в суждениях и мыслях поражала и директора, привыкшего к тому, что все перед ним (исключение составляет, верно, Злыдня) любезничали.

Подобным образом проходили занятия в «новой» школе, однако вскоре после ее закрытия педагог переходит на работу в государственное образовательное учреждение и озвучивает одну из главных проблем системы образования: «На меня навесят еще пять классов, классное руководство и заставят заполнять кучу бумажек. Я буду 80 процентов своего рабочего времени тратить на заполнение формуляров и выяснение отношений с директором, и только 20 процентов на общение с детьми. Причем из этих 20 процентов эффективными будут только 20 процентов. Остальное время уйдет в полный пшик» [2]. В своих рассуждениях он отмечает, что не только обучающимся тяжело привыкать к новой системе, но и педагогам, которые могли воплощать проектные идеи в жизнь, помогать детям исследовать мир с помощью чувственного познания, выстраивать наиболее комфортный для него тематический план занятий и работать с теми, кто действительно заинтересован в обучении.

В школе традиционного типа педагог выстраивает свою систему, непривычную для большинства обучающихся. Он предлагает своим воспитанникам разделить обязанности: «Я готов стать вашим классным, но не собираюсь тратить время на всякие планы, журналы, проверки тетрадок. Этим всем займетесь вы» [2]. Таким образом, своеобразная методика обучения, по мнению учителя, поможет не только стать ответственным и дисциплинированным, но и способна реализовать творческий и личностный потенциал каждого ребенка. Так, Алене вручили введение классного журнала, поскольку это поможет ей поверить в себя и в свои возможности, Денису, у которого имеются склонности к компьютерным технологиям – составление учебных планов, а Диме и Кошке – проверку самостоятельных и контрольных

работ, потому что именно в них Впалыч видел педагогический потенциал. Отметим, что Виктор Павлович поощрял ребят за помощь, *«вплоть до разрешения пропускать один урок из трех»* - по его замыслу, это послужило бы хорошей мотивацией к работе на начальной стадии [2].

Герой также трансформировал и образовательный процесс, заменяя традиционный метод обучения современным: *«Говорить громче я не буду. Заставлять себя слушать тем более. Кому не интересно, садитесь назад и молча занимайтесь любым другим делом»* [2]. Учитель добавил, что работать по учебникам они не будут: *«Я вам буду начитывать лекции. Пять лекций, потом проверочная работа. И сразу договариваемся – тратить свое время на то, чтобы вас контролировать, я не собираюсь. Мне совершенно все равно, записываете вы за мной или нет. Меня интересуют только ваши знания, каким путем вы их получаете – это ваше личное дело»* [2]. Таким образом, Виктор Павлович определил иную образовательную траекторию – думать, а не мыслить решениями клишированных задач. Так, при разговоре с коллегами, учитель подчеркнул, что главная задача педагога – помочь ребенку понять предмет, что возможно только тогда, когда ему интересно обучаться.

Иначе Впалыч смотрит и на оценку как способ измерения качества усвоенного материала: *«Тот, кто учится, имеет знания, он много умеет. Тот, кто не учится, ничего не умеет. И какая разница, что у него при этом стоит в журнале?»* [2]. Он подчеркивает, что сформированные компетенции должны быть превыше отчетности в документах.

Рассмотрев произведение Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак «Я хочу в школу!», мы пришли к выводу, что образ педагога в отечественной литературе регулярно претерпевает изменения: если на рубеже XX – XXI веков писатели яро говорили об учителе как об обычном человеке, то сейчас, в современной литературе, эмоциональная окраска спала. Так, Впалыч – некий обобщенный педагог современности – рассуждает и о миссии педагога, и о трудностях работы в государственных учреждениях, в числе которых объемная бумажная документация и небольшая заработная плата.

Впалыч, или Виктор Павлович – учитель психологии и математики, а также классный руководитель, успевший поработать как в школе «нового» типа, так и в традиционной, государственной. Исходя из имени и прозвища героя, мы видим, что обучающиеся относятся к нему и с уважением, и с некой товарищеской любовью: для них важны его присутствие и поддержка.

В школе №34 «нового» типа педагог выстраивает практико-ориентированные занятия и наставляет ребят, давая им возможность самим прийти к верному решению. В традиционной же школе формат

работы с учениками трансформируется: педагог читает лекции, ребята их записывают, в завершение – тест. Однако, как отвечал сам герой, задача педагога – не просто дать информацию, а преподнести ее так, чтобы детям было интересно учиться, и как следствие, они начнут понимать предмет. Вторым нововведением Впальча стало разделение труда: один ученик заполняет журнал, второй – проверяет контрольные работы, а участвовать или не участвовать в конкурсах самодеятельности будут решать сами дети. Важно подчеркнуть, что вся деятельность педагога в традиционной школе направлена на воспитание самостоятельности у обучающихся. Как уже было отмечено, Виктор Павлович является и психологом, и свои умения и знания герой проявляет на протяжении повествования. Опыт в данной деятельности позволяет не только умело высказывать свои мысли, но и умело маневрировать эмоциями и действиями других героев.

Список литературы

1. Астафьев В. Фотография, на которой меня нет [Электронный ресурс]. – URL: <https://skazki.rustih.ru/viktor-astafev-fotografiya-na-kotoroj-menya-net/> (дата обращения: 20.08.2022).
2. Жвалеvский А., Пастернак Е. Я хочу в школу! [Электронный ресурс]. – URL: <https://knizhnik.org/andrej-zhvalevskij/ja-hochu-v-shkolu/1> (дата обращения: 07.08.2022).
3. Журнал Фома [Электронный ресурс] – URL: <https://foma.ru/imya-viktor.html> (дата обращения: 05.08.2022).
4. Иванов А.В. Географ глобус пропил [Электронный ресурс]. – URL: https://www.4italka.ru/proza-main/sovremennaya_proza/327101/fulltext.htm (дата обращения: 24.08.2022).
5. Орехов В.Д. Качество образования в России [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.link.msk.ru/link/stati/2724-kachestvo-obrazovaniya-v-rossii.html> (дата обращения: 05.08.2022).
6. Распутин В. Уроки французского [Электронный ресурс]. – URL: <https://skazki.rustih.ru/valentin-rasputin-uroki-francuzskogo/> (дата обращения: 22.08.2022).
7. Соколова Л. Б., Дацковская Н. А. Личность учителя в системе развивающего обучения К. Д. Ушинского // Вестник ОГУ. 2006. №10-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-uchitelya-v-sisteme-razvivayuschego-obucheniya-k-d-ushinskogo> (дата обращения: 06.08.2022).

УДК 378.147:811.112.1

Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета (Приоритет-2030)».

Кудрявцева Е.Л.¹, Бубекова Л.Б.¹

¹Елабужский институт Казанского федерального университета

ИММЕРСИОННОЕ ЧТЕНИЕ КАК ПУТЬ К ОСОЗНАННОМУ ДЕЙСТВИЮ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЧТЕНИЯ РАССКАЗА А.П. ЧЕХОВА «ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ»)

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям работы с текстами художественной литературы с применением технологии иммерсионного чтения на уроках русского языка и литературы в школе. Автором рассмотрено понятие «иммерсионное чтение», а также кратко описаны этапы погружения в художественный текст с целью продвижения в пирамиде самоактуализации личности. Особое внимание уделено вопросу компетентностно-базированного обучения на основе перспективного иммерсионного чтения и формирования функциональной грамотности ребенка в образовании длиною в жизнь.

Ключевые слова: технология иммерсионного чтения, самоактуализация личности, образование длиною в жизнь, компетентностно-базированное образование.

This paper has been supported by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program (Priority-2030)

Kudryavtseva E.L., Bubekova L.B.

Yelabuga Institute of Kazan Federal University

IMMERSION READING AS A WAY TO CONSCIOUS ACTION (BY THE EXAMPLE OF READING A.P. CHEKHOV'S STORY "THICK AND THIN")

Abstract. This article is devoted to the peculiarities of working with texts of fiction using the technology of immersion reading in the lessons of the Russian language and literature at school. The author considers the concept of "immersion reading", as well as briefly describes the stages of immersion in a literary text in order to advance in the pyramid of an individual's self-actualization. Particular attention is paid to the issue of competence-based learning on the basis of the perspective immersion reading and the formation of a child's functional literacy in lifelong education.

Key words: immersion reading technology, an individual's self-actualization, lifelong education, competence-based education.

К сожалению, данностью XXI века является отсутствие у детей интереса к чтению. Особенно тяжелая ситуация складывается с чтением классической литературы, которая входит в обязательную школьную программу. Исправить эту ситуацию помогает осознанное чтение с погружением в лестницу контекстов текста, внимательная работа со словом, обязательный исторический комментарий и самое главное – связь с реальной действительностью.

Вдумчивый читатель «проживает» произведение художественной литературы, что помогает ему, переняв чужой опыт и адаптировав полученную информацию, перейти к осознанному действию в его жизни, не совершая тех ошибок в поведении, которые совершали вымышленные персонажи. В этом мы видим суть компетентностно-базированного образования длиною в жизнь [1].

Иммерсивность (от англ. *immersivе* – «создающий эффект присутствия, погружения») понимается как способ восприятия, определяющий фактор изменения сознания, в современном мире является важным и частым объектом изучения. Иммерсионные (в России более распространено понятие «иммерсивные») технологии подразумевают трансформацию роли педагога, выставляя акцент на проектировании многомодальной виртуальной среды, создания сценариев погружения [2]. Одного прочтения текста становится мало, учитель должен помочь ребенку в пирамиде самоактуализации личности подняться от ступенек «я вижу, я слышу» и «я чувствую» к осознанной мотивации «я хочу», получению определенного опыта – «я знаю», закреплению навыков «я умею», к возможности прогнозировать будущее и избегать негативных последствий от своих действий «я могу», «я делаю».

Иммерсионный подход известен давно, еще начиная с XIX века, если говорить именно о погружении в ситуацию. Мы же рассматриваем технологию иммерсионного (проектного) формирующего чтения как основу работы с любым типом информации.

Остановимся более подробно на прочтении всем известного рассказа А.П. Чехова «Толстый и тонкий» [3]. Уже в самом названии скрыт глубокий смысл, который требует внимательного подхода. Лексемы «толстый» и «тонкий» дети, как правило, воспринимают в данном случае как антонимы, хотя антонимия здесь только кажущаяся, ведь по отношению к человеку антонимическая пара «толстый» - «худой». Почему же мастер детали А.Чехов выбрал именно такое название? (прием проблемного вопроса, позволяющий заинтересовать учащихся). Далее для актуализации полученных знаний необходима опора на жизненный опыт самих детей, поэтому им предлагается самим составить набор ассоциаций к приведенным выше словам. Так, лексема «толстый» вызывает ассоциации с чем-то негативным, толстокожим, негибким/недеятельным, но это может быть и позитивный,

добродушный, комичный человек; лексема «тонкий» воспринимается позитивнее: тонкое душевное устройство, чувствительный, гибкий человек (слабость, робкость, эмпатия). Возвращаясь к тексту рассказа, мы получаем эффект обманутого ожидания: тонкий Порфирий жалок и вызывает отвращение; толстый Михаил, напротив, – человекоориентирован, несмотря на свой высокий статус. Включается другой ассоциативный ряд: толстый – широкий (широкая душа/ душа нараспашку, широкие жесты, тонкий – худой (тонкая душа, натура/чувствительная душа, восприимчивая, эгоцентричная; худой - то же, что плохой). Таким образом с самого начала рассказа происходит разрушение существующих и в современном мире клише и стереотипов (европейские стандарты – мир худых; российские – мир полных) – за счет многозначности на уровне лексики, соотношения слов со смыслом (индивидуальным, зависящим от человека).

Еще один проблемный вопрос: почему встреча друзей детства происходит именно на вокзале? Не в поезде, ресторане, театре... Ответ очевиден: в других общественных местах эти люди вряд ли бы вообще встретились в силу разницы в финансовом положении и социального статуса. Вокзал введен в сюжет как место неожиданных столкновений, смешения совершенно разных элементов общества; сюда же входит подтекст «человек в пути» как становление, развитие личности, «обнаженный человек», более открытый для окружающих, чем в обычной жизни. Даже дорожная одежда нивелирует социальную разницу, в то время как гражданская шинель (одежда для асессора и тайного советника по табели о рангах) в иной ситуации сразу выдала бы статус персонажей.

Еще одна интересная говорящая деталь рассказа, очень важная на ступени «я чувствую», – запахи пищи и напитков как отражение статуса героев: запах кофейной гущи и ветчины (средний слой общества, скорость, спешка) и херес и флер-д'оранж/духи (высший слой общества, неторопливое наслаждение жизнью). Клише, закрепившиеся в обществе: «тонкий человек» – это худоба, слабость; тонкость души или изворотливость, отсюда выражение «влезть в угольное ушко»; «толстый» – толстокожий, самодовольный человек или, напротив, широта души, доброта. В рассказе А.П. Чехова мы видим разрушение стереотипов, ведь чиновник высокого ранга оказывается более человечным и приятным в общении, нежели обычный служащий. Именно подобострастное отношение к вышестоящим по званию или уровню жизни формирует модель их поведения. Фактически, эта модель навязывается им существующими в обществе стереотипами. В процессе обсуждения нужно предложить ученикам подумать над вопросом: «Есть ли возможность у Тонкого стать Толстым?»

Перейдем к описанию персонажей рассказа. Портрет в рассказе дан как характеристика стиля жизни, диктующего характер. Следует ли Чехов клише и стереотипам, давая портретную характеристику?

В тексте отсутствует развернутое описание внешности. Персонажей характеризует их речь и манера поведения. Показательно, что объекты, к которым относятся и члены семьи Тонкого, и его многочисленный багаж связаны с Тонким как жизненный опыт и воспринимаются как довески, обусловленные нехваткой собственной значимости. Этот персонаж дан на вокзале жизни, в движении. Толстый показан на вокзале в статике: это всего самостоятельно достигший и не нуждающийся в подтверждении собственной значимости человек, его довольство жизнью, независимость от оценки окружающих.

Следующий вопрос, нуждающийся в обсуждении: с какой целью трижды (утрировано) повторено представление семейства Тонкого – Толстому? (таким образом писателем мастерски поднимается вопрос самостоятельности и самооценки личности). Семья, как и вещи, является показателем жизненного пути. Для несамодостаточного человека, каким в рассказе является Тонкий, жена и сын – как костыли, их статус плюсуется Тонким к своей недостаточности, тем самым семья выступает как доказательство положительного опыта, некоей успешности в понимании Тонкого, относящегося к среднему слою общества. Без семьи он как бы неполноценен на той ступеньке статусной лестницы, на которой он стоит. Не случайно у Тонкого даже жена – немка-протестантка, для которой свойственна полное подчинение супругу. Вспомним выражение, которым характеризуется воспитание женщин в протестанстве: *Kinder, Küche, Kirche* (с нем. – «дети, кухня, церковь»). Кто в основном говорит в рассказе и почему? Тонкому кажется, что ему есть чем поделиться (история жизни и современность). Он не самодостаточен, нуждается во внешнем одобрении и оценке (зависим от внешнего мнения). Толстый молчалив позитивно (светится радостью, восхищен другом), он не оценочен, над оценками; самодостаточен (вне атрибутов успешности внешних). Оценочность или ожидание оценки – это элементы статусного мышления, раскладывания всего по полочкам, характерные для среднего и низшего класса).

Показательно для внимательного читателя, что в рассказ введены детали школьного детства, далеко не самого благодушного свойства (Толстый Миша – хулиган, получивший прозвище Герострат, по имени человека, который сжег храм Артемиды, Тонкий Порфирий – ябеда, получивший прозвище предателя Эфиальта). Можно ли на основе деталей из детства предположить различный статус персонажей в будущем? В рассказе не говорится о родителях, таким образом как бы не указывается их влияние на формирование будущего приятелей. Но, поскольку друзья учились в одном классе, они относились к одному

социальному слою общества с примерно одинаковым финансовым положением (дворянское происхождение). То есть, стартовые условия у них были одинаковы. После выхода из школы прошло одно и то же время – но статусы у бывших друзей кардинально различаются (коллежский ассессор – чин после вуза, значит Тонкий ничего больше не достиг, а вот Толстый в итоге становится чиновником 3 ранга, одним из 553 тайных советников).

А теперь зададимся вопросом: «Человек формирует окружающий мир или мир формирует человека?» В утвердившемся представлении именно общество оказывает влияние на становление личности, а вот в рассказе именно человек – строитель своей судьбы. Мы снова видим разрушение стереотипа! Все зависит от человека.

Что дает фраза конца рассказа: «Все трое были приятно ошеломлены» (в начале «*Оба были приятно ошеломлены*»)? Тонкий не осознает, что потерял друга (преклонение перед чином, а не перед личностью, человека; различием сегодня, а не общим прошлым), обретя постороннего высокопоставленного чиновника.

Статус (в представлении/стереотипах большинства) – это утрата человечности его носителем. Мы же видим, что в рассказе А.Чехова происходит неприятие Толстым – подозрения его Тонким в статусности как цели жизни, а значит, в уходе от человеческого «Я». А ведь именно человеческое «Я» подчеркнуто в Толстом в начале рассказа через наслаждение пищей, жизнью). Таким образом, авторская интенция заключается в том, что чиновников делают ожидания их окружения (стереотипы толпы, общества).

Можно ли назвать рассказ «юмористическим»? Нет, в рассказе представлена совершенно несмешная ситуация. Рассказ критический, в нем присутствует сарказм, критика общества, которое опирается на статусы.

В процессе обсуждения проблемных вопросов ученик приходит к получению определенного опыта, выбору собственной жизненной позиции и осознанной модели поведения в социуме (ступень «я знаю»), закреплению навыков межличностного общения (ступень «я умею»), к возможности прогнозировать собственное будущее и избегать негативных последствий от своих действий, обусловленных стереотипами, навязываемыми обществом (ступени «я могу», «я делаю»).

В заключение еще раз подчеркнем, что суть технологии иммерсионного (проектного) формирующего чтения заключается в пошаговом погружении в текст, что мы постарались показать на примере работы с текстом рассказа А.П. Чехова «Толстый и Тонкий» через постановку проблемных вопросов и внимание к деталям. В результате такого компетентностно-базируемого обучения происходит саморазвитие читателя. В конечном итоге человек начинает

воспринимать все окружающее, любой объект и любое изображение, являющееся носителем информации, как текст, который может быть «прочитан» внимательным (мотивированным) и опытным (осознанным) читателем. Именно так происходит развитие функциональной грамотности личности.

Список литературы

1. Кудрявцева Е.Л., Мартинкова А.А., Эсаулова Е.В. Технология перспективного (иммерсионного) чтения с этнокультурной доминантой. – URL: <https://edrid.ru/rid/217.015/946d.html> (дата обращения: 05.09.2022).
2. Тарасова А.А. Влияние перспективного (иммерсионного) чтения на развитие критического мышления ребенка // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. – 2021. – № 05 (58) – С. 28-35.
3. Чехов А. П. Толстый и тонкий: Рассказы: [Для сред. и ст. шк. возраста]. – М.: Сов. Россия, 1989. – 76 с.

УДК 81'367.625.41

Милютина М.Г.

Удмуртский государственный университет

КОНСТРУКЦИИ С ИНФИНИТИВОМ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ВНУТРЕННЕГО МОНОЛОГА В РОМАНЕ Г. ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»

Аннотация. В статье рассматривается один из интересных способов субъективации авторского повествования — конструкции с инфинитивом (в том числе так называемое инфинитивное письмо), — которые автор романа «Зулейха открывает глаза» использует для воссоздания внутреннего мира главной героини. Субъективация повествования происходит путём преобразования его то в несобственно-прямую, то во внутреннюю речь (внутренний монолог и внутренний диалог); активное участие в таких преобразованиях принимают инфинитивы. Инфинитивное письмо позволяет Г. Яхиной создать тревожную ситуацию самоконтроля и саморегуляции, в которой находится главная героиня романа Зулейха. С помощью конструкций с инфинитивом формируются эксплицитно и имплицитно выраженные значения деонтической модальности (запрет, необходимость, приказ, безальтернативное и непереносимое потенциальное), а точка зрения персонажа выстраивается так, чтобы она тесно взаимодействовала с точкой зрения автора, пересекалась с ней.

Ключевые слова: субъективация авторского повествования, конструкции с инфинитивом, художественный текст, внутренняя речь.

Milyutina M.G.
Udmurt State University

CONSTRUCTIONS WITH AN INFINITIVE AS A WAY TO CREATE AN INTERNAL MONOLOGUE IN G. YAKHINA'S NOVEL "ZULEIKHA OPENS HER EYES"

***Annotation.** The article considers one of the interesting ways of subjectivating the author's narrative - the so-called infinitive letter, which the author of the novel "Zuleikha opens his eyes" uses to recreate the inner world of the main character. The subjectivation of the narrative occurs by converting it either into non-direct, then into internal speech (internal monologue and internal dialogue); chains of infinitives take an active part in such transformations. Constructions with infinitive allow G. Yakhina to indicate an alarming situation of self-control and self-regulation, in which the main character of Zuleich's novel is located, Infinitive constructions help to form different meanings of deontic modality (prohibition, necessity, order, uncontested and indispensable potential) and to build the character's point of view so that it closely interacts with the author's point of view, intersects.*

***Key words:** subdivision of author's narrative, constructions with infinitive, artistic text, internal speech.*

Роман Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза», появившийся в печати в 2015 году, быстро завоевал читательские симпатии и привлёк к себе внимание исследователей-филологов [12, 13, 14], отметивших психологическую точность и глубину авторской манеры повествования, а также сближение авторской речи и речи персонажей как особую стилистическую черту писательского почерка Гузель Яхиной 13].

Традиционно выделяют две базовые композиционно-речевые формы изложения – авторскую речь и речь персонажа. Последняя противопоставляется авторской речи и обозначается также как «чужая речь». Чужую речь, в свою очередь, принято условно делить на внешнюю (произнесенную) речь и внутреннюю (непроизнесенную) речь.

Изучение чужой речи в ткани художественного текста – одна из главнейших проблем лингвистики текста, в её исследование внесли свой вклад выдающиеся филологи М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Б.Н. Успенский, В.В. Одинцов, А.И. Горшков и др. Благодаря исследованиям этих учёных закрепилась терминология, обозначающая ключевые понятия в этой области исследования текста: *многоголосие, диалогизация, несобственно-прямая речь, точка зрения, субъективная сфера, внутренний монолог, внутренняя речь* и некоторые другие.

В последние десятилетия много сделали для углубленного изучения этой проблемы И.В. Артюшков, Н.А. Балякова, А.В. Иванова, Н.А. Кожевникова, В.А. Кухаренко, Н.А. Николина и другие исследователи.

В современной лингвистике внутренняя речь как важнейший элемент художественного произведения осмысливается и в психолингвистическом аспекте интраперсонального общения [4].

На сегодняшний день следует констатировать разнообразие исследовательских подходов к рассмотрению чужого слова, а также отсутствие терминологического единства в его описании. Чтобы преодолеть логический дискомфорт и терминологическую рассогласованность, И.В. Артюшков предлагает разграничить психологический, психолингвистический, литературоведческий и лингвистический аспекты исследования внутренней речи. В данной статье мы присоединимся к этой точке зрения и будем придерживаться лингвистического аспекта.

Исследователи отмечают, что внутренняя речь напоминает внешнюю, но она не рассчитана на участие в коммуникативном акте, а носит самонаправленный характер [5]. Принято также проводить различие между внутренней речью как понятием, имеющим психологическую природу, и внутренней речью в художественном произведении. В рамках последнего внутренняя речь изображается, поэтому её называют также «изображённой внутренней речью» [4] и «художественно изображённой внутренней речью» [2, с. 14]. Таким образом, изображённая внутренняя речь – это композиционно-стилистическая репрезентация внутренней речи в художественном произведении [9, с. 5]. Художественный аналог внутренней речи нужен писателю для того, чтобы ввести читателя во внутренний мир персонажа и сделать его понятным для него [8, с. 162].

По определению И.В. Артюшкова, художественно изображённая внутренняя речь – это воображаемая внутренняя речь, образ естественной внутренней речи, который сложился на основе личного опыта писателя, определился его творческой фантазией и воплотился с помощью определенных языковых средств [1, с. 66].

Опираясь на типологию И.В. Артюшкова и В.А. Кухаренко, будем считать внутренний монолог разновидностью художественно изображённой внутренней речи персонажа. Внутренний монолог, по мнению В.А. Кухаренко, является основной формой внутренней речи. Именно в нём раскрывается психологический облик героя в истинном виде [8, с. 166]. Кухаренко относит несобственно-прямую речь (далее сокр. – НПР) к сфере автора, а внутреннюю речь и внутренний монолог как её разновидности – к сфере персонажа. Примем эту точку зрения.

Мы обратили внимание на то, что в анализируемом далее отрывке для конструирования НПР и внутренней речи персонажа Гузель Яхина активно использует конструкции с инфинитивом, которые представлены в том числе серийно и позволяют ей выстроить субъективную сферу повествования.

Инфинитив (особенно независимый), лишённый практически всех глагольных категорий и являющийся по своей грамматической сути глагольным номинативом (В.В.Виноградов), считается одной из самых загадочных глагольных форм. Несмотря на то, что он находится на «окраине» как грамматической, так и синтаксической системы координат, инфинитив, включённый в текст, обладает огромной прагматической силой, открывая потенциальные возможности как для выражения разных типов модальности, так и для выражения разных типов субъектов; в частности, при незаполненной субъектной позиции при инфинитиве возможен неоднозначный подразумеваемый датив [РКГ]. Не случайно на инфинитив как особый грамматический феномен обращали и обращают внимание многие отечественные и зарубежные лингвисты, классики и современники, среди которых следует назвать А.А. Потебню, В.В. Виноградова, О. Есперсена, Л. Теньера, М.А. Шелякина, Г.А. Золотову, О.Н. Панченко, В.М. Брицына, С.Я. Гехтляр, В.А. Плунгяна и других.

На особенности инфинитивной техники, проявляющей себя прежде всего в поэтическом тексте, обратили внимание как лингвисты, например, О.Н. Панченко, так и литературоведы, например, А.К. Жолковский, а вслед за ними и многие другие современные исследователи, например, О.А. Змазнева, А.Н. Черняков.

О.Н.Панченко описала грамматико-поэтические особенности инфинитивных рядов, следуя традициям поэтического синтаксиса [10].

В работах А.К. Жолковского разных лет (начиная с 2000 года и заканчивая 2020) используется термин метафорического/метонимического характера – «инфинитивное письмо», обозначающий особенности организации поэтических текстов с доминантным участием инфинитивов. Этот исследователь понимает инфинитивное письмо довольно широко, относя к нему отнюдь не только наиболее «чистую» его синтаксическую разновидность – конструкции с независимым инфинитивом. По его мнению, существует и другой, менее впечатляющий, но широко распространенный тип инфинитивного письма – достаточно длинные (не короче трех членов) инфинитивные серии, зависящие от управляющих слов/конструкций [7, с.9-10]. Интересно, что в последней из своих работ Жолковский констатирует наличие инфинитивного письма не только в поэтическом, но и в прозаическом тексте [7].

Отметим, что в поэтических текстах разных авторов синтаксические особенности этого инфинитивного письма ещё не до конца исследованы, а изучение этого типа письма в прозе только намечено: в 2013 году появилась статья В.А.Плунгяна [11], в которой с опорой на работу [Kor Chahine, Tortera 2006] применяется другая терминология к функционированию инфинитивов в нарративе, как представляется, наиболее подходящая для нашего случая: используется

термин «нарративный инфинитив». Этот термин пока ещё не закрепился, поэтому он закавычен, в отличие от термина А.К. Жолковского, который уже прочно обосновался в филологии.

То, о чём пишет А.К. Жолковский, в лингвистике принято называть зависимым и независимым инфинитивом. В первом случае инфинитив является синтаксическим актанта́нным либо сирконстантным аргументом некоторой лексемы (глагола, предикатива или существительного). Во втором случае инфинитив занимает позицию предикативной вершины, т. е. сказуемого [20; 11]. Различные случаи употребления инфинитивных конструкций разного типа обсуждаются Е.В. Падучевой в Русской корпусной грамматике.

Рассмотрим отрывок из самого начала романа «Зулейха открывает глаза» (Часть первая. Мокрая курица. Один день). Это 3, 4, 5 и 6 абзацы, открывающие роман. Для удобства восприятия анализируемый контекст размечен. Абзацы пронумерованы. Переходы от одного структурно-композиционного типа речи к другому обозначены прописными буквами; начало каждого отрывка помечено косой чертой. Слова со значением долженствования и необходимости выделены жирным шрифтом, инфинитивы выделены жирным курсивом.

I. АУКТОРИАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ (НАРРАТИВ):
*/Зулейха бесшумно спускает на пол одну босую ногу, вторую, опирается о печь и встает. За ночь та остыла, тепло ушло, холодный пол обжигает ступни. ПЕРЕХОД ОТ РЕЧИ АВТОРА К НПР: / **Обуться нельзя** – бесшумно **пройти** в войлочных кота **не получится**, какая-нибудь половица да и скрипнет. Ничего, Зулейха потерпит. / АУКТОРИАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ (НАРРАТИВ): / **Держась** рукой за шершавый бок печи, **пробирается** к выходу с женской половины. Здесь узко и тесно, но она помнит каждый угол, каждый уступ – полжизни скользит туда-сюда, как маятник, целыми днями: от котла – на мужскую половину с полными и горячими пиалами, с мужской половины – обратно с пустыми и холодными.*

II. ПЕРЕХОД К НПР В ФОРМЕ ВНУТРЕННЕГО ДИАЛОГА:
*/Сколько лет **она** замужем? Пятнадцать из своих тридцати? Это даже больше половины жизни, наверное. **Нужно** будет **спросить** у Муртазы, когда он будет в настроении, – пусть подсчитает.*

III. ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ ПЕРЕХОДИТ ВО ВНУТРЕННИЙ МОНОЛОГ: */**Не заплутеть** о палас. **Не удариться** босой ногой о кованный сундук справа у стены. **Перешигнуть** скрипучую доску у изгиба печи. Беззвучно **прошмыгнуть** за ситцевую чаршау, отделяющую женскую часть избы от мужской... Вот уже и дверь недалеко./*

IV. АУКТОРИАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ, НАПОМИНАЮЩЕЕ РЕМАРКИ: */Храп Муртазы ближе./ ВНУТРЕННИЙ МОНОЛОГ?/ДИАЛОГ?: / Спи, спи ради Аллаха. Жена*

не должна таиться от мужа, но что поделаешь – приходится (Г. Яхина. «Зулейха открывает глаза»).

Два первых предложения первого из рассматриваемых абзацев — это аукториальное повествование, по-другому, нарратив, выстроенный от 3-го лица (от лица Зулейхи) и опирающийся на формы настоящего изобразительного времени (*спускает, опирается, встаёт, обжигает*) и прошедшего времени (*остыла, ушло*). В третьем предложении с помощью инфинитивов происходит переключение на точку зрения персонажа: **Обуться нельзя – бесшумно пройти в войлочных кота не получится, какая-нибудь половица да и скрипнет. Ничего, Зулейха потерпит**. Перед нами НПР, в которой речь автора и персонажа тесно связаны друг с другом, в ней всё ещё есть третье лицо (*Зулейха потерпит*), но уже произошла перестройка речи на разговорный манер: об этом свидетельствует отсутствие маркёров, которые оформляли бы причинно-следственные отношения (нет союза *потому что*), темо-рема-тическая прогрессия выстроена с точки зрения важности информации для персонажа (сначала запрет, а затем его пояснение), кроме того, появляется разговорная частица *да и*. О точке зрения персонажа сигнализирует и появление в начале следующего предложения разговорного наречия *ничего* в функции сказуемого в значении `Что-л. удовлетворяет, кажется сносным` [17].

Субъектная сфера персонажа в анализируемом отрывке находится в сложном взаимодействии с субъектной сферой автора. Интересно, что в данном случае (речь идёт всё ещё о третьем предложении) это выражается не просто чередованием точек зрения автора и персонажа, но их контаминацией, прямым совпадением. Такое оказывается возможным благодаря употреблению инфинитивов с открытой позицией дативного субъекта (Е.В. Падучева называет такой тип субъекта «подразумеваемый дативный субъект») [20]. *Обуться нельзя, пройти не получится* — это мнение всеведущего автора (ей, Зулейхе, 3 лицо) или уже точка зрения персонажа, Зулейхи (мне, 1 лицо)? Очевидно, и то и другое. По мнению исследователей, НПР — самый сложный способ организации речевых партий автора и персонажа, получивший большое распространение в литературе XX в. Голоса автора и персонажа в ней часто настолько переплетаются, сливаются, что трудно найти границу между ними [3, с. 179].

В пятом и шестом предложениях первого абзаца снова представлен голос автора.

Второй абзац полностью переключает нас на речь персонажа. Здесь можно обнаружить уже даже не внутренний монолог, а, скорее, внутренний диалог главной героини с самой собой. В седьмом предложении сначала представлена всё ещё НПР (есть третье лицо – она), а дальше идёт диалог героини с самой собой. О наличии диалога свидетельствуют вопросительные предложения. В следующем

предложении второго абзаца снова видим инфинитив *нужно будет спросить*. Действие, обозначенное в нём, направленно в будущее и имеет характер побудительной необходимости.

В третьем абзаце представлена цепочка независимых инфинитивов, которые завершает номинативное предложение (последнее отделено от цепочки инфинитивов многоточием). Перед нами яркий образец внутреннего монолога, в котором героиня планирует, контролирует и параллельно осуществляет свои действия. В.А.Кухаренко отмечает: «Читатель получает представление о герое «из первых рук», заглянув в его внутренний мир. Наедине с собой герой размышляет, вспоминает, анализирует, планирует» [8, с. 166].

Внутренняя речь персонажа изображает его психологическое состояние: Зулейха внутренне напряжена, её внутренняя речь, выражаясь языком психологии, имеет саморегулятивный характер. Она протекает в условиях необходимости (нужно поступать правильным образом, двигаться бесшумно, подчиняя свои действия определённому плану) и связана с запретом: нельзя зашуметь и разбудить мужа. По сути это самоприказ, который в психологии понимается как словесное, повелительное воздействие на самого себя, свое психическое состояние, поведение <...> Самоприказ формируется в ходе тренировок на преодоление себя, когда необходимое действие начинается сразу после отдачи самоприказа. В итоге вырабатывается связь между внутренней речью и действием. Самоприказ является своего рода пусковым стимулом [18, с. 254]. Цепочка из четырёх независимых инфинитивов: *не запнуться, не удариться, перешагнуть, проشمыгнуть* – обозначает с помощью акциональных глаголов СВ запланированную последовательность конкретных действий. С помощью инфинитивов при этом обозначены побуждение и динамическая необходимость, связанные с выражением деонтической модальности [19; 11]. Отметим, что в данном контексте необходимость является волонтактивной, требующей для своей реализации волевых предпосылок, направленных на обеспечение реализации действия [15, с.150]. Отмеченная модальность представлена здесь имплицитно, но в явном виде была задана предикативом *нельзя* ещё в первом абзаце анализируемого контекста. Как уже было отмечено, завершающее инфинитивную цепочку предложение заканчивается у Г.Яхиной многоточием, что не случайно, ибо автор делает явный намёк на продолжение этой цепочки, которую читатель должен домыслить.

В первом предложении четвёртом абзаца сначала представлено аукториальное повествование, напоминающее своей краткостью и функциональной направленностью драматические ремарки. А затем авторская речь снова переходит во внутренний монолог (или даже диалог) персонажа, в котором снова использован инфинитив с отрицательным модальным прилагательным *не должна таиться*. Эта

двусоставная конструкция не рассматривалась до сих пор как репрезентирующая инфинитивное письмо, но, как представляется, в данном случае она участвует в формировании того типа модальности, который необходим автору и в формировании которого участвуют другие конструкции с инфинитивом, предшествующие ей. В корпусной грамматике отмечается, что слово *должен* во всех своих значениях взаимодействует с отрицанием «не» композиционно: *не должен* чаще всего значит то же, что *должен не*. Фактически *не должен* значит ‘не может’ [20]. Необходимость здесь проявляется через закреплённое правилами отсутствие возможности.

Таким образом, в субъективации авторского повествования путём преобразований его то в несобственно-прямую, то во внутреннюю речь (внутренний монолог и внутренний диалог) активно участвуют конструкции с инфинитивом разного типа.

При этом в первом и втором абзацах представлены зависимые инфинитивы: *обуться нельзя, пройти не получится, нужно будет спросить*, с главным словом глаголом или предикативом. Главные слова выражают модальные значения эксплицитно и формируют целый шлейф значений деонтической модальности: запрет (нельзя), невозможность (не получится), необходимость, направленную в будущее (нужно будет). Значение запрета оказывается сформированным и двусоставным предложением четвёртого абзаца *Жена не должна таиться*.

В третьем абзаце безальтернативное и непереносное потенциальное прямо превращается в актуальное благодаря использованию цепочки независимых инфинитивов, выражающих модальное значение имплицитно. Эта цепочка считается наиболее явным репрезентантом инфинитивного письма.

По мнению Людмилы Улицкой, Гузель Яхина возвращает читателя к словесности точного наблюдения, тонкой психологии (из вступления Л. Улицкой к книге). И в этом, несомненно, ей помогает инфинитивное письмо.

Роль инфинитивов, применённых в самом начале повествования для создания напряжённой психологической обстановки, в которой находится подавленная мужем и свекровью главная героиня текста, велика. Инфинитивное письмо («инфинитивный нарратив») позволяет автору романа с самых первых абзацев погрузить читателя во внутренний мир Зулейхи и тонко охарактеризовать её психологическое состояние, что позволяет предположить наличие у Г.Яхиной особого способа субъективации повествования. Применяется ли этот способ автором романов в качестве основного инструмента для создания чужого слова, сможет ответить более глубокое и развёрнутое исследование.

Список литературы

1. Артющков И.В. Аспекты исследования внутренней речи. Филологические науки. – 1997. – №4. – С.66-75.
2. Артющков, И. В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе: На материале романов Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого: Автореф. дис. ... доктора филологических наук. – Москва, 2004. – 46 с.
3. Бабенко Л.Г. Казарин Ю.П. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. 3-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 496 с.
4. Блох М.Я., Сергеева Ю.М. Внутренняя речь в структуре художественного текста. МПГУ; Москва, 2011. – 179 с.
5. Бондарук Е.В. Способы передачи внутренней речи персонажей в художественном произведении. Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – №5. – С.71-76.
6. Жолковский А.К. Бродский и инфинитивное письмо. Материалы к теме. НЛО 45, 2000. – С. 187–198.
7. Жолковский А. Русская инфинитивная поэзия XVIII–XX веков. В кн. Антология / Составление, вступ. ст. и примеч. А.К. Жолковского; науч. ред. М.В. Акимова. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 560 с.
8. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
9. Логинов А.В. Вопросительное предложение и вопросно-ответный комплекс во внутренней речи персонажа художественного реалистического произведения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1992. – 18 с.
10. Панченко О.Н. Номинативные и инфинитивные ряды в строе стихотворения. В кн.: Очерки истории русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста. Отв. ред. Е.В. Красильникова. – М.: Наука, 1993. – С. 81–100
11. Плулган В.А. «Нарративный инфинитив» в русском языке: к классификации контекстов. В сб. научн. трудов к юбилею А.И. Кузнецовой: Лингвистический беспредел – 2. – М.: МГУ, 2013. – С.352-360.
12. Салимова Д.А., Солунова Я.А., Сравнительный анализ речевых портретов персонажей романа г. Яхиной «Зулейха открывает глаза». – Ученые записки НовГУ. – 2019. – 7 (25). – С. 9.
13. Солунова Я. А. Внутренняя речь персонажа как один из маркёров своеобразия писательского почерка Гузель Яхиной. // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований: сборник статей V

Международной научно-практической конференции. Научная общественная организация «Цифровая наука». – 2020. – С.115-122.

14. Тугушева Э. Ф. Этнокультурное своеобразие хронотопа в романах Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и А. Ганиевой «Жених и невеста». – Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2018. – (3). – С. 351-355.

15. Хузина Е.А. Модальность необходимости и долженствования конструкций с инфинитивом-сказуемым (на материале русских пословиц и поговорок). Вестник ЧелГУ. – 2011. – (8). – С.147-152.

16. Kor Chahine I., Tortera T. F. Infinitif et impératif de narration en français et en russe. L'Information Grammaticale. Paris. – 2006. – (109). – С. 45-51.

Словари, справочники, грамматики

17. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 20.09.21).

18. ВПС – Военно-психологический словарь-справочник / под общ. ред. Ю.П. Зинченко. М.: ИД Куприянова / Общество психологов силовых структур, 2010. 592 с.

19. РГ-80 – Русская грамматика: [В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. М.: Наука, 1980. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5314> (дата обращения 20.09.21).

20. РКГ – Русская корпусная грамматика. [Электронный ресурс]. URL: http://rusgram.ru//Конструкция_с_независимым_инфинитивом#14 (дата обращения 20.09.21).

УДК 372.888.1

Пупышева Е.Л.

Елабужский институт Казанского федерального университета

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Аннотация. Предметом рассмотрения в данной статье является статус методики преподавания русского языка в концепции ведущих тенденций современного образования. В ходе работы были использованы такие методы исследования, как: анализ научной литературы по теме исследования, изучение опыта работы ученых-методистов, которые позволили выявить и описать основные концептуальные положения профессиональной подготовки будущего учителя.

Ключевые слова: модернизация школьного образования, методика преподавания русского языка, русский язык.

Pupysheva E.L.

Yelabuga Institute of Kazan Federal University

METHODS OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AT A PEDAGOGICAL UNIVERSITY: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Abstract. *The subject of consideration in this article is the status of the methodology of teaching the Russian language in the concept of the leading trends in modern education. In the course of the work, such research methods were used as: analysis of scientific literature on the research topic, study of the experience of methodologists, which allowed to identify and describe the main conceptual provisions of the future teacher's professional training.*

Keywords: modernization of school education, methods of teaching the Russian language, the Russian language.

Методика преподавания русского языка (МПРЯ) является одной из ведущих дисциплин педагогического цикла, преподаваемых на филологическом отделении в педвузе. Основная цель курса – подготовка студентов к педагогической (профессиональной) деятельности. С одной стороны, методика преподавания русского языка – это синтетическая наука, т.е. система фундаментальных положений из различных областей науки: дидактики, языкознания, философии, психолингвистики, теории речевой коммуникации, лингвокультурологии, герменевтики, психолингвистики и т.д. С другой стороны, она рассматривает вопросы обучения русскому языку как средству воспитания языковой личности.

На современном этапе методика преподавания русского языка – это интегративная, вариативная система, которая органически связана с разными видами духовного производства и не может находиться в стороне от новых приоритетов государственной политики в области национального образования в 21 в., от разработки современных федеральных государственных образовательных стандартов; она не может игнорировать и не учитывать развитие лингвистической науки, глобальные перемены в вузовской системе профессионального образования.

А.Д. Дейкина и В.Д. Янченко в статье «Тенденции в отечественной методике преподавания русского языка» на основе анализа фундаментальных научных трудов (А.В. Текучев, М.Т. Баранов Е.А. Быстрова и др.) отмечают наиболее прогрессивные направления современной методической мысли:

– акцентирование места и роли русского языка в общемировой культуре и культуре русского народа, его аксиологического (ценностного) статуса в системе образования, его значения для формирования толерантного отношения к миру;

– обеспечение целостности изучаемого предмета, акцентирование внимания на том, что родной язык – целостный организм и все, что в нем познается дискретно, существует не само по себе, а в сложнейших взаимосвязях с другими факторами, явлениями, закономерностями;

– внимание к личности ученика, учет его способностей, развиваемых в большой степени на основе успешности познания родной культуры, родного языка;

– сохранение и поддержание интереса учащихся к культуре русского языка, культуре родной речи [2, с. 6].

Очевидно, что в системе современного образования, в частности в обучении русскому языку, произошла переориентация образования со знаниецентрического на культуросообразное, или традиционно-инструментального подхода на личностно-ориентированное, развивающее обучение. Ведущей идеей в данной концепции является не просто обучение как суммы знаний, умений и навыков, а формирование и становление личности, развитие его soft skills. Данные тенденции и переориентацию парадигмы образования нельзя не учитывать при изучении методики как дисциплины в педагогическом вузе [4].

Следует отметить, что на сегодняшний день появились попытки свести МПРЯ или до уровня практической методики, или подменить содержание данной дисциплины педагогическими технологиями. Все это не может не вызывать тревоги, потому что игнорируются методологические закономерности в области методики, история становления методической мысли.

Таким образом, возникает закономерный вопрос о статусе методики в системе вузовского преподавания в педагогическом вузе. Так, в 2005 году традиционный вузовский курс назван разработчиками Стандарта бакалавров филологического образования «Технологии и методики обучения (по дисциплинам профильной подготовки)». Основное внимание уделялось только базовым технологиям обучения, нет ни слова о методологических основах изучаемой дисциплины; понятие методика обучения автоматически заменяется другим понятием технологии обучения [1]. Получается, что МПРЯ автоматически лишалась статуса науки и приравнивалась к технологии обучения, а богатейшие традиции в области подготовки учителя словесности были сведены на нет. Согласно такому Стандарту педагогические вузы должны были готовить не профессионального учителя-предметника, а технолога или в области литературы, или русского языка, который будет применять определенную технологию обучения.

В настоящее время ситуация претерпела существенные изменения в плане восстановления статуса дисциплины и понимания

того, какую роль играет она в становлении профессиональной компетентности будущего учителя, но не количестве часов, выделенных для изучения данной дисциплины, которые сократились примерно на треть [5]. Многолетний опыт преподавания данной дисциплины в вузе показывает, что для того, чтобы стать высококвалифицированным специалистом, будущие учителя должны усвоить как общие методологические вопросы, так и теорию и методику изучения отдельных разделов.

Можно предложить следующую структуру и содержание изучения МПРЯ, которая изучается на основе линейно-ступенчатого принципа с 3 курса по 4 курс (6-8 семестры) и в полной мере способствует подготовке компетентного учителя-предметника. Изучаемая дисциплина разбита на четыре базовых модуля в соответствии с формируемыми компетенциями:

1. Общие вопросы теории и методики обучения русскому языку.
2. Теория и методика изучения отдельных разделов школьного курса (формирование языковой, лингвистической и правописной компетенций).
3. Теория и методика развития связной речи учащихся (формирование коммуникативной, этнокультуроведческой компетенций).
4. Углубленное и коррекционное изучение русского языка (формирование коммуникативной, этнокультуроведческой компетенций).

В содержание каждого модуля входят следующие темы (см. ниже).

Общие вопросы теории и методики обучения русскому языку. Филологическое образование на современном этапе. Образовательное и воспитательное значение русского языка как учебного предмета в средней школе. МПРЯ как научная дисциплина, ее фундаментальные понятия. Основные тенденции в отечественной методике на современном этапе. Методическая система русского языка. Вариативность принципов и методов обучения русскому языку. Коммуникативно-деятельностный, аксиологический, культуроведческий, функционально-системный, интегративный, проблемно-поисковый подходы в обучении русскому языку. Средства обучения русскому языку. Педагогические технологии в обучении (лично-ориентированное обучение, технология развития критического мышления, игровые технологии и др.). Педагогический дизайн современного урока. Культурологический компонент в обучении школьников русскому языку.

Теория и методика изучения отдельных разделов школьного курса (формирование языковой, лингвистической и

правописной компетенций). Методика обучения орфографии. Новые подходы в обучении (традиционная концепция М. Разумовской и Н. Алгазиной, обучение на основе НЛП и т.д.). Методика обучения фонетике и графике на основе вариативных учебных комплексов по русскому языку. Методика обучения лексике и фразеологии. Методика обучения морфемике и словообразованию. Грамматика в школьном курсе русского языка. Методика изучения морфологии. Методика изучения синтаксиса. Функциональный аспект изучения грамматики. Методика обучения пунктуации.

Теория и методика развития связной речи учащихся (формирование коммуникативной, этнокультуроведческой компетенций). Методика развития связной речи учащихся. Особенности изучения речеведческих понятий. Тексториентированный подход в обучении русскому языку. Обогащение словарного запаса на уроках русского языка. Методика обучения видам речевой деятельности: слушанию, чтению, говорению, письму. Сочинение и изложение в системе работы по развития связной речи учащихся и подготовке к ГИА и ЕГЭ.

Углубленное и коррекционное изучение русского языка (формирование коммуникативной, этнокультуроведческой компетенций). Методика преподавания словесности. Риторика как особый раздел в системе обучения русскому языку. Вопросы культуры речи и стилистики в обучении русскому языку. Элективные курсы по русскому языку. Факультативные занятия. Внеурочная деятельность по русскому языку. Методика коррекционного обучения русскому языку.

Данная концептуальная модель позволяет изучать МПРЯ как науку, акцентируя внимание на методологическом аспекте изучаемой дисциплины, на изучение истории педагогического опыта, имеющего богатейшие традиции, и в полной мере способствует подготовке будущего учителя по профилю выбранного направления.

Таким образом, «переход на инновационный путь развития средней и высшей школы вновь сделал актуальной проблему статуса методики преподавания русского языка как самостоятельной науки, так как появились попытки свести её до уровня прагматической методики, до педагогической технологии и даже прикладной лингвистики» [3, с.3].

Список литературы

1. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Степень (квалификация) – бакалавр филологического образования//Министерство образования и науки РФ. URL: <https://pandia.ru/text/77/352/37905.php?ysclid=I9oe4ae7mf428721727> (дата обращения 31.05.2014).

2. Дейкина А.Д., Янченко В.Д. Тенденции в отечественной методике преподавания русского языка //Русский язык в школе. – 2011. – № 6.– С.3-7.

3. Дейкина А.Д., Ходякова Л.А. Методика преподавания русского языка в развитии отечественного образования //Русский язык в школе. – 2011. – № 3.– С.3-7.

4. Закирьянов К.З. Актуальные проблемы преподавания русского языка в общеобразовательной школе на современном этапе // Вестник Башкирск. ун-та. – 2020. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-prepodavaniya-russkogo-yazyka-v-obscheobrazovatelnoy-shkole-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 25.09.2022).

5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки). URL:

<https://base.garant.ru/71897864/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/?ysclid=19ocd9wyd3826952660> (дата обращения 12.09.2022).

УДК 81'373.46

Равилова Л.Ф.¹

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Данилова Ю.Ю.¹

¹Елабужский институт Казанского федерального университета

(ЭТНО)ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОД: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

Аннотация. *Рассматривается история развития термина «(лингво)культурный код». Методом систематизации знаний определяются признаки, функции, классификация ЛК. Предпринимается попытка пояснить целесообразность использования номинации «этнолингвокультурный код» и ставится вопрос о разграничении терминов.*

Ключевые слова: код, код культуры, лингвокультурный код, этнолингвокультурный код, картина мира, лингвокультурология, этнолингвистика, когнитивная лингвистика.

Ravilova L.F.¹

Research Advisor–Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Danilova J.J.¹

¹Yelabuga Institute of Kazan Federal University

(ETHNO)LINGUOCULTURAL CODE – THE HISTORY OF THE STUDY AND THE CONTENT OF THE CONCEPT

Abstract. *The history of the development of the term "(linguo)cultural code" is considered. The method of systematization of knowledge determines the*

signs, functions, classification of LC. An attempt is made to explain the expediency of using the nomination "ethnolinguocultural code" and the question of the differentiation of terms is raised.

Keywords: code, culture code, linguocultural code, ethnolinguocultural code, worldview, linguoculturology, ethnolinguistics, cognitive linguistics.

Процесс перехода терминов из одной области научного знания в другую – явление не новое, а в современной научной парадигме, со свойственным ей экспансионизмом, встречающееся особенно часто. Термин «код» изначально относился к области точных наук, но на сегодняшний день, по замечанию И.А. Королевой, «лексема *код* стала элементом терминосистемы, используемой в сфере гуманитарного знания» [5, с. 334]. На это же обращали внимание В.А. Маслова и М.В. Пименова, которые отмечают, что термин *код* приобрел особую популярность не только в науке, но и в массовой культуре, применяясь «в заголовках газет и названиях книг («Код доступа», «Проникаем в коды Библии», «Код да Винчи» и т.д.)» [10, с. 7]. Согласно этимологическому словарю Н.М. Шанского лексема «код» заимствована в начале XX века из французского языка, где *code* «код, шифр» < «свод правил, законов» < лат. *codex* «свод правил, законов», которое восходит к *codex* «книга» < «доска, табличка» [15]. В лингвистику этот термин был введен Р.О. Якобсоном с целью употребления при анализе поэтических текстов [16]. Ю.М. Лотман конкретизировал это понятие, введя в оборот термин «культурный код» для анализа языка художественного произведения [7]. Впоследствии благодаря В.Н. Телии термин «код» стал активно употребляться в рамках лингвокультурологии. Его понимание активно уточняется и развивается ее учениками: В.В. Красных, Д.Б. Гудковым, М.Л. Ковшовой и др. [9].

В рамках современных направлений языкознания изучение культурных кодов является относительно новой и перспективной областью. Единое понятие и классификация кодов культуры разработаны не в полной мере и, следовательно, остаются вопросы [11].

Н.И. Толстой и С.М. Толстая, поясняя возможность парадигматического подхода к народной культуре, говорят о ее разложимости на более мелкие элементы. Вся культура, по их мнению, представляет собой организованную иерархически систему кодов. Ученые понимают коды как «вторичную знаковую систему, использующую разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к мировоззрению данного социума» [13, с. 7].

В.Н. Телия определяет код культуры как «таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат представляет собой ту или иную совокупность культурных представлений о картине мира некоторого социума – о входящих в нее природных объектах,

артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений» [14, с. 202]. Ученый замечает, что коды культуры актуализируются, как правило, в сакральных текстах, паремиях, метафорах, фразеологизмах, поскольку они обладают «повышенной степенью символичности или вторичной семантикой» [10, с. 65].

Представитель школы В.Н. Телии, В.В. Красных пишет: «Код культуры может быть определен как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [6, с. 5]. Как считает ученый, коды культуры вбирают в себя древнейшие архетипические представления человека, кодируют их. Как явление они универсальны для всех народов, но всегда «национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [там же].

В.А. Маслова и М.В. Пименова также отмечают связь кодов культуры с древнейшими архетипическими и мифологическими представлениями. Они солидарны с мнением о том, что данный феномен, свойственен человеку разумному и культурному. Ученые определяют код культуры как «специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, выработанная людьми система нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир. Это совокупность реалий, выражающие определенные культурные смыслы и ценности» [10, с. 3]. Код базируется «на законе соответствия плана содержания плану выражения» [там же, с. 66]. Прочитывается код посредством правил прочтения, задаваемых культурой, благодаря культурной компетенции интерпретатора. Исследователи подчеркивают, что система культурных кодов является открытой, трансформирующейся в связи с процессом переосмысления ценностей. Согласно М.В. Пименовой, лингвокультурный код – «макросистема характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством; это часть понятийной сетки, используя которую носитель языка категоризует, структурирует и оценивает окружающий и свой внутренний миры» [4, с. 101]. Продолжая мысль, ученый отмечает, что код культуры есть «таксономия элементов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты (биофакты и артефакты), объекты внешнего и внутреннего мира (физические и психические явления)» [там же]. Так, основу культурных кодов составляет мифологический символизм, суть которого состоит в переносе образов конкретных предметов на абстрактные явления (в том числе внутреннего мира).

Обратимся к проблеме разграничения понятий культурного и лингвокультурного кодов. Н.И. Толстой, выделяя 3 кода культуры

(вербальный, реальный и акциональный), замечал, что последние два могут получать именование (вербализоваться), т.е. переходить из культурного в лингвокультурный код [13].

По мысли В.М. Савицкого и Э.А. Гашимова, естественный язык и культурные коды находятся во взаимодействии, в результате чего происходит «экспансия» культурных кодов в язык и обратное влияние языка на культуру [2]. В.А. Маслова утверждает, что язык и культуру можно рассматривать как «онтологически однородные явления» [8], поскольку оба они носят характер знака. Исследователь включает язык в систему кодов культуры. При этом код культуры, по мнению лингвиста, получает характер лингвокультурного, «как только начинает «работать» язык, т. е. обретается словесная форма» [там же]. И В.А. Маслова, и В.М. Савицкий отмечали, что вербальным языком можно выразить почти все, что выражено невербальными языками. Примером могут служить этикетные фразы типа *низкий поклон, снимаю шляпу, хлеб да соль*, когда «невербальный знак социального символизма заменяется его вербальным эквивалентом» [12, с. 57]. Переход образа из «натурального модуса бытия» [там же] в языковой – это вербализация культурного кода и превращение его в код лингвокультурный.

Согласно точке зрения Е.В. Королевой, «термин лингвокультурный код более удачен в сферах лингвистики в сравнении с терминами культурный код и языковой код, поскольку в нем подчеркивается равноправие изучения культурных и языковых феноменов» [5].

Итак, культурные коды имеют свойство вербализовываться, переходя в разряд лингвокультурных. Сохраняя тесную связь с кодами невербальных знаковых систем, лингвокультурные коды имеют определенную специфику в силу своего языкового плана выражения. Систематизация данных исследований, посвященных феномену и проблеме (лингво)культурных кодов, позволяет выделить признаки данных лингвокогнитивных единиц:

1. Свойственны человеку как *homo sapiens*.
2. Лингвокультурные коды определенного этноса обладают специфическими элементами, отражающими особенности мышления того или иного народа.
3. Отражаются в культурно значимых, сакральных текстах.
4. Соотносятся с древнейшими архитипическим представлениями человека.
5. Зачастую выражаются исконной лексикой.
6. Имеют хорошо развитую концептуальную структуру в силу большого времени, затраченного на осознание различных сторон лингвокультурного кода и его внедрение в языковую практику.

7. Принадлежат к общенациональному, а не индивидуальному знанию.

8. Часто реализуются в стертых метафорах, олицетворениях, метонимии и т.д., однако не тождественны понятию метафоры или иного тропа.

9. Охватывают различные области жизнедеятельности: нравы и обычаи, язык и письменность, одежду, поселения, труд, воспитание, экономику, армию, общественно-политическое устройство, закон, науку, технику, искусство, религию и т.д.

10. Объединяются общими категориальными свойствами.

11. Не имеют жестких границ между собой.

12. Могут трансформироваться в связи с изменениями, происходящими в ценностных установках общества.

13. Элементы одной группы лингвокультурных кодов могут характеризовать разные аспекты реальности. Например, пищевой код, который является одним из доминантных кодов русской лингвокультуры, описывает такие сферы жизнедеятельности, как характер человека (*каши не сварить с кем-л.; ни рыба, ни мясо; сахарные уста*), самочувствие (*выжатый лимон, как огурчик*) взаимоотношения (*насолить, пуд соли съест с кем-л.*), материальное положение (*без куска хлеба, как сыр в масле*) и т.д. [8].

На основе исследований лингвокультурных кодов можно выделить их функции:

1. Хранение, передача и продуцирование ментальности.

2. Фиксация древнейших архетипических представлений.

3. Характеристика объектов картины мира.

4. Категоризация («сжатие многообразия» [10, с. 101]), структурирование окружающего, а также внутреннего миров.

5. Оценивание реалий внешнего и внутреннего миров.

6. Выражение представлений некоего социума о картине мира.

Обратимся к проблеме классификации кодов культуры.

По замечанию Х.Е. Розенко и С.В. Шустовой отдельную проблему представляет отсутствие единообразной классификации (лингво)культурных кодов [11]. В.А. Маслова писала о том, что «список кодов культуры на сегодняшний день открыт» [9, с. 356]. Это обуславливает актуальность исследований в рамках данного направления и возможность предлагать новые элементы классификации.

Н.И. Толстой выделял три кода культуры: вербальный (слова и тексты на естественном языке), реальный (предметный) и акциональный (обряды и действия) [13, с. 23].

Такой же классификации придерживаются Д.Б. Гудков и М.Л. Ковшова. Они отдают приоритет вербальному коду. В реальный, по уточнению ученых, входят природно-ландшафтный, архитектурно-

домообустроительный, вещный, зооморфный и, в какой-то степени, соматический коды. В основе культурного кода лежит миф [3, с. 30-31].

В.М. Савицкий и Э.А. Гашимов в монографии «Лингвокультурный код (состав и функционирование)» высказывают мнение, что в роли культурного кода может быть представлена «практически любая чувственно воспринимаемая часть действительности: небесные тела, явления природы, флора, фауна, человеческое тело, предметы хозяйственного обихода, техника, оружие и т.д. и т.п.» [2, с. 15].

В.Н. Телия и авторский коллектив «Большого фразеологического словаря» выделили пятнадцать кодов культуры, отметив, как и В.А. Маслова, что данный список не является конечным: антропный или собственно человеческий; зооморфный; растительный; природный; артефактно-вещный; вещно-костюмный; гастрономический; архитектурный; духовно и / или религиозно-антропоморфный; религиозно-артефактивный; временной; пространственный; количественный (числовой); цветовой; телесный (соматический) [1, с. 131].

В.В. Красных выделяет базовые коды культуры (всего шесть), соотнося их с архетипическими представлениями русской культуры: соматический (телесный); временной; пространственный; предметный; биоморфный; духовный [6, с. 6]. При этом исследователь отмечает, что жестких границ между кодами нет и не может быть. В доказательство этого тезиса ученый приводит пример наслоения соматического кода на пространственный: «Под рукой – в пределах досягаемости, в непосредственной близости; человек может воспользоваться предметом, не меняя своего местоположения в пространстве (это всегда должно быть под рукой). Рукой подать – недалеко, близко, совсем рядом; человек может быстро добраться от начального пункта следования до конечного (как поется в песенке из популярного фильма: «Мне от Брайтон-Бич до Дерибасовской через океан подать рукой»)» [там же, с. 7].

В.А. Масловой и М.В. Пименовой были выделены следующие (всего четырнадцать) коды культуры: стихийный; вещественный; пищевой; предметный; вегетативный; витальный; соматический; перцептивный; зооморфный; антропоморфный; колоративный; духовный; пространственный; темпоральный [4]. М.В. Пименова впоследствии уточнила и расширила классификацию, добавив к вышеперечисленным еще одиннадцать кодов лингвокультуры: метеорологический; химический; теоморфный (божественный); галантерейный; игровой; математический; медицинский; музыкальный; этнографический; экологический; экономический [там же].

Ознакомившись с классификациями (лингво)культурных кодов, можно убедиться, что на сегодняшний день данный вопрос

действительно остается открытым. Х.Е. Розенко и С.В. Шустова объясняют это несколькими факторами: во-первых, нестатичностью феноменов культуры и языка, а во-вторых, большим многообразием культурных кодов, которые, накладываясь друг на друга, порождают новые коды [11, с. 102].

В современных исследованиях все чаще встречается такая терминологическая конструкция, как «этнолингвокультурный код». Данное лексическое образование подчеркивает взаимосвязь и взаимообусловленность компонентов триединства «язык – культура – этнос». Культура зарождается в недрах народной жизни и творчества и, даже будучи продуктом индивидуального духовно-творческого акта, несет в себе отпечаток картины мира определенного этноса. Именно поэтому до сегодняшнего дня остаётся открытым вопрос о соотношении и границах этнолингвистики и лингвокультурологии. Несмотря на активное фигурирование термина «этнолингвокультурный код» в дискурсе современной лингвистики, автором данной статьи не было обнаружено исчерпывающего определения, вследствие чего нам представляется целесообразным сформулировать его. Так, под этнолингвокультурным кодом мы понимаем отраженную во фразеологическом и паремиологическом фондах и значимых текстах культуры определенного этноса, актуализированную исконной лексикой совокупность лингвокогнитивных образований, выражающую и категоризирующую национальную картину мира, аккумулирующую и транслирующую оценку реалий окружающей действительности согласно древнейшим народным представлениям.

Вероятно, что при использовании термина «этнокультурный код» авторы научных работ стремятся подчеркнуть значимость этнолингвистического аспекта своего исследования. И все же возникают метаязыковые и методологические вопросы: закономерно ли употребление терминов «этнолингвокультурный код» и «лингвокультурный код» в качестве синонимов? Имеет ли каждый из них дифференциальные признаки? Рассмотрение подобных вопросов требует более глубоких и детальных наблюдений и может помочь дальнейшему развитию исследований в рамках учения о кодах (этно)лингвокультуры.

Список литературы

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
2. Гашимов Э.А., Савицкий В.М. Лингвокультурный код (состав и функционирование). Монография. – М.: Изд-во Моск. гор. пед. ун-та, 2005. – 170 с.

3. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007.

4. Колесов В.В., Пименова М.В. Языковые особенности русской ментальности: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 136 с.

5. Королёва Е.В. Место лексемы код в лингвистической терминосистеме // Преподаватель XXI век. – 2015. - №4. – С. 332-340.

6. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – 164 с.

7. Лотман Ю.М. и тарусско-московская семиотическая школа / Отв. Ред. А.Д. Кошелев. – М.: Гнозис, 1994. – 547 с.

8. Маслова В.А. Лингвокультурология. Введение. // Студми. Учебные материалы для студентов [Электронный ресурс]. – URL: https://studme.org/316889/kulturologiya/lingvokulturologiya_vvedenie (дата обращения 15.09.2022).

9. Маслова В.А. Числовой код в коммуникации: лингвокультурный образ числа «семь» // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Том 25. №1. Часть 1. – С. 355-358.

10. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 180 с.

11. Розенкова Х.Е., Шустова С.В. Лингвокультурный код: определение, проблема классификации, роль в межкультурной коммуникации // Евразийский гуманитарный журнал. – 2017. – №2. – С. 101-104. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-kod-opredelenie-problema-klassifikatsii-rol-v-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 02.11.2021).

12. Савицкий В.М. Лингвокультурные коды: к обоснованию понятия // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2016. – №2. – С. 55-61. [Электронный ресурс]. – URL: <https://goo.su/iXFfW> (дата обращения: 07.10.2022).

13. Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И. Толстого. – М.: Институт славяноведения РАН – Т.1 – 3. – 1995.

14. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 285 с.

15. Этимологический онлайн-словарь Шанского Н.М. [Электронный ресурс]. – URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (дата обращения: 16.09.2022).

16. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». / Под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193 – 228.

УДК 81'271.14

Рождественская О.Ю.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

**КУРС «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ»: ТИПИЧНЫЕ
ОШИБКИ СТУДЕНТОВ ПРИ РАЗГРАНИЧЕНИИ
ТАВТОЛОГИИ И ПЛЕОНАЗМА**

***Аннотация.** В статье отмечена важность правильной классификации речевых ошибок в текстах средств массовой информации, проанализированы основные трудности, возникающие у студентов при разграничении тавтологии и плеоназма, систематизированы допущенные ими ошибки.*

Ключевые слова: русский язык и культура речи, лексическая избыточность, плеоназм, тавтология.

Rozhdestvenskaya O.Y.

Lomonosov Moscow State University

**‘RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE OF SPEECH’: COMMON
MISTAKES IN DISTINCTION BETWEEN TAUTOLOGY AND
PLEONASM**

***Abstract.** The article highlights the importance of proper classification of speech errors in media texts, analyzes the main difficulties that students face when making a distinction between tautology and pleonasm, and systematizes their mistakes.*

Keywords: Russian language and culture of speech, lexical excessiveness, pleonasm, tautology.

Курс «Русский язык и культура речи» является обязательным для студентов всех факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова (кроме филологического факультета) и «предполагает углубление общих представлений о нормах современного русского литературного языка» [3, с. 28]. Для эффективного усвоения материала курса используются различные формы контроля, в том числе домашние задания, творческие задания разного типа и ведение блокнотов, в которых в течение семестра студенты фиксируют речевые ошибки в текстах различных российских СМИ, затем самостоятельно исправляют эти ошибки и

классифицируют их. Анализ 129 блокнотов, которые вели студенты физического факультета и факультета ВМК МГУ имени М.В. Ломоносова (весенний семестр 2021-2022 г.), показал, что к наиболее частотным речевым ошибкам, которые фиксируют студенты нефилологических специальностей, относятся плеоназм и тавтология. Поэтому эти речевые ошибки представляют особый интерес для исследователя.

Обращение к этимологии терминов *плеоназм* и *тавтология* позволяет сделать вывод о том, что оба понятия возникли в античной стилистике и восходят к греческому языку. Так, термин *плеоназм* происходит от греческого слова *πλεονασμός* – избыток, чрезмерность, что подчёркивает излишество компонентов в высказывании [2, с. 35]. Термин *тавтология* изначально состоял из двух слов *ταὐτό* – то же самое и *λόγος* т.е. этот термин буквально можно перевести как «то же самое слово» (здесь очевидна установка на дублирование языкового знака) [6, с. 234]. Исходя из этимологии терминов *плеоназм* и *тавтология*, мы можем говорить об изначально различной природе этих явлений. Тем не менее, по утверждению М.Л. Гаспарова и Т.В. Вентцель, тавтология – это крайняя форма плеоназма: «в современной стилистике понятия тавтологии и плеоназма нередко отождествляют» [5, с. 280, 432]. В учебном пособии Т.В. Кортова «Русский язык и культура речи» эти термины разграничены: «плеоназм – это структурно-семантическое излишество, в отличие от тавтологии – повтора однокоренных слов» [4, с. 145]. Здесь же приводится классификация плеоназмов: лексические (*абсолютно уникальный, в конечном итоге*), синтаксические (*он сказал то, что приехал...; он сделал это с той целью, чтобы...*) и формообразовательные (*самый максимальный, более лучше работать, более худший*) [4, с. 218].

Анализ блокнотов позволил сделать вывод, что многие студенты не могут разграничить плеоназм и тавтологию и регулярно называют лексические плеоназмы (и другие типы плеоназмов) тавтологией. Проблемы, которые возникают при разграничении плеоназма и тавтологии, отражены в таблице 1.

Таблица 1.

Пример, содержащий речевую ошибку и зафиксированный студентами в блокнотах	Как эту ошибку классифицировали студенты?	Количество студентов, неверно описавших речевую ошибку	Правильный ответ
Он является главным приоритетом «Барселоны» на позицию защитника.	тавтология	7	лексический плеоназм

Необычный феномен заметили отдыхающие, гуляющие по пляжу в Анапе.	тавтология	8	лексический плеоназм
Бывший экс-чемпион UFC назвал дискриминацией исключение россиян из чемпионата.	тавтология	4	лексический плеоназм
Это народный фольклор в уникальной обработке.	тавтология	5	лексический плеоназм
Естественно, ни семья, ни коллеги по работе, ни друзья Алексея так ничего и не узнали, пока первая информация не появилась в эстонских СМИ.	тавтология	8	лексический плеоназм
Ренат Ибрагимов впервые дебютировал на сцене Татарского академического театра оперы и балета им. М. Джалиля.	тавтология	3	лексический плеоназм
По его словам, в Омской области уже развёрнуто производство продукции, которую раньше приходилось импортировать из-за рубежа.	тавтология	4	лексический плеоназм
Если в конце зимы для новых сотрудников было открыто 31 767 мест, то в начале апреля осталась 29 121 свободная вакансия.	тавтология (2 студента не нашли в этом примере речевую ошибку)	6	лексический плеоназм
На матче «Милана» с «Атлантой» ожидается полный аншлаг.	тавтология	4	лексический плеоназм
В итоге казанский клуб, считавшийся у букмекеров главным фаворитом турнира четвертый сезон подряд, остался без золотых медалей.	тавтология	2	лексический плеоназм
Одно из самых старейших соревнований: в этом году проходит в 44-й раз.	тавтология (3 студента не нашли в этом примере речевую ошибку)	7	формообразовательный плеоназм

В некоторых случаях студенты при заполнении блокнотов действуют иначе: классифицируют примеры тавтологии как плеоназмы.

Это вызывает недоумение, так как в учебном пособии по курсу «Русский язык и культура речи» (автор – Т.В. Кортава) подчеркивается, что тавтология – это повтор однокоренных слов, поэтому нам представляется, что её легко отличить от плеоназма. Тем не менее, примеров, содержащих неверную классификацию, в студенческих блокнотах, проанализированных нами, достаточно много. Подобные случаи отражены в таблице 2.

Таблица 2.

Пример, содержащий речевую ошибку и зафиксированный студентами в блокнотах	Как эту ошибку классифицировали студенты?	Количество студентов, неверно описавших речевую ошибку	Правильный ответ
Есть высокая вероятность, что продуктивность будет невероятно высокой .	лексический плеоназм	4	тавтология
7 апреля в 20:00 пьяный водитель «Субару Форестер», с признаками алкогольного опьянения , выехал на полосу дороги, предназначенную для встречного движения, в результате чего совершил столкновение со встречным автомобилем «Тойота».	лексический плеоназм (2 студента считают, что это формообразовательный плеоназм, а 2 не нашли в этом примере речевую ошибку вообще)	7	тавтология
Вот уже второй год подряд квартирное отопление во всём городе топят с просто невероятной температурой.	лексический плеоназм	4	тавтология
Так что городской прокуратурой в отношении правонарушителя возбуждено дело об административном правонарушении .	лексический плеоназм	6	тавтология
Во время взрыва на заводе «Синтез» в Кургане произошел взрыв , пострадал один человек.	лексический плеоназм (2 студента убеждены, что это синтаксический плеоназм)	7	тавтология
Проект предусматривает установку в четвертом ярусе башни двух вращающихся механизмов часового механизма в пятигранном срубе часовой избы и	лексический плеоназм	4	тавтология

размещение циферблата часов с наружной стороны башни.			
Льют проливные дожди и затопило огород: приемы для спасения посадок и урожая.	лексический плеоназм	5	тавтология
Об этом 21 апреля сообщил городской градоначальник Иван Приходько в своём Телеграм-канале.	лексический плеоназм (2 студента не нашли в этом примере речевую ошибку)	3	тавтология

Таким образом, проанализировав примеры из 129 блокнотов студентов I курса МГУ имени М.В. Ломоносова, можно сделать вывод, что наиболее частотные речевые ошибки – это плеоназм и тавтология. Многие студенты не разграничивают плеоназм и тавтологию, регулярно называют лексические плеоназмы (и другие типы плеоназмов) тавтологией, а в некоторых случаях и вовсе не понимают, есть ли речевые ошибки в примерах, приведенных в таблицах 1 и 2. Вероятно, причина этих проблем заключается в том, что у современных русских студентов недостаточно развито языковое чутье – его следует развивать в процессе редактирования неудачных текстов, выявления и исправления речевых ошибок [1, с. 38]. Также студентам необходимо выполнять большое количество заданий, непосредственно связанных с усвоением языковых норм. Одним из таких заданий может стать поиск и классификация речевых ошибок не только в текстах средств массовой информации, но и в речи однокурсников, членов семьи и друзей.

Список литературы

1. Богомазов Г.М. Соотношение понятий чутье языка, чувство языка, языковая компетенция, языковая способность // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 6. – С. 33-39.
2. Ковалева Т.А. Тавтология и плеоназм в отечественном языкознании: интегральный и дифференциальный аспекты // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. – 2016. – № 2. – С. 34-40.
3. Кортава Т.В. Русский язык и культура речи. Программа курса. – М.: МАКС Пресс, 2017. – С. 28.
4. Кортава Т.В. Русский язык и культура речи: учебное пособие. – М.: Московское отделение издательства «Учитель», 2015. – С. 145, 218.
5. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 280, 432.
6. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Дрофа, 1997. –С. 234, 289.

Русанова О. С.¹

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Килина Л.Ф.¹

¹Удмуртский государственный университет

**ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ С КОМПОНЕНТАМИ
ОКАЗЫВАТЬ / ОКАЗАТЬ В РУССКИХ ДЕЛОВЫХ ТЕКСТАХ
XVIII В. (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА
РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Аннотация. *В статье приводится анализ особенностей употребления устойчивых глагольно-именных сочетаний с глаголами оказывать / оказать в деловых текстах XVIII в., которые содержатся в Национальном корпусе русского языка. Установлено, что устойчивые сочетания оказывать / оказать успехи, храбрость и мужество, верность, храбрость, усердие использовались в случаях, когда речь шла о проявлении себя, своих качеств, способностей, а сочетания оказывать / оказать милость, почтение, милосердие, действие, услуги, снисхождение, когда рассказывалось о действии, направленном на кого-либо, осуществляемом по отношению к кому-либо. Определено, что большинство из проанализированных сочетаний не используется в современном русском языке. Делается вывод о том, что глаголы оказывать / оказать раньше имели обобщенное значение и широкую сочетаемость, в современном русском языке частично сохраняется не только значение глаголов, но и устойчивые сочетания с ними.*

Ключевые слова: глагол, устойчивое сочетание, значение, деловой текст, стиль

Rusanova O. S.¹

Research Advisor – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Kilina L.F.¹

¹Udmurt State University

**VERBAL-NOMINAL COLLOCATIONS WITH COMPONENTS
OKAZYVAT' / OKAZAT' IN RUSSIAN OFFICIAL TEXTS OF THE
XVIII C. (BASED ON MATERIALS OF THE RUSSIAN NATIONAL
CORPUS)**

Abstract. *The article analyzes the features of using stable collocations with the verbs okazyvat' / okazat' in official texts of the XVIII c., presented in the Russian National corpus. It was discovered that stable collocations okazyvat' / okazat' uspekhi, hrabrost' i muzhestvo, vernost', hrabrost', userdie were used in cases where it was told about the manifestation of oneself, one's qualities, abilities and collocations okazyvat' / okazat' milost', pochtenie, miloserdie, dejstvie, uslugi, sniskhozhdenie were used in cases where it was told about an action directed at someone, carried out in relation to someone. It was determined that most of analyzed combinations doesn't used in modern Russian language. It is concluded that the verbs okazyvat' / okazat' used to have a generalized meaning and wide compatibility, in modern Russian, not*

only the meaning of verbs, but also stable combinations with them are partially preserved.

Key words: verb, stable collocation, meaning, official text, style

Принято считать, что официально-деловой стиль современного русского литературного языка зарождается еще в эпоху существования Киевской Руси, о чем свидетельствуют памятники письменности (договоры русских с греками, первый свод правил «Русская правда» и др.). По утверждению В. В. Колесова, «все жанры древнерусской письменности служили только для деловых целей» [3, с. 122].

Постепенно с усложнением политической и экономической жизни государства начинают появляться новые жанры деловой письменности, следовательно, меняется и сам язык, на котором создавались документы. Так, к XVII в. в деловом языке вырабатываются определенные нормы и правила, происходит процесс стандартизации, «особое значение получают некоторые обороты и лексемы, характерные именно в данном употреблении» [7, с. 441], к которым относятся «термины, обозначающие определенные понятия повседневной жизни и требующие однозначного истолкования, и так называемые клише, характерные для канцелярского письма...» [Там же].

Наиболее активные процессы становления делового языка связаны, безусловно, с просветительской деятельностью Петра I в XVIII в.: «...изменение статуса государства, реорганизация аппарата власти, коренные преобразования в административном устройстве, учреждение различных коллегий и контор выражались непосредственно в деловой словесности, которая, представляя собой функционально-стилевую разновидность языка, стала иметь все возрастающее значение в жизни общества в виде указов, именных и высочайших, грамот, докладов, резолюций, уставов, манифестов и т.д., сама подвергаясь изменениям и, что важнее, регламентации» [Там же, с. 442]. Именно поэтому, на наш взгляд, в деловых текстах этого периода мы наблюдаем использование огромного количества устойчивых формул, которые способствовали упрощению заполнения и понимания документов.

В рамках данной работы нас интересуют прежде всего сочетания, в которых центральным элементом является лексически ослабленный глагол, а именно сочетания с компонентами *оказывать / оказать*, которые в современном русском языке имеют значения ‘проявлять / проявить, обнаруживать / обнаружить в какой-л. форме отношение к кому-, чему-л’; ‘производить / произвести, осуществлять / осуществить что-л. по отношению к кому-л’ [1, с. 706].

В разных лингвистических работах можно найти следующие термины, называющие изучаемые нами единицы: описательные глагольно-именные сочетания (П. А. Лекант, Е. Н. Лагузова), формула-

синтагма (В. В. Колесов), синкретема (М. В. Пименова), устойчивые глагольно-именные сочетания (В. М. Дерibas, Ю. Д. Апресян) и др. Мы в своих работах используем именно последний термин и понимаем под ним устойчивые, воспроизводимые сочетания десемантизированного глагола с отглагольным существительным, в которых последнее придает значение всему сочетанию. Такие сочетания в большинстве случаев можно заменить соответствующим однокоренным глаголом (ср. оказать помощь – помочь, оказать влияние – повлиять и др.), они употребляются в разных жанрах деловой письменности и могут быть закреплены в словарях как устойчивые. Устойчивость часто связывают с воспроизводимостью, т.е. повторяемостью языковых единиц по форме и содержанию (В. В. Виноградов, Н. М. Шанский), либо с особым видом сочетаемости (ограниченной / неограниченной), вследствие чего определяют устойчивость как воспроизводимость с оттенком ограничения сочетаемости (В. Л. Архангельский) [4, с. 76].

В качестве материала для анализа были выбраны деловые тексты XVIII вв., представленные в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ). Выбор такого ресурса, как НКРЯ, не случаен: в корпусе собрано большое количество текстов в электронном виде, корпус филологически размечен, что упрощает работу с текстом.

Для отбора языкового материала в корпусе мы установили несколько параметров:

- 1) хронологический (тексты XVIII в.),
- 2) жанрово-стилистический (деловые тексты),
- 3) семантический (отбор единиц для анализа осуществлялся по леммам оказать / оказывать, а также был установлен грамматический показатель – V (глагол)).

В итоге мы получили данные, что всего в корпусе собрано 838 деловых текстов указанного периода (933 190 слов). Далее была произведена выборка с глаголами *оказывать / оказать*, в которой мы вручную отобрали только невозвратные глаголы и глагольные формы (причастия и деепричастия).

Рассматриваемые нами глагольные компоненты встречаются в деловых текстах НКРЯ 76 раз и составляют 46 сочетаний, наиболее частотными из которых являются следующие: *оказывать / оказать милость* (7 вхождений), *почтение* (5), *успехи* (5), *храбрость и мужество* (4), *милосердие* (4), *действие* (4), *услуги* (3), *верность* (2), *храбрость* (2), *нисхождение* (2), *усердие* (2).

Например:

1. «Я отношусь об оном к вашему высокопревосходительству, **окажите** вашу **милость...**» (Ф. Ф. Ушаков. Письмо Г. Г. Кушелеву, 1799) [5].

2. «Он в первый раз захвачен верными войсками под предводительством полковника Михельсона, при разбитии злодейской

шайки под городом Уфою, и отпущен с билетом на прежнее жительство; но не чувствуя **оказанного** ему **милосердия**, опять обратился к самозванцу, и привез к нему купца Долгополова» (Манифесты и Указы, относящиеся к пугачевскому бунту, 1773) [Там же].

3. «При оном весьма с превосходным неприятелем сражении **оказали** отличную неустрашимую **храбрость и мужество** определенные от меня на корабле в делах к командованию оными флота капитан-лейтенанты: в нижнем — Федор Шишмарев, в верхнем — Иван Лавров» (Ф. Ф. Ушаков. Рапорт М. И. Войновичу, 1788) [Там же].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что сочетания с глаголами *оказывать / оказать* употреблялись в различных типах текстов, а также в разных ситуациях.

В «Словаре русского языка XVIII в.» интересующие нас глаголы имеют 3 значения: 1) ‘сделать видимым, дать увидеть; показать, представить; доказать, подтвердить; свидетельствовать о чем-л.; сделать явным, известным’; 2) ‘обнаружить, проявить (какое-л. внутреннее качество, свойство); проявить себя, свои качества, способности; проявиться, обнаружиться (о неодушевленных предметах); оказаться кем-л., каким-л.’; 3) ‘употр. в составе описательных обозначений действий и состояний, в знач.: совершить действие, осуществить состояние, обозначенные существительным; о действии, состоянии, направленном на кого-, что-л., по отношению к кому-л.; выразить, высказать’ [6]. В этом же словаре закреплены следующие устойчивые сочетания: *время окажет* (в первом значении глагола); *оказывать / оказать опыт, пример чего, успех, успехи, вид какой; себя (чем, в чем); кем, каким; самому себя оказывать / оказать* (во втором значении глагола); *оказывать / оказать действие, знак, знаки* (в третьем значении глагола) [Там же].

Представленные в корпусе сочетания мы разделили на группы в зависимости от значений глаголов. В нашей выборке не оказалось сочетаний, которые можно отнести к первой группе. Во вторую группу вошли следующие сочетания: *оказывать / оказать успехи, храбрость и мужество, верность, храбрость, усердие*.

Например:

«...командовавший албанцами капитан Кирко, показывая собою пример храбрости, сражался с неприятелем с неустрашимостию, искусством и маневрами, приличными местоположению, **оказал** довольные **успехи**» (Ф. Ф. Ушаков. Рапорт Павлу I о военных действиях против Корфу, 1798) [5].

«Мавры, по отданию себя с покорностию под покровительство союзных держав и **оказавшему усердие** эскадрам соединенным...» (С. М. Тесельницкий. Из исторического журнала Ф. Ф. Ушакова, 1798) [Там же].

В таких примерах речь идет о людях, которые проявляют какие-либо положительные качества, в частности в ситуации военных действий. На наш взгляд, данные сочетания можно отнести к устойчивым, т.к. многие существительные, представленные в этой группе, схожи по смыслу и фиксируют однотипные ситуации. Некоторые из сочетаний приводятся в словаре как пример сочетаемости, а сочетание *оказать успехи* закрепляется как устойчивое. В современном русском языке данные сочетания отсутствуют, вместо глаголов *оказывать / оказать* используются *проявлять / проявить* (храбрость, мужество, усердие), *достигать / достичь* (успеха).

К третьей группе мы отнесли сочетания *оказывать / оказать милость, почтение, милосердие, действие, услуги, снисхождение*.

Например:

«Китайские законы, например, присуждают, что, если кто **почтения** Государю не **окажет**, должен казнен быть смертию» (Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения, 1767) [Там же].

«И естли кто ныне познает сие мое **оказанное милосердие**, действительно я уже все всех пожаловал сим награждением...» (Указы Пугачева и документы его ставки, 1773-1774) [Там же].

«И засим всеподданнейше доношу: посланными от меня эскадрами, находящимися при блокаде Анконы под команду контр-адмирала Пустошкина и при Манфредонии — капитана Сорокина, **оказаны** весьма успешные **действия**» (Ф. Ф. Ушаков. Рапорт Павлу I, 1799) [Там же].

В приведенных примерах описываются действия, направленные на кого-либо. Обращает на себя внимание сочетание *оказать действие*, закрепленное в «Словаре русского языка XVIII в.» как устойчивое. Существительное в составе этого сочетания имеет обобщенное значение, поэтому и все сочетание лишь означает факт осуществления действия, без конкретизации его характера. Представленные в этой группе сочетания также можно отнести к устойчивым. В деловых текстах современного русского языка сохранилось лишь *оказывать / оказать услуги*, сочетания *оказывать / оказать действие, почтение* также закрепляются словарями как устойчивые [см., например, 2, с. 88], в остальных случаях используются глаголы *проявлять / проявить* (*милосердие, снисхождение*).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что глаголы *оказывать / оказать* раньше имели довольно широкую сочетаемость и употреблялись в следующих ситуациях: проявление себя, своих качеств, способностей (*оказывать / оказать успехи, храбрость и мужество, верность, храбрость, усердие*); действие, направленное на кого-либо, осуществляемое по отношению к кому-либо (*оказывать / оказать милость, почтение, милосердие, действие*,

услуги, снисхождение). В то же время небольшое количество вхождений с указанными глаголами свидетельствует о том, что либо данные сочетания были не актуальны для деловых текстов XVIII в., либо сами глаголы. В современном русском языке частично сохраняется значение глаголов *оказывать / оказать*, а также некоторые устойчивые сочетания (например, *оказывать / оказать действие, почтение, услугу*).

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2001. – 1536 с.
2. Дерibas В. М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. – М., «Русский язык», 1979. – 256 с.
3. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 296 с.
4. Лапаева Т. А. Устойчивые сочетания в системе языковых единиц // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2007. – №44. – С. 75–77.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.10.2022).
6. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984-1991. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 01.10.2022).
7. Чистяков А. В. Развитие государственности в России XVIII века и формирование нового типа деловой письменности // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2021. – Т. 31. – вып. 3. – С. 438-448.

УДК 811.161.1

Сагдуллина И.Р.¹, Ибрагимова Э.Р.²

¹Средняя общеобразовательная татарско–русская школа №113 с углубленным изучением отдельных предметов им. Героя России М.Р. Ахметшина»

²Елабужский институт Казанского федерального университета

ЭКСПРЕССИВНАЯ ФУНКЦИЯ МНОГОТОЧИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Б.Л. ВАСИЛЬЕВА «А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...»)

Аннотация. В статье исследуется семантико-прагматический потенциал многоточия в текстовом поле Б.Васильева «А зори здесь тихие...». На основе методов структурного и стилистического анализов, сплошной выборки, статистического анализа анализируется экспрессивность

многоточия в повести и ее влияние на коммуникативное общение писателя и читателя.

Ключевые слова: многоточие, пунктуация, экспрессивность, семантика, высказывание.

Sagdullina I.R.¹, Ibragimova E.R.²

¹Secondary general Tatar–Russian school No.113 with in-depth study of individual subjects named after the Hero of Russia M.R. Akhmetshin"

²Yelabuga Institute of Kazan Federal University

EXPRESSIVE FUNCTION OF ELLIPSIS IN MODERN RUSSIAN (BASED ON THE MATERIAL OF THE NOVEL BY B.L. VASILIEV "AND THE DAWNS ARE QUIET HERE...")

Abstract. *The article examines the semantic and pragmatic potential of ellipsis in the text field B.Vasilyeva "And the dawns are quiet here...". Based on the methods of structural and stylistic analysis, continuous sampling, statistical analysis, the expressiveness of the ellipsis in the story and its impact on the communicative communication of the writer and the reader are analyzed.*

Keywords: ellipsis, punctuation, expressiveness, semantics, utterance.

Возможность изучения проблемы авторского стиля в структуре художественного текста на уровне пунктуации является особо интересной, поскольку экспрессивная пунктуация имеет огромный потенциал в своем употреблении во всех пластах языка. В лингвистике имеется определенное количество работ, посвященных изучению непосредственно многоточия. Многоточие как пунктуационный знак в русском языкознании рассматривается в современных научных трудах, а также в справочниках Д.Э. Розенталя [9], Шварцкофа [13], А.Б. Шапиро [12], Б.И. Осипова [7], В.В. Лопатина [8], в работах Б.С. Н.С. Валгиной [4] пунктуационная система и многоточие в ней анализируются с исторической точки зрения; в исследованиях М.Ю. Сидоровой [10], Н.Л. Шубиной [14], Е.Г. Басалаевой, М.В. Шпильмана [1] – с прагматической. Эмотивную сторону данного знака препинания изучает Л.А. Будниченко [3]. Однако нужно отметить, что такое понятие, как экспрессивность пунктуации, семантика знаков препинания, а именно многоточия, до конца не изучена.

В целом, по данным различных словарей русского языка, выделяются две основные функции многоточия: 1) указание на незаконченность высказывания и 2) указание на пропуск информации в тексте:

«Многоточие – знак препинания, употребляющийся: 1) для обозначения незаконченности высказывания, вызванной волнением говорящего, обрывом в логическом развитии мысли, внешней помехой, для обозначения заминок или перерывов в речи. Друг Моцарт, эти

слезы... не замечай их (Пушкин) – А, так ты... – Я без души лето целое все пела (Крылов). Слушай, отпусти ты меня... Высади куда-нибудь... Не бывал я в таких делах... Первый раз... Пропаду ведь я... (Горький); 2) в начале текста для указания, что продолжается изложение, прерванное большой вставкой, или что события, описываемые в данном отрывке текста и в предшествующем ему, разделены длительным промежутком времени. ...Слишком сорок лет прошло с этого утра, и всю жизнь Матвей Кожемякин, вспоминая о нем, ощущал в избитом и больном сердце бережно и нетленно сохраненное чувство благодарности женщине-судьбе, однажды улыбнувшейся ему улыбкой пламенной и жгучей (Горький); 3) для обозначения большой паузы при неожиданном переходе от одной мысли к другой между законченными предложениями. Дубровский молчал... Вдруг он поднял голову, глаза его засверкали, он топнул ногою, оттолкнул секретаря... (Пушкин); 4) в начале, в середине или в конце цитаты для указания на то, что пропущена часть цитируемого текста» [11];

«Многоточие ср. – 1) Знак препинания в виде трех рядом поставленных точек, употребляющийся для обозначения перерыва в речи (при незаконченности высказывания или при паузах внутри него). 2) Ряд точек, указывающих на пропуск в тексте» [6];

«МНОГОТОЧИЕ, – я; ср. Знак препинания в виде трёх рядом поставленных точек (...), указывающий на незаконченность высказывания. Ставить м. в конце предложения. // Такой знак, используемый для обозначения различных пропусков в тексте. Повесть печатается с многоточиями. Поставить м. в чём-л. (считать что-л. незавершённым, незаконченным)» [2].

В российской лингвистике существуют две разные точки зрения на наличие экспрессивных функций многоточия. Так, Б.С. Шварцкопф считает, что «многоточие (знак обрыва, перерыва или пропуска текста) не является по своему значению экспрессивным или эмоциональным, эмоция и экспрессия могут накладываться на основное значение в тексте» [13, с. 12]. А по мнению М. Ю. Сидоровой, «этот знак гораздо более свободный, индивидуальный, чем многие другие: неслучайно он в школе оказывается на периферии внимания, тогда как правил постановки тире, двоеточия или запятой изучается великое множество. Случаи недосказанности, обрыва фразы обычно имеют в тексте экспрессивное и эмоциональное значение» [19, с. 213]. Данная позиция принимается и нами.

Выбор военной прозы фронтового поколения, а именно повести Б.Л. Васильева «А зори здесь тихие...» в роли основы исследования, связан именно с экспрессивными возможностями многоточия в текстовом поле писателя при описании портрета героя, военных действий и при выражении авторской оценки.

Методом сплошной выборки нами выявлено всего 389 оформленных многоточием примеров, в 360 из них знак выполняет экспрессивную функцию, что составляет 92,5% от общего количества исследуемого материала.

Это смысловой знак, знак интеллектуального напряжения, в котором припрятана некая интрига. Благодаря многоточию читателю представлена возможность воспринимать текст исходя из собственного опыта. В предложении оно может выполнять и основную свою функцию, и совершенно для себя непривычную. В результате анализа фактического материала нами выявлены следующие эмотивные функции данного знака препинания:

а) неуверенность. К примеру, в предложении «К вечеру – ну, самое позднее, к рассвету! – подойдет подмога, он поставит ее на след и... и отведет девчат за скалы» [5, с.116]. Кроме обозначения паузы, здесь многоточие указывает на эмоциональную составляющую – неуверенность говорящего в своих словах. А читатель уже точно знает, что то, о чем говорит Федот Евграфыч, не сбудется. Ведь Лиза Бричкина не дошла до разъезда, не доложила. Такая функция встречается в повести в 76 предложениях, что составляет 20% от общего количества выявленных нами экспрессивных многоточий;

б) недовольство. Данную функцию многоточие выполняет в 36 предложениях – это 10% от общего количества исследуемых экспрессивных знаков. В предложении «Мокро... – недовольно повторил старшина» [5, с.115] многоточие усиливает значение эмоционального состояния, словесно отмеченное автором (недовольство). Читатель может очень ярко представить состояние, настроение, эмоции героя, даже выражение его лица, интонацию, тембр голоса;

в) восклицание. В этих случаях один пунктуационный знак усиливает значение другого. Так, в предложении «Нет!.. Вниз тянет, товарищ старшина!» [5, с.47] многоточие усиливает восклицание, заставляет сделать небольшую паузу, намекая на то, что восклицание настолько сильное, что необходимо сделать паузу перед следующей репликой. Данная функция встречается в 57 случаях, что составляет 15 % от общего количества экспрессивных знаков «многоточие»;

г) грусть. Данное эмотивное состояние выражается через многоточие в 15 предложениях (5 % от всех выявленных экспрессивных многоточий). Например, в предложении «Дети?... – вздохнул Федот Евграфыч.» [5, с.65] знак подготавливает читателя к ответу Федота Евграфыча. Благодаря ему мы понимаем, что здесь что-то не так, что старшина переспросил не оттого, что не расслышал, а оттого, что ему трудно об этом говорить. Он как бы морально готовится к ответу. Он повторил это слово, так как оно для него многое значит - ведь его сын умер;

д) недосказанность. Такую функцию многоточие выполняет в 80 предложениях, что составляет 25% от общего количества выявленных нами экспрессивных знаков «многоточие». К примеру, в конструкции «...Влез в землю и замер где-то между бывшей заставой и тем городком, где познакомился когда-то лейтенант Осянин с ученицей девятого «Б»...» [5, с.16] при многоточии голос как бы замирает, держится на одной ноте, а перед точкой голос замолкает, и в итоге возникает семантика недосказанности;

е) приближение опасности, ожидание опасности. Данную функцию многоточие выполняет в 70 предложениях, составляя 20% от всех экспрессивных знаков «многоточие». Оно создает напряжение при чтении и в предложении «Шестнадцать диверсантов, озираясь, медленно шли берегом к Синюхиной гряде...» [5, с.77]. С помощью этого знака автор заинтересовывает читателя, будит его воображение, заставляет сопереживать героям;

ж) сожаление. Пауза в предложении «Нашли, значит, непьющих...» [5, с.6] помогает понять читателю, что герой хотел бы многое еще сказать, но не договорил. Федот Евграфыч просил непьющих, но что это будут девушки, никак не ожидал. И он настолько был удивлен тому, кого ему прислали, и даже, скорее, сожалел о своей просьбе, что больше ничего даже не смог сказать. Функцию сожаления многоточие выполняет в 16 предложениях. Это составляет 5 % от общего количества выявленных нами знаков «многоточие».

Таким образом, пунктуационный знак «многоточие» используется для привлечения внимания читателей к информации, которая содержится в самом высказывании, тем самым придает дополнительный (эмоциональный) смысл повествованию, выражая самые разнообразные чувства. Оно может стоять и в конце («Товарищ старшина... Товарищ старшина...» [5, с.79]), и в середине («Три... пять... восемь... десять... — шепотом считала Гурвич. — Двенадцать... четырнадцать... пятнадцать, шестнадцать... Шестнадцать, товарищ старшина...» [5, с.77]), и в начале («...И вспомнил вдруг Васков утро, когда диверсантов считал, что из лесу выходили» [5, с. 167]) предложения.

Таким образом, как показывают примеры, для пишущих значимыми и актуальными могут быть разные функции. Но очень часто на первое место ставятся прагматические функции, такие как выражение экспрессии, эмоционального состояния и др.

Список литературы

1. Басалаева Е. Г., Шпильман М. В. Многоточие как объект языковой рефлексии в интернет-дискурсе // Сибирский филологический журнал. – 2015. - № 3. - С. 248-255.

2. Большой толковый словарь русского языка, 1998. – URL: [Толковый словарь Кузнецова \(gufu.me\)](http://gufu.me) (дата обращения 18.09.2022)
3. Будниченко Л. А. Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте (на материале языка газет). – СПб.: Филол. ф-т С.-Петербур. гос. ун-та, 2003. – 223 с.
4. Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 2004. – 259 с.
5. Васильев Б.Л. А зори здесь тихие... – СПб.: Лениздат, 2014. – 191 с.
6. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – Дрофа: Русский язык, 2000. – URL: [Новый толково-словообразовательный словарь русского языка онлайн \(slovaronline.com\)](http://slovaronline.com) (дата обращения 18.09.2022)
7. Осипов Б. И. История русской орфографии и пунктуации. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – 251 с.
8. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. – М.: Эксмо, 2007. – 480 с.
9. Розенталь Д. Э. Русский язык. Орфография и пунктуация. – М.: Эксмо, 2011. – 288 с.
10. Сидорова М. Ю. Многообразие русского человека, (по материалам интернет-дневников) // Традиции и тенденции в современной грамматической науке: сборник статей / под общ. ред. Г. А. Золотовой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. – Вып. XII. Вопросы русского языкознания. – С. 212-221.
11. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1976. Автор: Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. – URL: [Словарь-справочник лингвистических терминов \(Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.\) \(niv.ru\)](http://niv.ru) (дата обращения 18.09.2022)
12. Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. –95 с.
13. Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
14. Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка: учебник для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 2006. – 256 с.

Салимова Д.А.

Елабужский институт Казанского федерального университета

ЯЗЫКОВОЕ «БУНТАРСТВО» В СТИХАХ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Аннотация. На основе анализа 1200 примеров словоупотреблений в статье делается попытка взглянуть «за язык» автора, связать языковую стихию М.Цветаевой с ее поэтическим мировидением и особым душевно-психологическим диссонансом, вызванным объективно-историческими и субъективными факторами. Предлагается транспонировать огромный теоретико-методологический арсенал, накопленный в сфере исследования творчества поэта, в область изучения конкретного сегмента (ненормативность словоупотреблений) и лингвоспецифики цветаевских строк. Поэтический язык великого поэта России XX века оценивается и как зеркальное отражение противоречивого внутреннего мира автора, и как конфликт с миром, где все построено на нарушениях и аномалиях, и с другими людьми, и как метод «удаления» читателя, и как прагматичный подход к привлечению внимания.

Ключевые слова: М.Цветаева, поэт, идиостиль, аномальность, языковая стихия, мировидение.

Salimova D.A.

Yelabuga Institute of Kazan Federal University

LINGUISTIC "REBELLION" IN THE POEMS OF M.I. TSVETAEVA

Abstract. Based on an analysis of material from 1200 examples of word usage, an attempt is made to explore the author's language, to connect the language feature of M. Tsvetaeva with her poetic worldview and special mental and psychological dissonance caused by objective historical and subjective factors. Poetry language of the great poetess of Russia of the 20th century is evaluated both as a mirror image of the author's contradictory inner world, and as a conflict with the world where everything is built on violations and anomalies, and with other people, and as a method of "removing" the reader, and as a pragmatic approach to attract attention.

Key words: M. Tsvetaeva, poetess, idiostyle, anomaly, poetry language, worldview.

«О неподатливый язык!» (Родина) такими словами самого поэта можно сделать своеобразное введение: «Марина Ивановна была ни на кого не похожа, ни на кого, кто жил на земле в мое время» [4, с. 178], писали ее современники, попытаемся в этой статье, основанной на анализе языковых примеров из всего лишь одного сборника [5], вкратце осветить один из аспектов этой «непохожести». Вполне очевидно, что в последние десятилетия интерес к жизни, творчеству, языку

М.Цветаевой в России значительно вырос. Об этом свидетельствует тот факт, что о М.Цветаевой, о ее феноменально своеобразном стиле стали писать отечественные исследователи разных областей гуманитарного знания. Как нам кажется, в России сегодня появилась даже некая своеобразная «мода на Цветаеву». Особая ритмика, авторская пунктуация, синтаксические конструкты, концепты, антропонимы, своеобразие обращений, лексические структуры, семантические поля, концепты, языковые аномалии, интертекстуальность в ее стихах – вот лишь небольшой перечень тем, которые в наибольшей степени исследованы лингвистами в преломлении к текстам М.Цветаевой, не говоря уже о темах, идеях, проблемах, символах, мотивах и образах – в литературоведении. Самыми значительными из исследований в России нам представляются работы Л.В. Зубовой «Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект» [2], В.А. Масловой «Поэт и культура: Концептосфера Марины Цветаевой» [6] и, несомненно, многотомный «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой» [9]. Следует признать: цветаеведение особенно активно развивалось/развивается за рубежом [3, 10].

Цветаевские чтения, проводимые в стенах Елабужского института Казанского федерального университета через каждые два года, свидетельствуют о том, что многих исследователей по-прежнему волнует эта сверхсложная поэтическая проблема: специалисты елабужского института исследуют творчество М. Цветаевой в самых различных ракурсах.

Одной из наиболее ярких характеристик поэтического языка М.Цветаевой можно считать антиномию «аномалия-норма», напрямую связанную с характером русского человека, поражающего своей неординарностью, «необузданностью». Только М.Цветаева во весь голос могла много раз в своих стихах повторять: «Живу – никто не нужен!» и «На твой безумный мир Ответ один – отказ». Стихийная, бунтующая душа поэта не укладывается в жесткие рамки, способна к совершению самых неожиданных поступков, и вот эта «неожиданность», «полная стихия» в текстах поэта превращается в некое языковое бунтарство. Для Цветаевой норма – это по-другому скука. Для нее жить – значит противостоять всем и вся: «обрушившейся стихии», «суетному миру» с его устоявшимися законами. Синтаксическая прихотливость и фонетическая изощренность многих ее созданий столь непривычна, что и такому читателю цветаевских стихов, как Горький, могло показаться, будто их автор «слабо знает русский язык и обращается с ним бесчеловечно, всячески искажая его». Мы же попытаемся доказать, что все эти так называемые «искажения» – это вовсе не незнание языка или насилие над ним, это есть сама Цветаева, личность противоречивая, бунтующая, неординарная и необычная, феноменально талантливая, и одной из составляющей ее

поэтического таланта как раз является ее своеобразное видение мира, уникальное восприятие всего обыденного и острота реакции на все ее окружающее.

Самое первое столкновение, конфликт поэта – это со временем, в котором живет: «Служение поэта времени – есть служение мимовольное... Брак поэта с временем – насильственный брак», – подчеркивала она: ...*Моим стихам, как драгоценным винам, Настанет свой черед.*

Ее поэзия демонстрирует содержательную мощь русской речи. Для поэтической поступи М.Цветаевой характерна полная естественность. Речь поэта раскованна, свободна от предписаний школьной поэтики, предельно приближена к разговорной речи; вполне возможно, что это и есть одна из причин языковой стихии поэта: иногда речь нервная и сбивчивая, иногда наивная, поражающая детской чистотой и строк, и содержащихся в них мыслей. «Единоличье» чувств, завышенные критерии самооценки, постоянный спор (мы бы назвали это некоей «скрытой войной») с собой, с другими, с прошлым, с настоящим, наконец, протест против всего традиционного, нормированного, общепринятого, что зачастую как раз так противоестественно, – все это порождает в душе поэта языковое бунтарство, своеобразное выражение в текстах гениального автора русской национальной души, для которой вечными спутниками-концептами были *оппозиция, антиномия*. «Марина Цветаева была обреченным поэтом и поэтом обреченности» [4, с. 233].

Аномальность пронизывает всю ткань художественного текста автора: отражается в аномальной семантике, когда переиначиваются значения, казалось бы, столь знакомых слов, и в аномальной грамматике, даже словообразовании, в правописании, пунктуации, одним словом, на всех языковых уровнях и подуровнях [8].

Не характерное для современного языка употребление слов и архаичных форм еще раз подтверждает тезис о том, насколько тонко знал и чувствовал русский язык (сегодняшний и древний) поэт: *Как ни мани, как ни зови, Как ни балуй в уютной холе, Единый миг – они на воле: В кошачьем сердце нет любви!* (Кошки) Здесь лексема *хола* (от глагола *холить*), не встречающаяся ни в одном из словарей 20-го века, употреблена в редчайшей форме с определяющим словом *в уютной*, в значении «жить в приволье». Даже в словаре В.Даля это суффиксированное как отдельная лексическая единица не зафиксирована, дана лишь при объяснении глагола *холить* исключительно в глагольных сочетаниях: *жить в холе, в холе пролежала х* [1, с. 697]. Или же: *Тридцатая годовщина Союза – держись, злецы!* (Стол) Форма *зле* с пометой «церк.» зафиксирована в указанном словаре [1, с. 282], *злецы* же не отмечено ни в одном из словарей русского языка):

Смуглой оливой Скрой изголовьё! Боги ревнивы К смертной любви.

Не обычное *любви*, а **любови**, без выпадения гласного, без урезания и сокращения слова-понятия, столь важного и значительного для поэта.

В красную сухую глину Благодный вперяя зрак... Устаревшее, звучащее для слуха современника как нарушение нормы, слово *зрак* (заметьте: не *глаз*, *взор*, *взгляд*, *очи*) как бы оглушает грубостью звучания, одновременно сигнализируя о дисгармонии и неуют в душе поэта, писавшего эти строки. *Книгу вечности на людских устах Не вотще листав*, – пишет автор.

Особо интересно ненормированное употребление форм множественного числа сингулятивов (существительных, употребляющихся только в форме единственного числа): например, у М.Цвeteвой *смуты* – форма множественного числа абстрактно-отвлеченного имени *смута*. Или *Бренных не копим Великолений*. *Ночные шепота*: *шелка Разбрасывающая рука*. *Ночные шепота*: *шелка Разглаживающие уста*. *Счета*

Всех ревностей дневных – и *вспых*

Всех древностей...

Другой стих: *В громком таборе дружб* (эта форма употреблена много раз). В одном без названия стихотворении нарушено все: и числовые формы, и хронологическая однородность лексем (*тицетный* и устар. *тицета*), и количество строк в куплете, количество слов, ударных слогов в строке: это стихотворение можно сравнить с криком и воплем отчаявшегося человека, ведь, когда мы истошно кричим, вовсе не задумываемся, правильные ли слова при этом произносим и верной ли музыкальности тона придерживаемся.

Есть и исключительное словоупотребление плюралия тангум в единственном числе: *бахромчатый штан*: «неверное» использование как неверной формы имени, так и неверной формы предыдущего прилагательного *кумашный*, в связке со сложными основами *колотеры-молотеры*, *полотеры-полодеры* – все это вызывает внутренний протест, неприязнь к *полотерам*, эти нарушения уже не воспринимаются так естественно и органично, как другие непривычные словоупотребления, потому что за этими словами скрыта внутренняя ненависть поэта, неприятие им всего того, что обозначено этими внешними формами; поэта, который никогда не был полотером.

Грамматически «не по правилам» форма – это также краткие формы некачественных по семантике и по образованию прилагательных. Основное правило русского языка – краткую форму образует лишь определенная часть исключительно качественных прилагательных. В текстах Марины Цветаевой в краткой форме

представлены и качественные, и относительные, и качественно-относительные (в переносном употреблении) признаковые слова.

Люди, поверьте: мы живы тоской!

*Только в тоске мы **победны** над скукой.* (Мука и мука)

Или: *О, этот стих не самовольно прерван!*

*Нож чересчур **остер!*** – относительно ножа следует употреблять форму *остр*, цветаевский *нож остер* (форма, употребляемая обычно в сочетании со словом *язык*) служит одновременно и приемом олицетворения, и создает благозвучную рифму с последним словом куплета *костер*. (Ученик)

Бойся не тины – Тверди небесной! Ненасытимо – Сердце Зевеса! (Разлука) Краткая форма неизвестного современному языку прилагательного *ненасытимо*, думается, является аллолексом лексемы *ненасытный*, причем адъективное употребление причастной по форме слова усиливает значение предикации, действенности, говоря по-иному, глагольности признакового слова. *Да ибо этот бой с любовью Дик и жестокосерд* (вместо *жестокосерден* употреблена устаревшая форма адъектива). Есть у поэта самые неожиданные примеры кратких форм и «субъективистских» прилагательных: *И оч и зряч; гранатов, золотенький*. Исползованные в стихах необычные формы степеней сравнения прилагательных (*В сем христианнейшем из миров*) (*голубей воды, вечнее, вечнейший*), даже местоимений и существительных (*моее, всее, морейшее*), *емче* (от *емкий*) органа, *наинасыннейшая* рифма, *последнейшая* просьба, *наинизший* тон (*О как воздух ливок*) (*Сын голубейшей из отчизн!*) (*Ливок! Ливче гончей*), (*Горы – редей темени, Море – седей времени, последнюю... далечайшую*) в собственных контекстах звучат вполне естественно, и только целенаправленное исследование здесь может обнаружить некий алогизм. Немыслимые и совершенно, на первый взгляд, невозможные сочетания слов, не сочетающихся по логике и разуму, органично входят в ткань стихов поэта: *Два – под одним плащом – Ходят дыханья*. (Ученик).

Из лепрозория лжи и зла Я тебя вызвала и взяла (Раковина)

По холмам – круглым и смуглым, Под лучом – сильным и пыльным,

Сапожком – робким и кротким – За плащом – рдяным и рваным. (Ученик)

Стальная выправка хребта И вороненой стали волос.

И чудодейственный – слегка – Чуть прикасающийся голос...

Перстом заочности, руины лиственные, лавины девственные, собутельница души, смуглая смерть и др. сочетания слов встречаем мы в текстах автора.

Изучение только словообразовательного потенциала поэтики Цветаевой могло бы стать самостоятельным аспектом

лингвистического исследования. Именуемое в лингвистике «окказиональным» цветаевское словообразование поражает необычностью как включения нехарактерных для данной словообразовательной модели дериватов, так и соседством «несочетающихся» компонентов в составе сложного слова. «Неправильности» в первую очередь наблюдаем в произведенных от обычных основ необычным способом слова: *Есть час на те слова. Из слуховых глушизи* (это слово используется автором неоднократно). Или *Высокие права Выстукивает жизнь*.

Золото моих волос Тихо переходит в седость. ... Есть в стане моем – офицерская прямоть... Продолжим ряд примеров: *Кумаиный стан, Бахрамчатый итан. Слезы, волосы – сплошное Иструение...*(Магдалина).

В сапогах и до и без отказа По неспаханностям Октября...(Маяковскому). *По нагориям, По восхолмиям...*

Нулевая суффиксация, которой в русском языке в основном образуются существительные от глагольных и прилагательных основ, в стихах поэта особенно продуктивна, причем некая оголенность произведенных таким способом слов ярка и столь беззащитна, что способ деривации становится способом передачи экспрессивно-интенсивных категорий: *Лес: рукоплеск! Весь – рукоплеск* (Один офицер): *Моль* (название стихотворения); *дрог, ков, дребезг, вздрог, ворк* и др. нулевые имена находим мы в одном и том же стихотворении (Когда же, Господин). *Есть и посып, засып* и др.

Особо следует выделить использование в цветаевском текстовом поле глаголов с т.н. «дефектной парадигмой». Глагольные формы, которые по нормам русского языка отсутствуют: *уснуть тицусь, тишаю, дичаю, волчею, сновидеть, не издаривайся, маша, пляша*, или же нехарактерные для данного спряжения глагольные окончания: *Водители – точут, Писатели – строчут* – здесь; «неправильные» деепричастные формы: *пиша, не смеючи*, последний пример можно расценивать и как лексический окказионализм [2, с.159] и др.: как бы налицо умышленное искажение глагольного спряжения с целью создать ощущение ошибочности, неверности того, что скрывается за этими формами, т.е. и здесь налицо отождествление формы и содержания. Для М.Цветаевой – слово, форма, словоупотребление – это сама жизнь, она не различает слова от действий, которые обозначаются этими словами. В жизни, действительности, в нашем бытии столько неверного, несправедливого и неистинного, так, думается, реагирует поэт на жизнь своими поэтическими строками. В ее поэзии все существенно, все укрупнено, вот почему серьезная смысловая нагрузка приходится тут и на слова, считавшиеся служебными (предлоги, союзы, частицы). Она много и плодотворно экспериментирует в этом направлении, соединяя с

существительным разные части речи, вплоть до сочетаний на уровне предложения, а также и отдельные морфемы, тем самым субстантивируя их (поскольку они присоединяются к существительному дефисом) и употребляя в атрибутивной функции, т.е. как эпитет: *В наш-час – страну! в сей-час – страну! В на-Марс – страну! в без-нас – страну!*

Дефис, будучи то разделяющим (сей-час), то соединяющим (наш-час, без-нас), уравнивает наречие со словосочетанием, а словосочетание уподобляет предлогу, превращая тем самым предлог в самостоятельную часть речи, способную стать эпитетом.

Аномальность отражена и в неуправляемой частотности отдельных, ключевых для данного текста, слов: *Есть час души, как час Луны, Совы – час, мглы – час, тьмы – Час... Час Души, как час струны Давидовой сквозь сны.*

Читатель в девяти строфах стихотворения «Час души» 22 раза сталкивается со словом *час*, причем каждый раз лексема приобретает какой-то новый смысловой оттенок, так называемую смысловую нагрузку. О цветаевской пунктуации как вызова всем учебникам написано немало; добавим лишь, что в действительности стихи автора подчинены строжайшей дисциплине, проверены законами высшей словесной архитектоники, усвоенной мастером, как наследие, и пережитой, как бессонные ночи собственных поисков.

Минута: мнующая: мишень! Так мимо же, и страсть, и друг!

Да будет выброшено ныне же – Что завтра бы – вырвано из рук!

Если прочитать этот куплет без «неуместных», на первый взгляд, знаков пунктуации (двоеточие и тире, восклицательный знак), то (парадокс) куплета не получится. «Исправленный» по нормам русской пунктуации куплет перестал им быть: исчезли мысль, боль, крик души и ... образ.

Орфография для поэта тоже вещь весьма относительная: автор слова пишет, делит их на слоги, разрывает на части, как бы демонстрируя при этом, как разрывается сердце, душа: *Здесь? (Дроги поданы.) Спо – койных глаз Взлет. – Можно до дому? В по – следний раз. ... Во – да и твердь. Выкладывают монеты. День – га за смерть... Кон – ца... – Конец.*

Она выстраивает иногда строки так, как ей это видится, «правильность» конструкций волнует поэта меньше всего! Ее творчество, как она сама говорила, «найтие стихии», что обязательно должно было выразиться в стихии языка. Возможна еще одна попытка объяснить причину языковой стихии Марины Цветаевой. «Пусть будет что будет» – примерно так можно было бы за нее сказать относительно столь необычных форм словоупотреблений: *Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст, И все равно, и все – едино,* – восклицал поэт, как бы подчеркивая свой лозунг: «Пусть будет что будет».

Есть еще одна закономерность: аномальность чаще проявляется в стихах (в словоупотреблении, валентности, словообразовании, грамматической форме и т.д.), которые «кричат от боли», в которых, словно из обнаженного нерва, идут искры. *Глаз явно не туплю. Сквозь ливень – перюшь. Венерины куклы,*

Вперяйтесь! Союз Сей более тесен, Чем влечься и лечь.

Самой песней Песен Уступлена речь... И в полые волны

Мглы – сгорблен и рван Бесследно, безмолвно – Как тонет корабль – так завершается лаконично называемая «Поэма конца».

Вся эта языковая стихия, корнями уходящая в отщепенство, несчастье (психологическое, онтологическое) поэта, не дозревшего до умения соединиться с миром, слиться с ним и со своим временем, то есть со своей историей и людьми, парадоксальным образом превращается в поэтический гений Цветаевой, в особый прагматический прием «отстранения» читателя: удивить, разочаровать, рассердиться и т.д. Заставить его думать, не соглашаться. «Единственный способ искусству быть заведомо хорошим – не быть», – писала сама М.Цветаева. Видимо, писать «заведомо» хорошие, верные, положительные стихи означало бы для **поэта** перестать быть им. Трагедия несовместимости брэнного и вечного, непреложности и своей воли, вызов року и судьбе, стихия страсти огня и воли смертного, звериная интуиция и предчувствие близкого конца – все это порождало в ее стихах необузданность и неуправляемость строк, так мягко названная современниками «словесной игрой». Такое **языковое бунтарство** (именно так стоит оценить неуправляемые с точки зрения языка строки) – есть и сам поэт, яркий, оригинальный, не совсем «правильный» и не всегда понятный, но великий Поэт. «Но есть еще услада: Я жду того, кто первый Поймет меня, как надо – И выстрелит в упор» – эти строки, пробивающие насквозь, слова, еще раз подтверждающие мысль о том, что Марина Цветаева с юности знала: она уйдет рано – все это свидетельствует о глубинных основах языковой, поэтической стихии цветаевских строк. Такие «неправильности» своей резкостью, аномальностью лишь усиливают интерес к текстам, стихам, как бы «просящим», чтобы их читали вслух, а при проговаривании, при звучании нестандартные языковые формы и конструкции приобретают особый поэтический вес.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: Современная версия. – М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 736 с.
2. Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 263 с.

3. Karlinsky S. Marina Cvetaeva. Her Life and Art. – Berkeley: Los Angeles, 1966. – 299 p.
4. Марина Цветаева в воспоминаниях современников: годы эмиграции. – М.: Аграф, 2002. – 336 с.
5. Марина Цветаева. Осыпались листья над вашей могилой... – Казань: Тат. книжн. изд-во, 1990. – 542 с.
6. Маслова В.А. Поэт и культура: Концептосфера Марины Цветаевой. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 256 с.
7. Салимова Д.А., Данилова Ю.Ю. Время и пространство как категории текста: теория и опыт исследования (на материале поэзии М.И. Цветаевой и З.Н. Гиппиус): Монография. – М.: Наука: Флинта, 2009. – 200 с.
8. Салимова, Д.А. Билялова А.А. Аномальность как стилеобразующая черта стихов М. И. Цветаевой / Гуманитарные науки и образование. – Саранск, – 2021. –Т.12. – №1. – С. 145-153.
9. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой /Сост. М.Ю. Белякова, М.П. Оловянникова, О.Г. Ревзина. В 4-х т. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996 - 2002.
10. Цаликова И.К. Жизнь и творчество Марины Цветаевой в рецепции зарубежной славистики: Англия, США: дис. канд. филол. наук. – Ишим, 2005. – 224 с.

УДК 37:811.161.1(574)(045)

Тойкина О.В.¹, Шпилева Г.С.¹

¹Удмуртский государственный университет

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В КАЗАХСТАНЕ (ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам преподавания русского языка в образовательной системе Казахстана в качестве второго родного языка. Независимое социально-экономическое развитие Республики Казахстан в последние десятилетия привело к объективным изменениям языковой ситуации в стране, результатом которых можно обозначить внедрение политики «Триединства языков». Данная политика потребовала пересмотра традиционных целей, задач и методов обучения языкам в Казахстане. Мультилингвальный подход внес существенные коррективы в развитие актуальных лингводидактических аспектов организации обучения русскому языку в образовательной системе Республики Казахстан, одним из которых является формирование культурно-языковой компетенции обучающихся.

Ключевые слова: языковая ситуация, лингводидактика, русский язык, культурно-языковая компетенция

Toikina O.V.¹, Shpileva G.S.¹

¹Udmurt State University

TEACHING RUSSIAN IN KAZAKHSTAN (LINGUODIDACTIC ASPECT)

Abstract. *This article is devoted to the issues of teaching Russian in the educational system of Kazakhstan as a second native language. The independent socio-economic development of the Republic of Kazakhstan in recent decades has led to objective changes in the language situation in the country, the result of which can be described as the introduction of the policy of "Trinity of Languages". This policy required a revision of the traditional goals, objectives and methods of language teaching in Kazakhstan. The multilingual approach has made significant adjustments to the development of topical linguodidactic aspects of the organization of Russian language teaching in the educational system of the Republic of Kazakhstan, one of which is the formation of cultural and linguistic competence of students.*

Key words: language situation, linguodidactics, Russian language, cultural and linguistic competence

Основной задачей современной лингводидактики русского языка в Казахстане является обращение внимания специалистов в сфере теории преподавания, педагогов и преподавателей русского языка на значимость тех психолого-педагогических и лингвистических методов, которые в сегодняшних условиях выходят на первый план в осмыслении процесса обучения языку с целью повышения его результативности в мультилингвальной среде.

Целью нашей статьи является анализ способов формирования лингвокультурной языковой компетенции при обучении русскому языку в Республике Казахстан. *Объектом* статьи служит языковая политика «Триединства языков», предполагающая взаимодействие в образовательном пространстве казахского, русского и английского языков. *Предметом* исследования является лингводидактический аспект в преподавании русского для носителей и не носителей языка.

Казахстан обладает богатым языковым капиталом, однако основной и фундаментальной задачей образовательной системы является баланс между казахским и русским языками, поэтому языковая стратегия ориентирована на формирование и регулирование отношений между этими двумя языками. Для большинства жителей страны русский язык является не иностранным, а вторым родным языком или языком, который активно употребляется наравне с родным, а казахский язык является государственным.

В течение последних 10 лет на территории страны стал заметным факт стабильного уменьшения этносов. Это значит, что в общей численности населения постепенно сокращается доля народностей, отличных от исконных владельцев государства – казахов, в частности, доля русскоязычного населения. Тем не менее, самыми

многочисленными этническими группами в стране являются казахи и русские, составляющие 70% и 20% населения соответственно [7].

По итогам переписи населения, проведенной в 2021 году, выяснилось, что 89,62% населения республики Казахстан понимают устную речь на казахском языке, и 64% – на русском [4]. Эти данные свидетельствуют о том, что в настоящее время большинство населения страны являются двуязычными. Однако, в связи с сокращением количества русскоязычного населения, появляется тенденция снижения спроса на обучение русскому языку как родному.

Русский язык является одним из самых распространенных языков в мире, а также одним из шести официальных языков ООН, то есть международным средством общения [1, с. 42]. Согласно Конституции Республики Казахстан, русский язык применяется на равных с государственным языком. Так, в законе Республики Казахстан № 319-III от 27.07.2007 года «Об образовании» в ст. 9 сказано, что языковая политика в сфере образования осуществляется в соответствии с Конституцией Республики Казахстан и законодательством Республики Казахстан о языках; все организации образования, независимо от форм собственности, должны обеспечить знание студентами казахского языка как государственного, а также изучение русского языка и одного из иностранных языков в соответствии с государственным общеобязательным стандартом соответствующего уровня образования [5]. Следовательно, изучение и использование казахского, русского, а также одного иностранного языка, как правило английского, в системе образования Республики Казахстан закреплено законодательно.

В Казахстане сегодня отражаются глобальные тенденции демократизации общественно-политического строя, находясь на стыке европейской и восточной цивилизаций. Следование глобальным тенденциям привело страну к принятию в 2007 году новой государственной политики в сфере языкового планирования. Причиной создания проекта под названием «Триединство языков» стала объективная необходимость удовлетворить интересы большей части общества путем выстраивания равноправного взаимодействия и сохранения коммуникативной ценности казахского, русского и английского языков, так называемого трехъязычия [8]. Согласно терминологии словаря российского исследователя-социолога Т.В. Жеребило, трехъязычием является: 1. функционирование трех языков на территории одного города/государства, когда каждый из языков практически в равной степени используется населением; 2. владение индивидом тремя языками в пределах его коммуникативных возможностей [3, с. 226].

Проект «Триединство языков» нацелен на формирование нового имиджа государства на международной арене и на соответствие

тенденции полиязычного образования. Предполагается, что в скором времени население республики должно обладать равной компетенцией в казахском языке (государственный язык), русском языке (язык межнационального общения) и английском языке (залог успешной интеграции в глобальную экономику) [8].

В Казахстане школьники и студенты изучают казахский, русский и иностранные языки. Для групп, обучающихся на казахском языке, русский язык является вторым языком, а казахский язык – доминантным. Казахстанские ученые и русисты констатируют, что роль русского языка в казахском обществе меняется, и это является первым проявлением объективных изменений в общественно-политической жизни. Реформы в изучении русского языка связаны с изменением его статуса – переходом с основного языка на один из двух, необходимых для обучения. Русский язык становится не столько средством общения среди казахскоязычного населения, сколько способом учебной, научно-технической, профессиональной коммуникации, а также средством культурного развития.

Следовательно, трансформируется и процесс преподавания русского языка. Это достаточно сложные, многомерные и многофакторные изменения, требующие комплексного подхода [6]. Важным является и то, что в процессе обучения осваивается не только язык, но и отношение к языку. Рассмотрим вопрос обучения русскому языку с позиции лингводидактики.

В современной науке существует мнение, что лингводидактика – это общая теория преподавания языка в условиях образования [2]. Лингводидактика предполагает освоение языковых «минимумов» в процессе изучения определенного языка в результате осознанного применения эффективных методов обучения. В определенном смысле, понимание лингвистической дидактики как науки близко к некоторым аспектам прикладного языкознания. Являясь интегративной наукой, лингводидактика показывает механизмы усвоения и употребления языка, а также специфику управления данными механизмами в образовательных условиях.

Независимо от того, о каком языке идет речь (родном или иностранном), лингводидактический подход предполагает соответствие следующим принципам:

а) язык является средством формирования и формой существования и выражения мыслей об объективной реальности, свойства и закономерности которой являются предметом других дисциплин;

б) языковые знания не ограничиваются владением только одного аспекта языка (грамматика, лексика и т.д.), успешность коммуникации определяется сформированностью языковых и коммуникативных компетенций;

в) обучение языку предполагает учёт индивидуальных и культурных особенностей обучающихся, опору на познавательные средства своей культуры, привлекаемые для осознания средств иной культуры [2, с. 42].

Существует и другая точка зрения, основанная на идее единого подхода к предметам языкового цикла, к которым относятся «родной язык», «второй язык» (язык межнационального общения внутри государства) и «иностранный язык». Сторонники такого подхода считают, что общей целью обучения языкам является не только формирование продуктивности многоязычия, но и совокупность универсальных психологических, психолингвистических и дидактических закономерностей процесса изучения разных языков. Важным является также осознание универсальных явлений в языковых системах, общих задач и принципов обучения, схожих критериев отбора контента и отдельных стратегий (методов) обучения. Вне зависимости от того, какому языку обучается человек, необходим учет целостности личности учащихся, их общекультурных, филологических, региональных исследований и жизненного опыта [2]. Это дает основание для построения единой концепции преподавания языкового цикла предметов в образовательном пространстве Казахстана, позволяющего соизучать три языка: казахский, русский и английский.

Согласно мнению доктора филологических наук С.И. Лебединского, в методике преподавания русского языка существует несколько методов, которые формируют модель обучения и получают различную степень распространения и глубину теоретического обоснования. Самыми распространенными из них являются девять методов обучения: грамматико-переводной, сознательно-сопоставительный, когнитивный, аудиolingвальный, структуральный, аудиовизуальный, трансформационный, сознательнопрактический, коммуникативный [6, с. 32]. Вышеперечисленные методы обучения кардинально отличаются друг от друга по содержанию, последовательности, видам единиц обучения и упражнений, конечным и промежуточным целям.

Современные подходы обучения требуют пересмотра методических аспектов в процессе обучения русскому языку в Казахстане. Направленность обучения на формирование коммуникативной компетентности в образовательной сфере предполагает взаимодействие всех видов вербальной деятельности (говорение, слушание, чтение, письмо), а также владение нормами литературного языка и стилистики. Однако в условиях, когда русский язык не является родным и преподается в другой культурной среде, для описания общего уровня сформированности коммуникативных навыков обучающихся, появляется необходимость введения термина культурно-языковой компетентности.

Исследователи определяют культурно-языковую компетенцию в качестве самостоятельного вида ментальных способностей, включающего в себя языковую и коммуникативную компетенции, взаимодействие которых обеспечивает «вход» в систему культурных ценностей [9]. Культурно-языковая компетенция основывается на представлении о национальной идентичности участников общения. Коммутант осознает то, что данный язык является для него родным языком, поскольку он думает на нём и относит себя к лингвокультурной группе, опираясь на этот язык.

Так как культурно-языковая компетенция в значительной степени зависит от уровня сформированности языковой и коммуникативной компетенций, то в настоящее время перед методикой обучения русскому языку в Казахстане стоит актуальная задача определения набора знаний, умений и навыков, которые должны формироваться у учащихся в процессе обучения на различных возрастных этапах. Кроме того, необходимо обеспечить формирование навыков обучающихся интерпретировать языковые знаки в категории культурного кода. Сформировать представления о языке как форме проявления русской национальной культуры.

Таким образом, важно организовать обучение русскому языку как среди носителей, так и среди не носителей таким образом, чтобы уровень владения русским языком обеспечивал коммуникативные потребности обучающихся в различных сферах: личной, общественной, профессиональной и др. Помимо этого важным результатом обучения является формирование культурно-языковой компетенции, позволяющей носителям русского языка идентифицировать себя как часть русского лингвокультурного пространства, а для не носителей русского языка является способом знакомства с русской картиной мира. Поэтому лингводидактический материал, предлагаемый для изучения русского языка, должен соответствовать актуальным требованиям политики «Триединства языков» и отражать объективную ситуацию многоязычия в образовательном пространстве Казахстана. Современные коммуникативные методы обучения русскому языку не только создадут условия для формирования необходимых языковых и коммуникативных умений в русском языке, но и будут способствовать положительному переносу знаний в сферу казахского и английского языков.

Список литературы

1. Алымова А.С. Эволюция языковой политики Казахстана: проблемы и перспективы: дис. канд. филол. наук, Екатеринбург, 2021. – 140 с.

2. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. – 3-е изд. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 336 с.
3. Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социоллингвистика: Словарь-справочник. – Назрань: Пилигрим, 2011. – 280 с
4. Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан [Электронный ресурс]: Нұр-Сұлтан 2022. – Режим доступа: <https://stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT464825> (дата обращения: 17.09.2022)
5. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.09.2022 г.) [Электронный ресурс]: Юрист – Параграф онлайн. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30118747&sub_id=90000&pos=1453;-54#pos=1453;-54 (дата обращения: 17.09.2022)
6. Лебединский С.И., Гербик Л.Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного. – 3-е изд. – 2011. – 309 с.
7. Население Казахстана и статистическая информация. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/naselenie-kazahstana-i-statisticheskaya-informatsiya/> (дата обращения: 29.09.2022)
8. Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 28 февраля 2007 г.
9. Токарева И.Ю. Культурно-языковая компетенция: новый термин или новый объект методики преподавания родного языка// Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2011. – С. 422-429.

УДК 811.161.1

Толипова Д.С

Ташкентский государственный транспортный университет

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИМВОЛИКИ В РУСЛЕ ЛИНГВИСТИКИ

Аннотация. В статье освещается системный характер символов, функционирующих в анализируемых текстах, описывается многоуровневая иерархическая система символов, выявляются дуалистические оппозиции на каждом из уровней системы. Особое внимание уделяется структурным компонентам, выполняющим роль связующего звена между составляющими оппозиций, осуществляется лингвостилистический анализ и характеристика языковых экспликаторов всех компонентов упомянутой системы.

Ключевые слова: Технологии, символ, символическое сознание, иерархическая система

Talipova D.S.

Tashkent State Transport University

THE RELEVANCE OF THE STUDY OF LINGUISTIC SYMBOLISM IN THE MAINSTREAM OF LINGUISTICS

Annotation. *The article highlights the systemic nature of the symbols functioning in the analyzed texts, describes a multilevel hierarchical system of symbols, identifies dualistic oppositions at each of the levels of the system. Special attention is paid to the structural component that serves as a link between the components of oppositions, linguistic stylistic analysis and characterization of the language explicators of all components of the mentioned system are carried out.*

Keywords: Technologies, symbol, symbolic consciousness, hierarchical system

Символ является неотъемлемой составляющей культурного потенциала человечества, формирующегося в процессе его когнитивной деятельности, направленной на концептуализацию и категоризацию окружающей действительности. В данной связи проблема изучения языковой символики сохраняет свою актуальность во многих сферах научных исследований, в особенности в русле лингвистики. Стремление познать суть бытия сквозь призму символического сознания в яркой степени проявляется в произведениях писателя Г. Гессе. В основе этого типа сознания лежит синтез ряда западных философских концепций и основ восточных эзотерических учений. Следует отметить, что специфика символического сознания Г. Гессе традиционно исследуется с позиций литературоведения и культурологии. Осуществленный нами анализ способов вербализации сознания в текстах произведений Г. Гессе, позволил установить ряд основных закономерностей: – символы, функционирующие в текстах произведений Г. Гессе, носят системный характер; – подразумеваемая система символов обладает структурными уровнями, находящимися между собой в иерархическом отношении – на всех уровнях иерархической системы выявлено наличие семантических дуалистических оппозиций. основополагающим уровнем системы, формирующим символическое сознание Г. Гессе, является дуалистическая оппозиция, компоненты которой находятся в диалектическом взаимодействии. Таким образом, речь идёт о взаимосвязи Вселенной (Макрокосма) и Человека (Микрокосма). В центре каждого из исследованных нами произведений находится человек, стремящийся постигнуть суть собственного «Я», и активно взаимодействующего в этом плане со Вселенной. Поскольку как Человек, так и Вселенная могут существовать в системе координат «ВремяПространство», являющейся связующим звеном между

компонентами базовой оппозиции. Время, как фундаментальная категория бытия реализуется в произведениях писателя через архетип круга/колеса, отражающий важнейший принцип структурирования символического сознания писателя. Круг или колесо являются традиционно символами непрерывного круговорота жизни и смерти, т.е. сансары, изменяющегося мира. Главными репрезентантами этого архетипа являются лексемы с семантикой повторения (wieder, immer wieder, dasselbe), а также кругового движения (напр.: наречия rundum, herum, существительные Kreis, Rad, глагол kreisen и др.). По принципу круга выстроено большинство исследованных нами произведений Г. Гессе. Таким образом, возникает характерная рамочная композиция, которая достигается использованием автором стилистической фигуры семантического повтора. Однако доминирующую роль в художественной картине мира писателя играет Пространство, характерным принципом которого является дуализм, что позволяет выделить дуалистическую оппозицию второго уровня, Мир Духовный: Мир Материальный, связующим элементом между компонентами которой выступает мотив странничества. Противопоставление Мир Духовный: Мир Материальный возникает на основе употребления автором лексем-антонимов, выступающих, как правило, в виде прилагательных и существительных (frei/seßhaft, Mönchsleben/Unabhängigkeit und Trieb, geistig/bürgerlich). Мотив странничества отражает метания главного героя, блуждающего между двумя мирами, духовным и материальным, с целью достижения внутренней гармонии. Средствами реализации этого мотива служат глаголы с семантикой передвижения в пространстве (wandern, reisen, gehen, fortsetzen, pilgern), существительные, содержащие пространственные атрибуты (Wald, Pfad, Weg), а также наречия (fort, weg) и др. Третий уровень иерархической системы символов Г. Гессе представлен дуалистической оппозицией Отцовское начало: Материнское начало, связующим звеном между компонентами которой является Мать Божественная. Как известно, женские образы являются важнейшей составляющей в произведениях немецкого писателя и представляют собой имволические фигуры, играющие большую роль в духовном становлении героев произведений. Материнское начало занимает главенствующее положение в художественной картине мира писателя. Языковыми экспликаторами семантической оппозиции третьего уровня Отцовское начало: Материнское начало служат в первую очередь существительные Vater/Mutter, а Матери Божественной – существительные, референциально соотносимые исследователями с богородицей (Gottesmutter, Madonna). Поскольку Материнское начало является безусловной доминантой в символическом сознании Г. Гессе, оно проявляется в текстах в виде Архетипа матери. В свою очередь, этот архетип реализуется образом Праматери всего сущего, на основе

которой формируется четвёртый уровень иерархической системы, представляющий собой оппозицию Ева (земная прародительница) – Мать Земная (природа). На языковом уровне образ Евы – земной прародительницы эксплицируется лексемами *Eva, Urmutter, Frau, Geliebte*. Как очевидно, природа является для Г. Гессе воплощением материнства и образ Матери Земной (природы) получает развитие в виде символики стихий, в частности воды, огня, воздуха, земли. Специфика символики природных стихий заключается в том, что такие природные элементы как земля и вода также образуют подуровни. Так, стихия земли, получает языковое воплощение в виде флористической символики, представленной в текстах произведений существительными и прилагательными (*Rosa, Veilchen, Steinnelke, Kastanienbaum, violett* и др.). В свою очередь, она дополняется символикой красок, что можно проследить на примере рассказа „Klingors letzter Sommer“, где главный герой обращается к женщине, сравнивая её с цветами: «Für dich, rote Blume am Berg. Für dich, Steinnelke» [9, S. 108]. Символика воды, маркерами которой выступают лексемы *Wasser, See, Fluss, Regen* получает свое развитие в символике зеркал (*Spiegel, Spiegelbild, Spiegelgesicht* и др.), образующей отдельный подуровень системы. На основании вышеизложенного становится понятным, что символическое сознание немецкого писателя Г. Гессе представляет собой не набор случайных общеизвестных символов с индивидуально-авторской интерпретацией, а строгую, логически выстроенную иерархическую систему уровней, содержащих дуалистические оппозиции онтологического характера, репрезентированные в тексте произведений определенным набором языковых средств.

Список литературы

1. Абаев Н. В. Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае. – М.: Наука, 1983. – 128 с.
2. Аверинцев С.С. Путь Гессе. – М.: Наука, 1977. – 110 с.
3. Авдеева Л.С., О.Л. Протасова. Современная культурология: учебное пособие. – Тамбов: ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2013. – 80 с.
4. Апт С. Герман Гессе. – М.: Панорама, 1995. – 535 с.
5. Арутюнова Н. Д. Язык и Мир Человека. – М.: Наука, 1998. – 342 с.
6. Басин Е.Я. Психология художественного творчества. – М.: Знание, 1985. – 64 с.
7. Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Панорама, 1994. – 246 с.
8. Белый А. Знак. Символ. Миф / Труды по языкознанию. – М.: Панорама, 1982. – С. 78-90.

9. Klingsors letzter Sommer. – Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1985
г. – 112 с.

УДК 81.42

Халиуллина Д. А.¹

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Копылова Т.Р.¹
¹Удмуртский государственный университет

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА В ДИСКУРСЕ ОРУЖЕЙНИКОВ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. *В когнитивном подходе метафора понимается как особый способ познания мира. Результаты настоящего исследования, посвященного функционированию когнитивной метафоры в речи оружейников Удмуртской Республики, свидетельствуют о широком распространении данного феномена в оружейном дискурсе.*

Ключевые слова: оружейный дискурс, когнитивная метафора, метафорическая модель.

Khaliullina D. A.¹

Research Advisor–Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Kopylova T.R.¹
¹Udmurt State University

COGNITIVE METAPHOR IN DISCOURSE OF GUNSMITHS OF THE UDMURT REPUBLIC

Abstract. *In cognitive approach metaphor is considered as a special way of knowing the world. The present research, devoted to the functioning of cognitive metaphor in the speech of gunsmiths of the Udmurt Republic, reveals that this phenomenon is widespread in the discourse of gunsmiths.*

Keywords: discourse of gunsmiths, cognitive metaphor, metaphor model.

Метафора функционирует в различных типах дискурса: художественном, политическом, научном и др. Настоящая статья посвящена особенностям использования когнитивной метафоры в дискурсе оружейников Удмуртской Республики. Материалом исследования послужили печатные и сетевые издания, а также документальные фильмы, повествующие о конструкторах оружия М.Т. Калашникове, В.М. Калашникове, М.Е. Драгунове, Г.Н. Никонове.

В когнитивной лингвистике метафору понимают как феномен концептуальной системы, определяющий и структурирующий язык, мышление, деятельность человека [5, с. 25]. Согласно представлениям когнитивистов, метафора помогает человеку не только выражать свои мысли, но также является особым средством познания

действительности, категоризации, концептуализации и оценки мира. [9, с. 54].

В отличие от языковой метафоры, ориентированной непосредственно на язык, когнитивная метафора представляет собой «способ преобразования одних содержаний в другие, а языковые оформления этих преобразований имеют вторичный характер» [3, с. 83]. Таким образом, в рамках когнитивного подхода метафора определяется как «основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы» [10, с. 37].

В когнитивно-дискурсивном подходе метафору рассматривают не только как средство трансфера знаний: языковой образ создается субъектом речи с целью эмоционального воздействия и убеждения [6, с. 133–134].

Преобладающие в том или ином типе дискурса метафоры называют *базовыми, ключевыми, дискурсообразующими* [2, с. 159–160]. В ходе исследования речи оружейников были выявлены следующие виды когнитивных метафор: *метафора движения, антропоморфная метафора, артефактная метафора, социоморфная метафора, природоморфная метафора* и смежная с ней *астрономическая метафора*.

Основанием **метафоры движения** можно считать ориентационную метафору «сила ориентирована вверх», поскольку социальный статус предполагает обладание властью (силой) [5, с. 39].

Фрейм «Передвижение в пространстве», слот «Подъем на горную вершину», метафорическая модель «Конструкторская деятельность — это подъем на горную вершину». *Я говорю так: все мы как альпинисты. Вот есть вершина, и мы к ней стремимся. Отец – впереди идущий, прокладывает нам тропу. Конечно, у каждого из нас своя вершина, у кого побольше, у кого-то поменьше. Стремление к их покорению приносит удовлетворение* [16]. В данном дискурсивном фрагменте конструктор оружия В. М. Калашников сравнивает представителей своей профессиональной группы с альпинистами. Образ вершины горы символизирует цель конструкторской деятельности создателей оружия. В данном случае метафора является развернутой. В конце отрывка автор упоминает своего отца, конструктора М. Т. Калашникова, творческий путь которого является примером для многих представителей данной социально-профессиональной группы.

В следующем отрывке в основе **природоморфной метафоры** со сферой-источником «Топографический рельеф» также лежит образ горы:

Фрейм «Топографический рельеф», слот «Горные вершины», метафорическая модель «Оружейник — это гора». *Считаю, что*

состоялся в профессии в меру своих способностей и тех возможностей, которые мне предоставлялись. Конечно, если взять моего отца Евгения Федоровича, то это Эверест. Геннадий Николаевич Никонов это, положим, Пик Сталина, сейчас он называется Пиком Исмоила Сомони. Ну, я поскромнее. (Удмуртская правда: [11]). В качестве фокуса метафоры в данном примере выступают имена собственные: оронимы *Эверест, пик Сталина, пик Исмоила Сомони*. Сравнение конструкторов оружия с высочайшими вершинами вносит масштабность и величие в образы оружейников. С Эверестом автор сравнивает своего отца Е. Ф. Драгунова, автора легендарной снайперской винтовки СВД. Г. Н. Никонов, разработавший автомат АН-94, предстает в образе самой высокой вершины СССР — пика Сталина, позже переименованного в пик Коммунизма и пик Исмоила Сомони.

Астрономическая метафора — «перенос значимых признаков и характеристик понятий теоретической и прикладной астрономии на другие наименования, схожие с ними» [1, с. 6]. Рассмотрим пример репрезентации астрономической метафоры в дискурсе конструктора М. Е. Драгунова.

Фрейм «Астрономические понятия», слот «Вселенная», метафорическая модель «Оружие — это Вселенная». *Я всегда говорю, что оружие — это Вселенная. Это интереснейшая техника.* [11]. Образ Вселенной позволяет автору выразить аксиологическое отношение к своей профессии и оружейному делу в целом. Масштабность созданного конструктором М. Е. Драгуновым образа увеличивает эмотивный потенциал текста, усиливает экспрессию, поскольку, согласно В. Н. Телия, целью автора метафоры является не только заполнение номинативных и когнитивных лагун в языке, но и создание прагматического эффекта [8, с. 135].

Антропоморфные метафоры представлены метафорическими моделями со сферой-источником «Органы человеческого тела».

Фрейм «Органы человеческого тела», слот «Голос», метафорическая модель «Звук выстрела — это голос». *Идя по лесу к проходной полигонов, чувствуешь и слышишь (но еще не видишь) голос всех образцов, которые участвуют в конкурсе. Масса участников — масса образцов с характерными тембрами «голоса»* [13]. Оружейник Г. Н. Никонов, сравнивая звук выстрела автомата с голосом человека, подчеркивает уникальность «голоса» каждого из образцов оружия. Прототипическими функциями голоса являются «передача информации, оценка некоторых качеств субъекта» [10, с. 62]. В данном случае голос осуществляет функцию, связанную с его уникальностью и своеобразием.

Фрейм «Органы человеческого тела», слот «Скелет, костяк», метафорическая модель «Коллектив слесарей-оружейников — это

костяк». В нашем коллективе они являлись костяком, задавая тон всей производственной деятельности [10, С. 4]. Основная функция костяка (скелета) — опорная. Физиологическая метафора в данном примере характеризует слесарей-оружейников как коллектив преданных своему делу мастеров, от профессионализма которых зависел успех оружейного производства. Речь идет о слесаре П. Н. Бухарине и его коллегах, к советам которых прислушивались конструкторы оружия.

Фрейм «Органы человеческого тела», слот «Позвоночник», метафорическая модель «Силовые структуры — это позвоночник». *Что такое государство? Это, прежде всего, силовая структура. Это армия, правоохранительные органы... Сломай их — и общество окажется без позвоночника, без опоры* [11]. Конструктор М. Е. Драгунов, отмечая особую роль силовых структур в государстве, сравнивает их с позвоночником. В основе метафоры лежат прототипические функции позвоночника — опорная, защитная. Таким образом, физиологическая метафора является частотной в речи оружейников и представляет собой продуктивную метафорическую модель в данном типе дискурса.

Артефактные метафоры функционируют в различных видах дискурса, что обуславливает особый интерес к артефактным реалиям как к источнику создания метафорических образов [4, с. 178]. Рассмотрим пример создания артефактного образа в речи оружейника М. Т. Калашникова.

Фрейм «Быт», слот «Аксессуары», метафорическая модель «Государство — это зонтик». *Пока Советский Союз был мощным, пусть и тоталитарным государством, пока велась политика ядерного сдерживания, всякие мелкие очаги противостояния как бы дремали под этим глобальным «зонтиком»* [15]. Если в предыдущем примере охранно-защитная функция государства была репрезентирована традиционной физиологической метафорой, в данном фрагменте с этой целью используется артефактная реалия «зонтик». М.Т. Калашников представляет СССР в образе глобального зонтика, способного сдерживать локальные конфликты. В основе метафорической модели лежит функция зонтика — защита от солнечных лучей и дождя.

Социоморфная метафора используется в дискурсе с целью моделирования ситуации «по образу постоянного взаимодействия людей в обществе» [7, с. 65]. В ходе исследования дискурса конструктора М. Т. Калашникова была выявлена частотная социоморфная метафора со сферой-источником «Образование».

Фрейм «Виды учебных заведений», слот «Академия». *Завод стал для меня второй академией. Первой я считаю армию (Удмуртская правда. 1994. 3 нояб. (№ 204). С. 3); // Вот такой / труд большой / перед этим был / он не пропал даром / Это моя / военная академия //* [14]. В данных дискурсивных фрагментах реализуются метафорические

модели «Завод – это академия», «Армия – это академия», «Труд – это академия». Употребление метафоры образования в дискурсе М. Т. Калашникова связано с фактом из биографии конструктора: М. Т. Калашников, не имея высшего образования, разрабатывал свои образцы лишь благодаря изобретательскому таланту и огромной работоспособности.

В заключении рассмотрим дискурсивный фрагмент, в котором автор создает несколько ментальных образов, используя различные виды когнитивных метафор: *В основе любого производства лежат четыре составляющих: это вожжи – то есть управление, железо – то есть техническая оснащенность, мозги и руки — то есть человеческий капитал в разных его проявлениях.* [12]. В данном отрывке реализуются следующие метафорические модели: артефактная метафорическая модель «Управление производством – это вожжи», природоморфная метафорическая модель «Техническая оснащенность производства – это железо» и антропоморфная метафорическая модель «Человеческий капитал предприятия – это мозги и руки».

В ходе исследования речи оружейников Удмуртской Республики были выявлены разнообразные метафорические модели. Таким образом, когнитивная метафора как результат ассоциативно-образного мышления широко распространена в оружейном дискурсе.

Список литературы

1. Афанасьева О. Ю., Астахова К. А., Кулагина Е. А. Астрономическая метафора в медийном дискурсе // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2020. – № 1. – С. 5–9.
2. Бахчоян А. М. Функции метафоры в разных типах дискурса // Инновационная наука. – 2017. – № 4–3. – С. 158–160.
3. Берестнев Г. И., Дронова А. Л., Сироткина Л. С. Когнитивная метафора в зеркале квантовой теории // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – № 11. – С. 78–87.
4. Жуйкова О. В. Артефактные метафоры как вербальные средства объективации концепта «Язык» в философском дискурсе В. фон Гумбольдта // Вестник КемГУ. – 2018. – № 3 (75). – С. 177–186.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Лакофф Дж., Джонсон М. [под. ред. А. Н. Баранова]. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
6. Опарина Е. О. Метафора в дискурсе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. – 2021. – № 3. – С. 131–141.

7. Солдаткина Т.А. Метафорические модели фразеологизмов с оценочным компонентом в марийском и французском языках // Финно-угорский мир. – 2017. – № 1. – С. 64–72.

8. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

9. Чудинов А. П., Будаев Э. В. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 54–57.

10. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография. – Екатеринбург: Урал. Гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.

Источники

10. Васильев А. К советам слесаря прислушивались конструкторы // Известия Удмуртской Республики. 1999. 11 нояб. (№ 153–154). С. 4

11. Егоров И. «Михаил Драгунов: «Человеческая цивилизация без оружия невозможна...»» // Удмуртская правда: [сетевое издание]. URL: [https://udmpravda.ru/rubrics/planerka/401319-mikhail-dragunov-chelovecheskaya-tsivilizatsiya-bez-oruzhiya-nevozmozhna-/](https://udmpravda.ru/rubrics/planerka/401319-mikhail-dragunov-chelovecheskaya-tsivilizatsiya-bez-oruzhiya-nevozmozhna/)

12. Иртегова О. «Михаил Драгунов: «Стрелковое оружие- вещь консервативная»» // Известия Удмуртской Республики: [сетевое издание]. URL: https://izvestiaur.ru/rubrics/intervyu/363735-mikhail_dragunov_strelkovie_oruzhie_veshch_konservativnaya/

13. Поздеева А. «Симфония оружейника Никонова» // Удмуртская правда: [сетевое издание]. URL: https://udmpravda.ru/rubrics/stati/376794-simfoniya_oruzheynika_nikonova/

14. «Калашников: Трактория судьбы» [Кинофильм] / реж. А. Никишин. М.: Национальная кинокомпания «Вся Россия», Межрегиональный Общественный Фонд им. М. Т. Калашникова, 2014–2015. URL: <https://yandex.ru/video/preview/2118643144103686936>

15. Ривелис И. Философия оружия // Удмуртская правда. – 1994. – 3 нояб. (№ 204). – С. 3

16. Совершенно конкретно. 2001. 13–20 дек. С. 8.

Хасанова В.Х.¹, Бабаходжаев Р. Х.¹

¹Ташкентский государственный транспортный университет

СОВРЕМЕННОЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Аннотация. *Серьезной филологической подготовки требуют все профессии, которые предполагают интенсивное общение с людьми: социального работника, психолога, менеджера, рекламного агента, политического деятеля. В связи с этим возросла роль филологического образования.*

Ключевые слова: литература, мир, символическое сознание, иерархическая система

Hasanova V.X.¹, Babaxodjayev R.X.¹

¹Toshkent davlat transport universiteti

ZAMONAVY FILLOGIK TA'LIM

Annotatsiya. *Odamlar bilan intensiv mulogotni o'z ichiga olgan barcha kasblar uchun jiddiy filologik tayyorgarlik talab etiladi: ijtimoiy ishchi, psixolog, menejer, reklama agenti, siyosatchi. Bu borada filologik ta'limning roli oshdi.*

Kalit so'zlar: adabiyot, dunyo, ramziy ong, ierarxik tizim

Khasanova V.H.¹, Babakhodjaev R. H.¹

¹Tashkent State Transport University

MODERN PHILOLOGICAL EDUCATION

Abstract. *Serious philological training is required by all professions that involve intensive communication with people: a social worker, a psychologist, a manager, an advertising agent, a politician. In this regard, the role of philological education has increased.*

Keywords: literature, world, symbolic consciousness, hierarchical system

Yigirma besh yil oldin bu savol quyidagicha tushunilgan: nima uchun bekorchilar ishlab chiqariladi? Men bilgan fiziklar jamiyatga filologlar kerak emas va hatto zararli, chunki ular, albatta, fiziklardan farqli o'laroq, hech qanday material yaratmaydilar. Men gumanitar fanlarning qudratli rivojlanishi jamiyat farovonligidan dalolat beradi, deb so'zsiz va mavhum javob berdim. Ammo hayratlanarli tomoni shundaki: na tarixchilar, na o'sha paytda juda kam bo'lgan sotsiologlar, na etnograflar, na boshqa gumanitar fanlar vakillari haqida nima uchun ular shunday ekanliklarini so'rashmagan. Tabiiy fanlar vakillari va moddiy qadriyatlarni yaratuvchilar filologlarning zarurati darajasi bilan juda qiziqdilar. Va ular filologlar nima qiladi deb so'rashdi. Muammoning bunday shakllantirilishi bilan, kasbning zarurligi

haqidagi savol qaerdan kelib chiqishi aniq: nima uchun mutaxassislar kerak, ular nima qilishlari umuman tushunarsiz?

Bu paradoksning yechimi oddiy: filologiya fanining muammosi uning nomidan kelib chiqadi. Gap shundaki, filologiya nomi (qadimgi yunoncha filologiya, soʻzma-soʻz maʼnoda – sevgi yoki suhbat) fan nomlari (bologiya, antropologiya, geologiya va boshqalar) bilan bir qatorda emas, balki falsafa, tom maʼnoda – hikmat bilan tengdir. Jamiyatda filologiyaga boʻlgan munosabatga ana shu yaqinlashuv taʼsir koʻrsatib, uni oʻz predmeti va amaliy qoʻllanilishiga ega boʻlgan ilmiy-amaliy fan sifatida emas, balki hayotdan mavhumlashgan mashgʻulot sifatida notoʻgʻri qabul qiladi. "Soʻzni sevish" jiddiy masala boʻlishi mumkinmi? Buni hech boʻlmaganda tilshunoslarning kundalik hayotda adabiyotshunoslarni filolog, adabiyotshunoslarni esa tilshunos deb ataganlari dalolat beradi. Biz tushunarli narsa qilyapmiz va ular qandaydir bemaʼnilik. Va yana, sabab ilmiy asoslanmagan nomda. Filologiyaning tiklanishi kutilmaganda, qayta qurish bilan keldi. Dmitriy Sergeevich Lixachev, Sergey Sergeevich Averintsev, Yuriy Mixaylovich Lotman mamlakat uchun madaniyat va fikr erkinligi namunasiga aylandi. Bu sanʼatning eng ommaviy turi - kinoda oʻz aksini topdi.

Qayta qurish hayotining qarama-qarshiliklari haqida shunday film bor edi "Avariya – politsiyachining qizi". Va hech qanday sababsiz, ular filologni hurmat bilan koʻrsatdilar - madaniyatli, odobli, aqlli odamni, albatta, ulkan uy kutubxonasi boʻlgan universitet professori, aqlli soqolli, goʻzal zotli itlar bilan yurishni yaxshi koʻradigan, hozirgi hayotdan uzoqda boʻlgan madaniy qadriyatlarning saqlovchisi. Oʻshanda men tilshunoslik usullaridan maʼruza oʻqirdim. Va maʼruzalarda u talabalarga filolog kimligini tushuntirdi: bu unga murojaat qilinmagan matni oʻqiydigan odam. Buni amalga oshirish uchun siz tildagi muloqot qanday ishlashini tushunishingiz kerak. Muloqot akti - maʼruzachi deb ataladigan uzatuvchi subʼekt, maʼlumotni qabul qiluvchi - tinglovchi, uzatiladigan obʼekt - axborot va vosita - til mavjud boʻlgan uzatish holati. Hali muloqot uchun vaqt va joy bor. Bunday vaziyatda filologning oʻrni bormi? Xabar, nutq, xat, kitob, SMS yoki veb-sahifadagi "sharh" - bu suhbatdoshning, tinglovchining, qabul qiluvchining, oʻquvchining boshiga, miyasiga qaratilgan "snaryad". Filolog-tadqiqotchi uni oxirida, matn allaqachon oʻz taʼsirini koʻrsatganida ushlaydi. Maʼlum boʻlishicha, filolog na matn muallifi, na adresatdir. Shunday qilib, yigirma yigirma besh yil oldin, filolog, ehtimol, quyidagi kasblardan biriga ega boʻlishi mumkin edi: maktabda rus tili va adabiyoti oʻqituvchisi, maktab yoki universitetda chet tili oʻqituvchisi, oʻqituvchi. oliy oʻquv yurtining filologiya fanlari fakulteti ilmiy xodimi, Tilshunoslik yoki adabiyot ilmiy-tadqiqot instituti xodimi, adabiyotshunos, muharrir, korrektor, kutubxonachi, arxiv xodimi, jurnalist (jurnalistlarning oʻzlari ham shu bilan birga ularning filologik mohiyatini har tomonlama inkor etganlar). Koʻrib turganingizdek, oʻsha davrdagi asosiy filologiya mutaxassisligi filologiyani oʻqitish, yaʼni oʻz

turini ko'paytirish edi. Biroq, filolog har doim ham faqat o'qituvchi, tadqiqotchi va saqlovchi sifatida tushunilmagan. Mana bir misol. Dissidentlik qahramoni, dramaturg, shoir va qo'shiq yozuvchisi Aleksandr Galich o'zining konsertlaridan birida bu haqda gapirdi. Anna Axmatova, Lidiya Korneevna Chukovskaya va Olga Berggolts Axmatovaning dachalarida gaplashib, Stalin lagerlaridan o'tgan Olga Berggolts ko'p qarg'ishdi. Lidiya Korneevna ta'kidladi va Anna Andreevna dedi: "Xo'sh, Lidochka, biz filologmiz".

Ma'lum bo'lishicha, yozuvchi ham filolog ekan. Va, shekilli, shunday bo'lishi kerak: filolog – bu yozuvchining ijodini o'rganadigan odam. Buyuk Axmatovaning bu gapi filologning jamiyatdagi roli men 80-yillar oxirida tasavvur qilganimdek emasligini aytadi. Va filologning asl maqsadi jamiyatda to'la-to'kis nutq aloqasi talab qilinadigan bir paytda namoyon bo'ladi.

Zamonaviy jamiyat uchun dolzarb bo'lgan filologik kasblar ro'yxati shunday o'zgardi. Ulardan ba'zilari taniqli, ba'zilari esa yaqinda mashhurlikka erishdi: tarjimon, jamoatchilik bilan aloqalar bo'yicha mutaxassis, yordamchi, matbuot kotibi, imijmeyker, kopirayter, nutq muallifi. Bundan tashqari, odamlar bilan intensiv muloqotni o'z ichiga olgan barcha kasblar jiddiy filologik tayyorgarlikni talab qiladi: ijtimoiy ishchi, psixolog, menejer, reklama agenti, siyosatchi. Ushbu filologik kasblar ro'yxati yuqoridagi an'anaviydan nimasi bilan ajralib turadi? Bu filologlarning turli ijtimoiy guruhlar o'rtasidagi aloqada vositachilar ekanligi. Zamonaviy nutq aloqasi shu qadar murakkablashdiki, uning ba'zi shakllarida vositachi kerak bo'lib, uning rolini zamonaviy filolog bajaradi. O'z-o'zidan, kontekstdan tashqarida qo'llangan vositachi so'zi ikki savol tug'diradi: 1) kim va kim o'rtasida, 2) qanday vaziyatlarda, qanday sharoitda. Sotsialingvistika deb ataladigan fanda bu savollarga javob bor. Undagi aloqa sub'ektlari katta guruhlariga - aloqa muhitlariga birlashtirilgan. Muloqot muhiti ijtimoiy guruhlar, til jamoalaridir. Odatda ular turli xil tillarda va ba'zan turli tillarda gaplashadilar. Vaziyatlar, muloqot sharoitlari birgalikda muloqot sohalarini, ya'ni ijtimoiy hayotning til faoliyat ko'rsatuvchi sohalarini tashkil qiladi. Hayotning turli sohalariga tilning turli shakllari, ba'zan esa turli tillar xizmat qiladi.

Muloqot muhiti va sohalari shunchalik ko'pki, bir kishi tilning o'ziga xos shakllarini o'zlashtira olmaydigan sharoitda filologning vazifasi tilning bir shaklidan boshqasiga tarjima qilishdir. Ammo tarjima boshqacha.

Eng tushunarli tarjima tildan tilga. Biroq, bu erda ham turlar mavjud: texnik tarjima, sinxron tarjima, ijtimoiy-siyosiy matnlar tarjimasini, badiiy asarlar tarjimasini. Masalan, frantsuz tilida tarjimaning bunday turlari turli xil so'zlar deb ataladi. Ammo sizga bir tildan bir xil tilga tarjima kerakmi: aytaylik, rus tilidan rus tiliga?

Talabalarimdan biri, filologiya fakulteti bitiruvchisi qandaydir kompyuter kompaniyasida jamoatchilik bilan aloqalar bo'yicha mutaxassis bo'lib ishlaganini aytib berdi. Uning so'zlariga ko'ra, kompyuter olimlari, kompaniya xodimlari universal rus tilida umuman gapira olmagan va uning

PR mutaxassisi sifatidagi sharaflı vazifasi o'z kompyuter jargonlarini rus adabiy tiliga tarjima qilish edi. Shunga o'xshash narsa 80-yillarning oxiri va 90-yillarda butun mamlakat bo'ylab va jamiyat hayotining barcha sohalarida sodir bo'ldi. Bungacha davlat tsenzura va ommaviy va ommaviy kommunikatsiyalarning bir xilligi ustidan professional va jamoatchilik nazorati shakllarini qo'llagan. Ayni paytda jamiyat turli xil ovozlarda gapira boshladi va bu ovozlarda ko'pincha bir-biriga tushunarsiz bo'lib chiqdi.

Insonning butun umri davomida kommunistik mafkura tomonidan ilgari shakllantirilgan va qo'llab-quvvatlangan yagona ijtimoiy voqelikni jamiyat tomonidan yo'qotilishi bunga katta hissa qo'shdi - Lenin boboga muhabbatni tarbiyalovchi bog'chadan maktab va universitetda marksizm-leninizm darslari orqali. , kasaba uyushma qo'mitasi mablag'lari hisobidan o'tkaziladigan dafn marosimlariga. Dunyo va til birdan birlashmay qoldi. Va bu erda rus tilining turli shakllarida gapirishni biladigan va eng muhimi, muloqot ishtirokchilaridan biriga ikkinchisi undan nimani xohlashini tushuntira oladigan vositachi, shekilli, xuddi shu rus tilida, lekin qandaydir tushunarsiz usul talabga aylandi. rus tilida. Ma'lumoti bo'yicha filolog bunday vositachi roliga asosiy da'vogaridir.

Inqilobdan oldingi qishloq kotibining muhim shaxsini eslaylik, u qishloqda savodsiz dehqonlarning og'zaki tilidan shaxsiy xatlar, arizalar va boshqa hujjatlarning yozma tiliga va aksincha, yozma tilga tarjimon bo'lgan. javob xatlari, farmoyishlari, ko'rsatmalari dehqonlarning og'zaki tiliga. Bunday kotib zamonaviy amaliy filologdir, faqat uning mijozlari endi savodsiz dehqonlar emas. Jurnalstning vositachi rolini tasvirlash qiyinroq. U hokimiyat va xalq o'rtasidagi aloqada vositachi sifatida ishlaydi. Rasmiy til – rasmiy ish. Xalqning o'ziga xos tili ham bor – so'zlashuv, adabiy so'zlashuv nutqi va xalq tilini o'zida mujassamlashtirgan, hududiy dialektlarning qoldiqlari va qandaydir jargon. Ikki til antagonistik. Og'zaki nutqning mohiyati bo'lgan hamma narsa rasmiy tildan chiqariladi va aksincha. Demak, rasmiy va xalq o'rtasidagi to'g'ridan-to'g'ri muloqot nihoyatda qiyin.

Shu bois, ommaviy kommunikatsiya jahon ijtimoiy amaliyotida paydo bo'ldi, u ommaviy axborot vositalari tomonidan amalga oshiriladi va uning asosiy figurasi - maqom jihatidan emas, balki vositachi roli nuqtai nazaridan - o'ziga xos tur, shaklni yaratgan jurnalstdir. tilning turlicha nomlanishi: adabiy tilning publitsistik uslubi, til OAV, ijtimoiy-siyosiy til.

Ommaviy axborot vositalari tilida asosiy ifoda vositasi metafora bo'lib, uning yordamida jurnalst xalqqa rasmiy ish tilida nima shifrlanganligini tushuntirishga harakat qiladi. Ammo Anna Axmatova tomonidan osonlik bilan ko'rsatilgan yozuvchining filologik tabiati va filologik rolini his qilish va undan ham ko'proq tushuntirish men uchun juda qiyin. Balki yozuvchi insoniyat va tabiatning substansional kuchlari o'rtasida vositachidir? Aytgancha, ko'plab yozuvchilar bu masala bo'yicha o'zlarini noaniq ifoda etishdi: masalan, ular ba'zida ularning qo'lini kim

boshqarayotganini bilishmaydi. Ilmiy fan sifatida filologiya ham soʻnggi yillarda ancha oʻzgardi. Agar ilgari uning asosiy boʻlimlari standartlashtirilgan tilning yopiq tizimini va badiiy adabiyotning namunali matnlarini, yaʼni qanday gapirish va yozishni va nimani oʻqishni eng katta darajada oʻrganadigan tilshunoslik va adabiyotshunoslik boʻlsa, 80-yillarning oxiridan boshlab, filologiya jonli nutq amaliyotiga, nutq elementiga aylandi.

Bu davrda nutqshunoslik, shahar tilini oʻrganish rivojlandi, ritorika qayta tiklandi, til shaxsi nazariyasi va faol grammatika (soʻzlovchi grammatikasi) shakllandi. Ushbu filologik fanlar va yoʻnalishlarning nomlari oʻz-oʻzidan gapiradi. Asr boshida filologiya tomonidan kashf etilgan ikkinchi muhim syujet - bu shaxs va jamiyat miqyosida inson tili va inson tafakkuri oʻrtasidagi bogʻliqlikdir. Tilni inson qobiliyati sifatida koʻrsatadigan va tilning oʻziga xos shaxsiy shakli - idiolektni ochadigan lingvistik shaxs nazariyasini yana bir bor eslatib oʻtishimiz mumkin.

Kognitiv lingvistika va kognitiv fan rivojlanib, til qanday oʻzlashtiriladi va xotirada saqlanadi, degan savolga javob beradi. Dunyoning til rasmini, yaʼni til orqali insonga yuklangan dunyo haqidagi gʻoyalar tizimini oʻrganish keng rivojlangan. Koʻrib turganimizdek, zamonaviy filologiya jamiyat tomonidan talabning yuqori darajasida boʻlib, jamiyatning filologlarga boʻlgan ehtiyojlari birinchi navbatda amaliy filologlarga, kommunikativ vositachilarga tegishli.

УДК 81'1-027.21

Хасанова Д.Р.¹

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Данилова Ю.Ю.¹

¹Елабужский институт Казанского федерального университета

ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АНАЛОГИ АФФИРМАЦИЙ В РУССКОЙ КАРТИНЕ МИРА: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В данной статье рассматриваются концептуальное преломление малых жанров фольклора (пословицы, поговорки, заговоры, колыбельные, молитвы) в дискурсе аффирмаций, выраженные в общности архетипов через которое происходит процесс суггестии.*

Ключевые слова: аффирмация, архетип, малые жанры фольклора, пословица, поговорка, суггестия, самопрограммирование.

Khasanova D.R.¹

Research Advisor–Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Danilova J.J.¹

¹Yelabuga Institute of Kazan Federal University

HISTORICAL AND CULTURAL ANALOGUES OF AFFIRMATIONS IN THE RUSSIAN PICTURE OF THE WORLD: LINGUO-COGNITIVE ANALYSIS

Annotation. *This article discusses the specifics of small genres of folklore (proverbs, sayings, incantations, lullabies, prayers) in comparison with affirmations. The similarity of practices is indicated by the presence of common archetypes through which self-hypnosis is realized through the word.*

Key words: affirmation, archetype, proverb, saying, small genres of folklore, suggestion, self-programming.

Изучая историко-культурное наследие наших предков, можно найти прецеденты воздействия слов на человека, на положение его дел и самочувствия. К таковым относятся сохранившиеся и трансформировавшиеся под историческую реальность тексты молитв, наговоров, проклятий, а также примеры народной мудрости, передающиеся из поколения в поколение в форме пословиц и поговорок, фразеологизмов и крылатых выражений (напр., «Доброе слово лечит, а худое калечит»), а также афоризмов и крылатых выражений (напр., «Злые языки опасней пистолета» А. Грибоедова; «Слово – полководец человеческой силы» В. Маяковского). В современных реалиях, за счет популяризации темы личностного роста и самопрограммирования, актуализируется и расширяется перечень словесных практик, техник, способов и методов, предназначенных влиять на сознание и самосознание людей и действующих как метод саморегуляции. Особое место в данном перечне занимают аффирмации – позитивные утверждения, краткие фразы самовнушения, которые создают правильный психологический настрой. Словесное воздействие с помощью аффирмаций активизирует сознательные механизмы самовнушения, что приводит к изменениям психофизиологических функции, выполняемых организмом. Процесс суггестии аффирмациями достигается путем многократного повторения, при котором снижается степень осознания и критического восприятия. Таким образом, внушаемая фраза становится внутренней установкой, направляющей и регулирующей психическую и физическую активность, которая реализуется при той или иной степени автоматизма.

На наш взгляд, описанные практики (и древние, и современные) схожи, поскольку работают в нашем подсознании по одному механизму суггестии посредством архетипов. Нужно сказать, что в лингвистике архетип объективируется, как правило, через концепт [1], метаконцепт культуры [3] и архетипический концепт [6]. Для нас представляется

интересным определением архетипического концепта В.И. Карасика, который понимает под ним «активно транслируемые, закрытые для модификации, неперебиваемые в иные формы выражения и не допускающие критического восприятия концепты, т.е. архетипические ментальные образования...» [6, с. 39-40]. Концепт обретает архетипический статус, если он принадлежит к первичным, определяющим формирование национального менталитета [3], обладающего параметрами архетипа: общительность, ценность, духовность и др. [5, с. 29]. Поэтому совокупность архетипических концептов является своеобразным продуктом индивидуального восприятия мира сквозь призму коллективного наследия опыта предшествующих поколений [3].

Действительно, корпус текстов заговоров, пословиц и поговорок формируются из уникальных сочетаний архетипов, ключевых терминов – суггестивных по своей природе и, объединяясь в фразу, умножают суггестивный потенциал. И поэтому декодирование означаемого с учетом этнокультурных стереотипов языкового сознания является ключом к лингвокогнитивному изучению сакральных текстов. Так, посредством лингвокультурного и лингвокогнитивного анализа мы обнаружили архетипы в аффирмациях, которые также присутствуют в корпусе малых фольклорных жанров. В ходе систематизации фактического материала, представленного 96 аффирмационными формулами, извлеченных из серии книг популярной психологии Н. Правдиной «48 аффирмаций для обретения счастья» и «48 аффирмаций для веры в себя», мы выявили следующие архетипические концепты: *Вода, Свет, Путь, Дом*. Для наглядного примера приведем лингвокультурный и лингвокогнитивный анализ архетипа «вода» и его реализацию в текстах малых фольклорных жанров и аффирмаций.

Важно понимать, что архетип воды многозначен, потому что он не привязан к конкретному мифическому сюжету или какой-либо ситуации, а связан с общечеловеческими категориями суждений. Обобщив и систематизировав материал, представленный в тематических энциклопедиях и монографиях «Мифы народов мира» [19], «Мифологический словарь» [20], «Словарь символов» Х.Э. Керлота [21], «Исторические корни волшебной сказки» В.Я. Проппа [10], «Выражения «живая/мертвая вода» и их отражение в народно-поэтической традиции» Т. Павлович [9], мы выделили следующие концептуальные значения этого архетипа: 1) начало, исходное состояние всего сущего; 2) воплощение мужской или женской плодovitости; 3) эквивалент всех жизненных соков человека; 4) граница; 5) средства для очищения, магического воздействия; 6) метафора смерти, забвения, опасности, исчезновения; 7) символ изменчивости; 7) символ безмерной мудрости. Также необходимо отметить, что концепт Воды представлен в словаре Ю.С. Степанова

«Константы: Словарь русской культуры» [12], что говорит о том, что данный образ входит в список основополагающих понятий русской лингвокультуры.

В рамках данного исследования, мы будем обращаться в основном к положительной коннотации данного архетипа, а именно к семантике исцеления, красоты, возрождения и богатства и изменения человека и его жизни в лучшую сторону. В тексте аффирмаций довольно часто реализуется архетипический концепт Вода, в семантическое поле которого входят лексемы море, исток, океан, ручей и др.: «Я открыта *источнику* любви», «Я купаюсь в *море* счастья», «Я открыта *потоку* денег», «Вокруг меня *океан* положительной энергии, я купаюсь в нем», «Я позволяю *океану* жизни приносить мне все, что мне нужно» [6, с. 1-3]. Для объективности картины рассмотрим и опишем план содержания лексемы *вода*. Так, полисемант *вода* в толковом словаре С.А. Кузнецовой представлен следующими лексико-семантическими вариантами (далее – ЛСВ): 1) химическое соединение водорода с кислородом, образующая водные источники; 2) минеральные источники, курорт; 3) водное пространство, масса (поток, волны) и поверхность; 4) питательная жидкость, заполняющая защитную оболочку плода; 5) чистота окраски, блеска, прозрачность материала [19, с. 198]. Данные ЛСВ частично отражены в аффирмационных текстах и других суггестивно направленных текстах.

Рассмотрим архетип Воды в жанрах малого фольклора. Его реализация обнаруживается, например, еще в славянском целительном наговоре на воду: «Небо-отец, земля-мать, вода-царица, дай водицы не на хитрости, не на мудрости рабы Божьей Анны. Аминь», «Вода водица, морская царица, Мыла-полоскала пеньё, кореньё, Луга зелены, травы шелковы, Так же смой, сполоши с раба Божьего младенечка уроки, прикосы, переполохи», [18], «Стану я, благословляясь, и пойду, перекрестясь, из ворог в ворота, из дверей во двери, путем-дороженькой прямой» [18]. Эта мысль подтверждается и исследователями. Так, Д.О. Шеппинг говорит о поклонении славян, их жизненной силе, скрывавшейся в воде, и приводит несколько доказательств: «В словах Прокопия, который говорит, что славяне обожали реки и нимф, принесли им жертвы и гадали по ним о будущем» [13].

По мнению С.С. Аверинцева, именно «с мотивом воды как первоначала соотносится значение воды для акта омовения, возвращающего человека к исходной чистоте» [1]. Здесь актуализируется символика ритуального омовения как второго рождения, нового выхода из материнской утробы. «Вода живая, свежая, ключевая, нередко представляется образом всеоживляющего благословения Божия. Как в обрядовых омовениях Ветхого Завета вода служила образом нравственного очищения евреев, так крещение в Новом Завете служит образом таинственного очищения от грехов и

духовного возрождения в жизнь новую, благодатную (Иоанн. III, 5, Ефес. V, 26 и др.)», – указывал архимандрит Никифор [14].

Архетипичным является представление о силе (волшебной, целительной и т.п.) воды, которое кодифицировано в русских пословицах и поговорках: «Вода вымоет, а хлеб выкормит», «Вода путь найдет», «Богато живем – сполна воду пьем», «Вода студена – тело ядрено» [10, с. 65, 129, 131]. Все это указывает на особые свойства воды и её большой энергетический потенциал. Вода выступает как добрая сакральная сила, которая помогает человеку. Часто вода выражается в образе морской стихии, а волны выступают как помощники и защитники человека, благосклонные к нему, к его судьбе. Подобная символика и семантика образа воды по-своему обыгрывается в сказках, например, в известной сказке А.С. Пушкина «Сказка о царе Салтане...», в которой именно волна спасает добрых героев и многократно помогает им обрести счастье и благополучие: «Ты, волна моя, волна!... Не губи ты нашу душу; Выплесни та нас на сушу!» [11, с. 14].

В сказочном дискурсе вода приобретает еще одно важное положительное символическое значение – сила, дающая молодость, жизнь и исцеляющая человека. Все эти символические значения образа воды сосредоточены в понятиях «живой» и «мертвой» воды. Так, согласно универсальному толковому словарю И. Мостицкого понятие «живая вода» трактуется следующим образом: «крыл. сл. в русских народных сказках – волшебная вода, оживляющая мертвых, дающая богатырскую силу, в свою очередь «мертвая вода» – чудодейственная жидкость, способная восстановить мёртвое тело» [24]. Эти же свойства характеризуют данные понятия во «Фразеологическом словаре» А.И. Федорова [23]. Различие мертвой и живой воды является только в славянских сказках и не повторяется нигде более. В энциклопедическом словаре Ф..А. Брокгауза и И.А. Ефрона в статье о данных понятиях авторы, ссылаясь на исследователя русских народных сказок А.Н. Афанасьева, утверждают, что «мертвая вода – это первый весенний дождь, сгоняющий с полей льды и снега и как бы стягивающий рассеченные члены матери-земли, а следующие за ним дожди дают ей зелень и цветы. В свою очередь, живая Вода находится в тридевятом царстве и скрытой от людей между горами. Согласно сказочному дискурсу, живая и мертвую воду приносят олицетворенные силы летних гроз. С поверьем о живой воде соединяется русский народный обычай, по которому, когда раздается удар первого грома, все спешат умыться водою, дающею красоту, здоровье и счастье» [25].

Смысл исцеления и очищения мы видим в славянских обетах и обрядах. Славянин, купаясь в бане, водой смывает с себя как грязь физическую, так и грязь духовную – грехи и негативные эмоции. Происходит ритуал, связанный со священнодействием перерождения и обновления человека – аналогично коже и телу очищается и аура

человека. Здесь же можно говорить об обряде крещенских купаний в проруби как символа и ритуала обновления.

Способность делать человека красивым в русских сказках приписывается ключевой воде. Например, в сказке «Сестрица Аленушка и братец Иванушка»: «Собрали народ, пошли на реку, закинули сети шелковые и вытащили Аленушку на берег. Сняли камень с шеи, окунули ее в ключевую воду. Аленушка ожила и стала краше, чем была» [8, с. 16].

В сказках мы также наблюдаем устойчивую связь воды с идеей богатства. Согласно народному преданию «водяной, морской царь обладает несметными богатствами: у него есть свои стада коров, лошадей, свиней и овец; коровы водяного дают молока втрое больше, чем обычные, а кони обладают необыкновенной красотой и выносливостью. Морской царь живет в хрустальных палатах, украшенных золотом и серебром, а также камнями-самоцветами, которые освещают дворец и все дно морское» [17, с. 179]. Несомненно, что с этой идеей богатства связан и персонаж «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина – золотая рыбка, которая, исполняя волю злой старухи, делает ее очень богатой [11].

В то же время вода наряду с другими веществами обладает способностью растворять твердые тела, замерзать и испаряться в естественных условиях, обтекать препятствия и воссоединяться. Он становится символическим элементом трансформации, и, изменяясь, участвует в превращении одного объекта в другой. Это отразилось и модифицировалось в многочисленных мифах, создавших благодатную почву для метафор и символов в образной системе последующих эпох. Здесь же мы можем говорить, о том, что вода как обязательный элемент необходимый для нашей жизни и при этом составляющая нас самих, способна изменять нас и нашу жизнь к лучшему, посредством структурных преобразований.

Нельзя не упомянуть, значение архетипического концепта Вода в христианстве. Являясь неотъемлемым компонентом крещения, она связана с рождением, творением и возрождением. С мотивом Воды как изначальным элементом всего сущего соотносится значение Воды для акта омовения, которое возвращает человека к исходной чистоте. Окропление и питье святой водой – благословление и защита. Также в христианском понимании происходит трансформация образа воды – превращение Иисусом воды в вино [13].

Нельзя не упомянуть, что архетип воды реализуется в значении «сердцевины» Мироздания, мирового пути, пронизывающего верхний, средний и нижний миры, выступающего в роли космической (или мировой) реки. Это можно сравнить с Мировым Древом, которое находится в трех мирах, а его сок – это река, по которой можно переходить из одного мира в другой. То есть присутствие

Архетипического концепта Вода подразумевает связь между мирами и обращением к Высшим силам и к потустороннему миру.

Заключая вышесказанное, отметим, что воплощение культурных ценностей русского народа и соответствие его глубинным нравственным принципам воплощено в архетипических образах. Поэтому обращение к фольклорным архетипам в аффирмациях связано с поиском национальных ментальных компонентов и активизацией процессов самопознания и самоидентификации. Кроме того, использование архетипов в автокоммуникациях повышает эффективность суггестивного воздействия на подсознание.

Таким образом, феномен аффирмаций не нов для русского мировоззрения, так как практики воздействия на людей посредством слова существовали с древних времен. Это объясняется тем, что в малых фольклорных жанрах (заговоры, наговоры, пословицы и поговорки) существуют общие черты суггестивности и общие архетипы с аффирмациями, современными коммуникативно-стратегическими практиками. Это позволяет назвать малые жанры фольклора историческими аналогами практики, некогда предложенной Э. Куэ и получившей достаточно широкое распространение в современном лингвосоциуме.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. Т. 1. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. Энциклопедия, 1980. – с. 65-71
2. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. – 422 с.
3. Большакова А. Ю. Теория архетипа и концептология / Культурологический журнал. – 2012. – № 1(7). – 8 с. [Электронный ресурс] – URL: http://www.crjournal.m/ms/journals/109.html&j_id=9 (дата обращения: 15.11.2021).
4. Борисова Л. В. Репрезентация концептов «Огонь» и «Вода» в русской и чувашской языковых картинах мира // Вестник ЧГУ. 2014. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-kontseptov-ogon-i-voda-v-russkoy-i-chuvashskoy-yazykovyh-kartinah-mira-1> (дата обращения: 11.11.2021).
5. Гучешкокова С. А. Архетипический концепт «лицо/честь/совесть»: когнитивный и лингвокультурный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2011. – 29 с.
6. Карасик В. И. Архетипические концепты в общении // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов: Колледж, 2003. – С. 39-52.
7. Куэ Э. Школа самообладания путем сознательного (преднамеренного) самовнушения – М.: ЛКИ, 2001. – 80 с.

8. Нечаева А.Н. Сестрица Аленушка и братец Иванушка / Русские народные сказки в обработке А. Нечаева. – М.: Детгиз, 1946. – 16 с.

9. Правдина Н. 48 аффирмаций для обретения счастья Натальи Правдиной // Электронная библиотека TheLib.Ru [Электронный ресурс].

URL:https://thelib.ru/books/pravdina_nataliya/48_affirmaciy_dlya_obreteni_ya_schastya.html (дата обращения: 10.10.2021).

10. Пропп В. Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп; Сост., науч. ред., текст. коммент. И. В. Пешкова. – Москва: Лабиринт, 1998. – 512 с.

11. Пушкин А. С. Сказки / А. С. Пушкин; [Илл. И. Бибина]. – М.: Худ. лит., 1999. – 144 с.

12. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Степанов Ю. С. – Москва: Издательский дом "ЯСК", 1997. – 824 с. – URL: <https://www.rosmedlib.ru/book/ISBN5887660570.html> (дата обращения: 0.10.2022).

13. Шеппинг Д.О. Мифы славянского язычества. — М.: Терра, 1997. — 240 с.

14. Библиейская энциклопедия. – Репринт. изд. – М.: ТЕРРА, 1990. 6. Аверинцев, С.С. Указ. соч. – С. 240.

15. Большой словарь русских пословиц. Савенкова Л. Б., Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

16. Энциклопедический словарь по культурологии / [Авдеев В.И. и др.]. – М.: Центр, 1997. – 477 с.

17. Шаропова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. – М.: АСТ, 2001. – 624 с.

18. Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953-1993 гг. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак-т. Кафедра рус. устного народного творчества; Под ред. В. П. Аникина. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 480 с. [Электронный ресурс]. – URL.: <http://feb-web.ru/feb/zagovory/default.asp?/feb/zagovory/texts/-zt-0034.html> (дата обращения: 15.11.2021).

19. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1535 с.

20. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2. К – Я / гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – Москва: Российская энциклопедия, 1994, 1992. – 718 с.

21. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.

22. Словарь символов / Х.Э. Керлот. – Москва: REFL-book, 1994. – 608 с.

23. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров — М.: Астрель, АСТ., 2008. – 1897 с.

24. Толковый словарь русского языка – Под редакцией Д. В. Дмитриева. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 1578 с.

25. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890–1907. – 2889 с.

УДК 82

Шакирова А.М.¹

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Божкова Г.Н.¹

¹Елабужский институт Казанского федерального университета

СКАНДАЛ КАК ULTIMA RATIO ГЕРОЕВ ПОВЕСТИ Е. БОРОДА «Я ТЕБЯ НИКОГДА НЕ ПРОЩУ»

Аннотация. *Статья освещает такое важное для современной литературы понятие, как «скандал». На материале повести Е.В. Бороды «Я тебя никогда не прощу» изучены виды скандальных ситуаций, приёмы их создания и причины, которые приводят к конфликтам. В ходе работы над статьёй сделаны интересные наблюдения: провокаторами подростковых скандалов становятся взрослые; выяснение отношений, как во взрослой, так и в подростковой прозе выполняет порочащую, оскверняющую функции.*

Ключевые слова: скандал, типы акцентуации характера, повесть Е. Бороды «Я тебя никогда не прощу», приёмы создания скандальных ситуаций, конфликт, герои-подростки.

Shakirova A.M.¹

Research Advisor–Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Bozhkova G.N.¹

¹Yelabuga Institute of Kazan Federal University

SCANDAL AS ULTIMA RATIO OF THE HEROES OF E. BORD'S STORY "I WILL NEVER FORGIVE YOU"

Annotation. *The article highlights such an important concept for modern literature as "scandal". Based on the story by E.V. Beards "I will never forgive you" studied the types of scandalous situations, the methods of their creation and the reasons that lead to conflicts. During the work on the article, interesting observations were made: adults become provocateurs of teenage scandals; clarification of relationships, both in adult and adolescent prose, performs a discrediting, defiling function.*

Key words: scandal, types of character accentuation, E. Boroda's story "I will never forgive you", methods of creating scandalous situations, conflict, teenage characters.

Изучив статьи о литературном скандале, мы обратили внимание на отсутствие исследований на материале современной подростковой прозы, этот «пробел», требующий дискуссий и разработок. Ведь одной из особенностей подростковой прозы является изображение внутреннего мира монологического повествователя (повествование ведётся от первого лица), а это значит - скандал с собой и окружающей действительностью – это не только психологическая особенность героев-подростков, презентующих себя миру, но и яркий приём подростковой прозы. В статье «Освещение темы “скандала” в современных исследованиях литературоведов (постановка проблемы)» [3] авторы проанализировали литературные статьи, выделили их важные аспекты, изучили типы акцентуации характера людей (циклоидный, истероидный, шизоидный и прочие). Полученные результаты позволили рассмотреть конфликтные ситуации в художественной прозе современного автора Е. Бороды. Усиливает ценность работы малоизвестность творчества автора, пишущего для подростков и о подростках, имеющего многочисленные премии: Международная литературная премия имени В.П. Крапивина (2011), «Книгуру» (2016). В 2018 году выходит повесть Е. Бороды «Я тебя никогда не прощу». Скандалная ситуация формируется уже в заглавии-реплике. Отсутствие восклицательного знака в конце предложения смягчает внешнюю агрессию, но усиливает внутреннюю. Реплику персонаж не прокричал, а произнёс либо про себя, либо негромко, всё чётко решив. Автор готовит читателя к жизни подростков, именно поэтому демонстрируется эпатаж уже в заголовке: «Я тебя никогда не прощу». В нём мы слышим не просто слово «никогда», а чувствуем подростковую обиду и эгоцентризм, ведь местоимение «Я» занимает лидирующую позицию. Так мы погружаемся во внутренний мир монологического повествователя, ведущего повествование от своего собственного имени, чувствуем пубертатный бунт.

Для того чтобы разобраться в конфликтных ситуациях, которые приходится переживать подросткам, необходимо получить представление о них. В этом случае очень важен речевой портрет, раскрыть который позволяет подростковый сленг: «прикальвает», «пофиг», «респект» [1, с. 1]. Таким образом, мы понимаем, что будем иметь дело с циклоидной акцентуацией характера (нестабильный, быстро меняющийся), поскольку именно она свойственна подросткам в переходном возрасте, когда юноши ещё не взрослые, но уже не дети [3]. Поэтому смена настроения является одной из главенствующих черт личности персонажей. И уже с первой страницы начинается погружение в странную атмосферу непонимания со стороны руководства школы двух подростков, которые часто опаздывают на уроки. Главной героиней является Леська, раскрыть образ которой позволяет портрет-

впечатление её близкого друга Тимофея, отражающий характер девушки: «Леська умеет петь, когда захочет. Зато корячиться под какой-нибудь Linkin Park – это всегда пожалуйста», она «вообще без комплексов» [1, с. 1]. Иронию автора над подростком раскрывают и природные данные портретных описаний, представленных с помощью детали-сравнения: «...пухлая, неуклюжая, как медвежонок» [1, с. 1]. Внешнее представление героини позволяет понять, что она не способна опаздывать намеренно, злостно, а всего лишь не может правильно рассчитывать время.

Конфликт создают разные возрастные и социальные группы героев. Первоначально автор знакомит читателя с подростками, позже - с завучем, в очередной раз бесцеремонно унижающим своими замечаниями Леську и Тимофея, так зарождается непонимание, которое приводит к скандалу. Инициатором внешнего конфликта становится взрослый человек, который, заметив прогуливающих подростков, не меняя тона речи, делает им замечание, желая унизить: («голос ничего хорошего не предвещал») «Сколько можно! Всё время за руки на занятия водить надо? Детский сад какой-то!» [1, с. 1]. Появляется речевой портрет завуча, и намечается конфликтная ситуация:

1. Твёрдым, холодным тоном называет подростков по фамилии, лишая их персонификации.
2. Грозно и авторитарно делает замечание уже не первый раз, не меняя тактики, которая не приносит желаемых результатов и позволяет сделать вывод, что все её реплики формальны.

На укоры завуча дети реагируют совершенно адекватно, демонстрируя понимание сложившейся ситуации. Леська растерялась, именно об этом нам позволяет судить её мимический портрет: «Леська *растянула губы* в дебильной улыбке» [1, с. 1]. Но её улыбка ни умилила, ни смирила, а, напротив, «взбесила» [1, с. 1] собеседника, подтверждает это ироничный мимический портрет завуча: «*глазищами сверкнула* так, что у Леськи, наверное, ожоги остались» [1, с. 1]. Ситуация нагнетается по вине взрослого человека и приводит к первому нелепому скандалу в кабинете завуча. Всё происходящее читатель видит глазами подростков. Леська отмечает: «Нас привели в кабинет завуча. Как *арестантов!* И *орали*, не переставая, не давая оправдаться – при всех!» [1, с. 2]. Именно речевой портрет позволяет охарактеризовать завуча как типичного истерика, эпилептоида [2. с. 6]. Педагоги, обвиняли подростков не только в опоздании на урок, но и в краже, делая это необоснованно, грубо. Сергей Витальевич – полицейский, не скрывая своего пренебрежения к юным героям, позволяет себе унижать их как словом, так и видом, подтвердить это вновь позволяет мимический портрет: «*прищурился* так недобро», «*покосился* недовольно», «*погрозил кулаком*» [1, с. 3]. Усугубляют положение угрозы: «Мы хотим знать, что вы во время учебных занятий делаете в местах, где вам быть не

положено <...> это еще не допрос! На допросе я с тобой не так буду разговаривать!» [1, с. 3]. Однако подростки, не поддаваясь провокациям со стороны сотрудника полиции, достойно отвечают на заданные им вопросы: «В данный момент с вами разговариваем. Непонятно о чём, кстати, могли бы объяснить, что случилось» [1, с. 3].

Во второй скандальной сцене пренебрежение очевидно со стороны завуча по отношению к Сергею Витальевичу: подростки наблюдают грубую ссору взрослых людей, окончательно не понимая происходящих событий. Педагога не смущает присутствие подростков, ставших свидетелями выяснения отношений взрослых людей, коллег: «Завуч подняла обеими руками кипу каких-то нормативок и как-как грохнет их на пол...» [1, с. 3]. Героиня позволяет себе оскорблять секретаршу Инну: «Чего ревёшь, дура?» [1, с. 3]. Автор показывает целый спектр эмоций взрослых, забывших о детях, - от гнева до истерики: «Они *вопили*, перебивая друг друга, каждый о своём», «истошно *кричала*», «*стучала* кулаком по столу» [1, с. 3].

Проанализировав скандальные сцены, мы можем с уверенностью сказать, что мир подростков противопоставлен миру взрослых людей. Учителя, ставшие инициаторами скандала, равнодушны к проблемам учеников, они поступают неэтично, демонстрируя истероидный тип характера. Создаёт конфликтную ситуацию не пубертатный бунт подростков, а межличностные конфликты учителей: злость, которую они вымещают на учениках. Приёмами создания скандала в данной сцене становится речевой и мимический виды портретных зарисовок. Скандал в повести, как и во многих других художественных текстах, является позорящим, обличающим абсурдный мир современной школы.

В произведении «Я тебя никогда не прощу» скандал выполняет и характерологическую функцию, позволяя раскрыть образ Тимофея, друга Леси. Автор достаточно полно освещает отношение между членами семьи Ребровых, позволяя читателям ощутить тягостные отношения между членами семьи. Мы видим ситуацию глазами учителя по истории Полины, рассказывающей об условиях формирования личности Тимофея. Педагог случайно узнаёт о проблемах в семье Ребровых и невольно ощущает на себе всю напряжённость обстановки. Начинается скандал, после знакомства преподавателя с матерью главного героя: «Дверь нам открыла высокая худая женщина. Немолодая, усталая. Глаза у неё были красные <...> Голос у неё дрогнул, но она как-то сдержалась, не заплакала» [1, с. 13]. Мать не смущает присутствие учителя, напротив, раздражает очередное напряжение, которое она традиционно вымещает на детях, не стесняясь посторонних. Примечательна яркая деталь портрета женщины – «красные глаза», которые в сочетании с «уставшим видом» вызывают сочувствие [1, с. 14], но это лишь манипуляция, которую периодически

применяет героиня в общении с людьми. После унижительного, надрывно-исповедального монолога, мать начинает вымещать раздражение на детях: кричит, рыдает, приказывает; обвиняет в собственной несостоятельности учителя: «Вы виноваты! Почему они плачут? <...> Сделай что-нибудь, чтобы они заткнулись!» [1, с. 14]. Женщину совершенно не тревожит состояние детей, а, наоборот, их плач лишь обостряет её эмоциональную неустойчивость, и она прибегает к рукоприкладству, не смущаясь посторонних людей. Полина отмечает: «Плач не прекращался. Женщина метнулась в спальню, прервав разговор. Из спальни раздались звуки шлепков, гневные крики, рыдания, вой» [1, с. 14].

Тимофей сформировался в подобной атмосфере, но, несмотря на упрёки со стороны матери, покорно выполняет её поручения: «...поспешил обратно с двумя кружками молока в руках, спокойно успокоил малыша» [1, с. 14]. Персонаж, не раздражаясь, кормит младших братьев под звуки материнской брани: «Перегрел молоко, дубина!» [1, с. 14]. Эта скандальная сцена очень схожа с предыдущими: очевиден контраст между двумя поколениями: подростков и взрослых. Однако в контексте данного эпизода противопоставление раскрывается с помощью конфликта внутри семьи Ребровых: старшие дети заменяют родителей, присутствует пренебрежение со стороны матери, которое раскрывает её как персонажа с истероидной акцентуацией характера. В подобных семьях дети бывают кроткими, исполнительными, с развитым чувством вины – не является исключением Тимофей. Вновь автор на стороне подрастающего поколения, а скандал является приёмом сатиры, обличающим порочность мира взрослых. Конфликтные ситуации в произведении Е.В. Бороды происходят не только между разными возрастными группами, но и в рамках одной из них. Главных героев (Леську и Тимофея) Е.В. Борода противопоставляет Панфёрову и его компании, демонстрируя физическую слабость первых, но их моральное преимущество. В конфликтных ситуациях подростков много жестокости, и в каждой сцене она раскрывается по-разному. Так, диалог Леськи и Панфёрова, основанный на насмешке над внешним видом героини, переходит в рукоприкладство с оскорблениями: «Сдурела, коза? <...> Но Сеня уже не слушал, пёр на меня, сжав кулаки» [1, с. 18]. Подобное поведение Панфёрова спроецировано учителями: он неоднократно слышал и видел конфликты Леськи, знает, что за неё никто не заступится, как и за Тимофея, благодаря заступничеству которого удаётся избежать физического и морального насилия. Страшнее всего, что этот скандал происходит на глазах у нескольких классов, во дворе школы, и никто не попытался защитить честь подростка. Однако данная ситуация создаёт другой, более ужасный конфликт, в результате которого Панфёров жестоко избивает Тимофея. Осмыслить трагичность сцены, боль

позволяет уединённый монолог персонажа: «У меня от боли *отнимались ноги*, в груди *горело* <...> Мордой о бетон – это *очень неприятно, но эту боль можно преозмочь*» [1, с. 24]. Физическая боль, по мнению подростков, менее унижительна, нежели духовная. Можно заключить, что скандалы подростков агрессивнее, но менее изощрёны, а в скандалах между взрослыми и подростками очевидна манипуляция, создающая ощущение длительной безысходности, стыда и отчаяния. К развязке произведения события стремительно сменяют друг друга, как кадры кинофильма, усиливая психологизм, позволяющий прочувствовать динамику жизни подростков. Главным герой Тимофей в силу своего возраста оказывается неспособным выдержать натиски бессмысленных скандалов, безразличия со стороны взрослых людей, как в школе, так и в семье, и жестокости со стороны сверстников – всё это стало причиной мыслей о ненужности, абсурдности жизни и самоубийстве. Только к развязке окончательно формируется смысл заглавия, объединяются два внесюжетных элемента – финал и заглавие, формируя значимое композиционное кольцо, которое в данном случае понимается как замкнутость духовных исканий персонажа и бесконечность подростковых проблем. Наиболее полно осмысливается боль отчаяния, обида, горечь, злость. Повесть не заканчивается трагически: Тимофея спасают, но нет общепринятого облегчения, поскольку многие подростки, униженные семьёй, школой, сверстниками, ежедневно совершают самоубийство.

Таким образом, анализ подростковой повести с эмоциональным заглавием позволил сделать некоторые наблюдения:

1. Важным сатирическим приёмом в подростковых текстах становятся выяснения отношений, которые позволяют наиболее полно очертить художественный образ, раскрыть внутренний мир героев-подростков – это утверждение сделано на материале произведения Е. Бороды.

2. Скандал в подростковой повести из плоскости пафоса перерастает и в значимый приём психологической характеристики, выражающий ультимативные отношения между разными возрастными группами.

3. В повести «Я тебя никогда не прощу» появляются несколько видов скандальных сцен: дети - родители, ученики - учителя, подростки.

4. Изучая конфликты и ссоры главных персонажей, очевидной стала авторская позиция. Писательница безоговорочно принимает сторону юных героев и обращает внимание на пагубное влияние мира взрослых на подростков.

5. Как и в любых художественных текстах, в подростковой прозе скандалы выполняют порочащую, угнетающую, ультимативную функции, доводя героев до отчаяния, исступления, суицида.

Список литературы

1. Борода Е.В. Я тебя никогда не прощу. // Книгогид, 2019 – с. 1-41. – URL: <https://knigogid.ru/books/496611-ya-tebya-nikогда-ne-proschu/toread> (дата обращения: 18.07.2022).
2. Одесский П.М. Концепт «обман/скандал» в русской культуре. // Семиотика скандала. Сборник статей. Редактор-составитель Нора Букс. – Москва: Издательство «Европа», 2008. – 584с. – URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/372295371.pdf> (дата обращения: 18.07.2022).
3. Шакирова А.М. Освещение темы “скандала” в современных исследованиях литературоведов (постановка проблемы). // Академическая публицистика. - № 12-1, 2021, с. 191-198. – URL: <https://aeterna-ufa.ru/sbornik/AP-2021-12-1.pdf> (дата обращения: 18.07.2022).

УДК 821.112.2

Шастина Е.М.

Елабужский институт Казанского федерального университета

РУССКО-АВСТРИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИАЛОГ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА Э. КАНЕТТИ)

Аннотация. *Рассматривается творчество австрийского писателя Элиаса Канетти (1905-1994) в контексте русско-австрийского литературного диалога. Выявляется своеобразие рецепции русской классической литературы (Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой), обнаруживается типологическое сходство поэтики (В.В. Розанов, В.В. Набоков, А.П. Платонов), рассматривается влияние личности художника через призму автобиографии (И. Бабель).*

Ключевые слова: русская литература, австрийская литература, рецепция, поэтика, Канетти.

Shastina E.M.

Yelabuga Institute of Kazan Federal University

RUSSIAN-AUSTRIAN LITERARY DIALOGUE (ON THE MATERIAL OF E. CANETTI'S LITERARY WORKS)

Abstract. *Literary works by the Austrian writer Elias Canetti (1905-1994) is considered in the context of the Russian-Austrian literary dialogue. The originality of the reception of Russian classical literature is revealed (N.V. Gogol, F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy), the typological similarity of poetics is revealed (V.V. Rozanov, V.V. Nabokov, A.P. Platonov), the influence of the writer's personality is considered through the prism of autobiography (I. Babel).*

Key words: Russian literature, Austrian literature, poetics, Elias Canetti.

Проблема взаимовлияния отдельных литератур априори относится к числу одной из самых дискуссионных в литературоведении. Несмотря на то, что в мировой науке созданы целые направления в изучении рецепции инокультурного текста, до сих пор остается актуальным выяснение ряда моментов, а именно: специфики принимающей культуры – так называемой «встречной среды» (А.Н. Веселовский), то есть, согласно принципам рецептивной эстетики, «контекста восприятия как фактора актуализации смысловых значений» [2, с.9]. По-прежнему актуальным является изучение механизмов включения «чужого» в «свое», их сосуществования в виде диалогического взаимодействия различных национальных культур и др.

В настоящей статье русско-австрийский диалог выступает данностью, которая складывалась в течение достаточно длительного периода сосуществования Российской и Австро-Венгерской империй, особенно интенсивно на рубеже веков, когда обе культуры подпитывались «острым предчувствием надвигающейся гибели» [2, с. 6], тем более удивительно, что именно на этот период приходится «звездный час австрийской словесности» [4, с. 8]. Австрийская литература, впитавшая в себя большое количество литератур на стыке пересечения западных и восточных влияний, становится исключительным явлением, отсюда следует, что «вникать в австрийскую литературу – значить узнавать *свое* и подобное своему – в пределах единства всей человеческой культуры» [6, с. 11] (курсив А.В. Михайлова).

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы привлечь внимание к творчеству Элиаса Канетти – самобытного художника XX века в контексте русско-австрийского литературного диалога. В рамках данной статьи не представляется возможным детально проследить «русский след» в творчестве Канетти, автор статьи ограничивается кратким обзором в рамках обозначенной темы, руководствуясь сравнительно-историческим методом исследования. На сегодняшний день имеются монографические исследования, посвященные рассмотрению интертекста русско-австрийского модернизма, философской прозы Австрии и России рубежа веков [2; 3], типологического родства поэтики отдельных писателей, что позволило автору данной статьи поместить в единую систему координат австрийского писателя Элиаса Канетти (1905-1994) и представителей русской/советской литературы [13; 14; 15; 16; 17].

Становление Канетти как писателя, будущего лауреата Нобелевской премии (1981), пришлось на 20-30 годы XX века, именно тогда возник замысел романа «Ослепление» и драмы «Свадьба» – произведений, близких по духу времени, в которых нашёл отражение

мир «в состоянии распада». Из автобиографических текстов Канетти следует, что «великие русские» - Гоголь, Достоевский, Толстой – оказали влияние на становление его эстетических взглядов, их имена довольно часто фигурируют на страницах автобиографической трилогии и в сборниках «Заметок» разных лет, Канетти высказывается о каждом из русских классиков, демонстрирует великолепное знание их творчества и биографии.

Гоголь для Канетти – «мой великий русский», именно у Гоголя он унаследовал «свободу вымысла» (*Freiheit der Erfindung*) [18, S. 204], которая позволила в романе «Ослепление» создать целый пласт так называемой «нефантастической фантастики» [5, с.167], размывающей границы между реальным и ирреальным, проявляющемся во внешности, в снах и в поведении персонажей (горбун Фишерле, мечтающий о шахматной короне; Петер Кин, синолог, «бумажный червь», живущий в полной изоляции от внешнего мира; Тереза, экономка Кина, ставшая обманным путем его женой и т.д.).

Толстому Канетти посвящает эссе – «Толстой, последний родоначальник» с оговоркой, что занимается «только *жизнью* Толстого, а не его произведениями» [8, с.101] (курсив Канетти), поскольку жизнь незаурядной личности не менее интересна, чем его творчество. Канетти интересуется религиозная эволюция позднего Толстого, его взаимоотношения с женой, которые «так же далеки друг от друга, как Кин и Тереза» (герои романа «Ослепление») [Там же, с. 102]. Для Канетти важно, что перед своим бегством из дома Толстой читает именно Достоевского, обращая внимание на те места в романе «Братья Карамазовы», где описана ненависть Мити к отцу. Риторический вопрос Канетти: «<...> может ли быть, чтобы моральное неприятие им ненависти замутило ему взгляд, и он не увидел покоряющего изображения Достоевского?» [Там же, с. 102], указывает на попытку найти объяснение случившимся переменам в мировидении Толстого, причем делает это при помощи литературы, обращения к гению Достоевского.

Перспективным, на наш взгляд, может стать исследование проблемы «масса и власть» на материале одноименного труда Канетти и романа «Война и мир». Мысли Канетти относительно дихотомии «масса-власть» созвучны рассуждениям Толстого в эпилоге романа «Война и мир». Контекстный анализ обоих произведений позволит воссоздать общую систему художественного мышления писателей-философов.

Погруженность Канетти в русскую классику легко объяснить, поскольку духовная жизнь Вены начала XX века – иллюстрация того, какую роль играла русская классическая литература в сознании европейцев, афористично звучит мысль Канетти о том, что лучший способ узнать человека – это обсуждать с ним все, что встречается у

Достоевского [18, S.163], «чье искусство – в бесдистанционности» [9, с.347], в погружении в потаенные уголки души.

Выбор трех следующих авторов – В.В. Розанова, А.П. Платонова, В.В. Набокова – также не случаен, поскольку позволяет обратить внимание на схожесть тематики и поэтики авторов, чьи судьбы не пересекались в историческом времени, но которые являются важнейшими «координатами» мирового литературного процесса, и, следовательно, частью русско-австрийского диалога.

Канетти (1905-1994) и В.В. Розанова (1856-1919) трудно назвать современниками, их разделяет практически полувекоевое несовпадение. Роман «Ослепление» вписывает автора в модернистский контекст, что проявляется как на сюжетно-фабульном уровне, так и на уровне языковой формы. Сопоставление Канетти и В.В. Розанова, «предтечи модернизма» [12, с.6] и «предвестника русского постмодернизма» [1, с. 4], возможно в аспекте жанра, названного условно «малой прозой», применительно к Канетти – это «заметки», которые выходили в разные годы в виде отдельных книг, у В.В. Розанова – это «опавшие листья» (книги «Уединенное», «Опавшие листья», «Смертное», «Сахарна», «Мимолетное» и «Последние листья») – «вершина его художественных достижений, завершение стилистических форм» [11, с. 713-714].

Высказывания Розанова об «опавших листьях», мыслях – сошедших «прямо с души, без переработки, без цели, без преднамеренья, - без всего постороннего... Просто «душа живет» ... то есть «жила», «дохнула» [10, с. 459] созвучны Канетти: все, что приходит в голову, «должно всплывать так, будто явилось ниоткуда и никуда не ведет, большей частью оно будет кратким, быстрым, часто – молниеносным, непроверенным, неуправляемым, несуетным и совершенно бесцельным» [7, с. 45-46]. Афористическое мышление присуще обоим авторам, которые в лаконичной форме запечатлели «шум времени», их мысли спонтанны, произвольны, фрагментарны. Оба писателя продолжают литературные традиции, связанные с афористическим жанром, однако, лишь в том смысле, что, работают в этом жанре. Их отличительная черта - свобода языковой формы, которая позволяет синхронно, подобно импрессионистам в живописи, отображать происходящее в динамике. «Заметки» Канетти и «опавшие листья» Розанова сближает также наличие схожих тем, оба автора касаются не только быта, но в большей степени бытия.

А.П. Платонова (1899-1951) и Канетти объединяет время, их мировидение, оба воспринимают новую реальность «как царство обезличенности», которое требует «новой» формы изображения действительности. Оба автора находятся в поиске особых языковых средств, отражающих провал естественной коммуникации, экспериментируют с мифологическими образами – трансформируют и модифицируют мифы.

Удивительно, что этот поиск увенчивается схожими находками: у Платонова – это нарочитая неправильность языка, косноязычие речи, у Канетти – это «акустическая маска», индивидуальная речевая характеристика, которая «закрепляется» за говорящим, подобно отпечаткам пальцев, делая его узнаваемым. Важную роль играет при этом несобственно-прямая речь как основа идиостиля обоих авторов, что прослеживается, например, в романах «Ослепление» и «Чевенгур». В обоих произведениях описаны пограничные ситуации существования персонажей, когда реальность искажена до предела, когда прошлое наслаивается на настоящее, когда не ясно, где заканчиваются явь и сон, жизнь и смерть. Перспективным на сегодняшний день является также исследование анималистического контекста обоих авторов. Национальная идентичность каждого – «русскость» Платонова и «австрийскость» Канетти – включает обоих в мировое культурное пространство.

Определенные жизненные перипетии сближают Канетти и В.В. Набокова (1899-1977), обнаруживая некую схожесть их судеб – оба жили в эмиграции (Канетти – в Англии, Набоков – в Германии и Америке), оба создавали свои произведения на иностранном языке (немецкий язык у Канетти не является родным языком), оба обращались в своем творчестве к «шахматной теме» (у Канетти – один из героев романа грезит о шахматной короне, у Набокова – главный герой романа «Защита Лужина» - гроссмейстер), оба используют пародию в качестве одного из доминирующих принципов поэтики. Кроме того, участвуют в создании «берлинского текста». Гипотетически можно допустить, что Канетти и Набоков в 30-е годы могли пересекаться в Берлине, несмотря на то, что на сегодняшний день нет этому подтверждения, оба автора оставили субъективный портрет немецкой столицы того периода, для обоих писателей Берлин – «промежуточная станция» (у Канетти – это трехмесячная «остановка в пути», у Набокова – целых 15 лет – с 1922 по 1937 гг.). В обоих случаях «берлинский текст» является сугубо индивидуальным отражением их жизни (у Канетти Берлин – антипод австрийской столицы, это «толчея имен», где на каждом углу можно натолкнуться на знаменитость, это город новых возможностей; у Набокова – антипод любимого Санкт-Петербурга, поэтому так явственно противопоставление «своего» и «чужого», для него Берлин – чужое пространство.

Особое место среди русских авторов занимает Исаак Бабель (1894-1940), русский-советский писатель, с которым Канетти был лично знаком, их встреча состоялась в 1928 году в Берлине, продлилась не более двух недель, однако на всю жизнь осталась в памяти австрийского писателя, о чем можно прочитать во второй книге его автобиографической трилогии [18]. Следующая цитата, приведенная биографом Канетти С. Ханушкой, отражает главную суть этих

взаимоотношений: «Среди всех русских он мне ближе всех. Мое воспоминание о его глубоком уважении к Гоголю и его почитание Мопассана, как я сейчас вижу, меня не обмануло. О Достоевском и Толстом он вряд ли говорил со мной» [19, S.170]. Трагическая судьба Бабеля, ставшего жертвой репрессий, волновала Канетти до последних дней его жизни. Тогда, в Берлине, он стал для молодого Канетти архетипом хорошего человека, полной противоположностью Б. Брехту, с которым Канетти также познакомился в Берлине, таким же бескомпромиссным остался для него на всю жизнь.

Предпринятая в данной статье попытка «скрещения судеб» русских/советских писателей и австрийского писателя Элиаса Канетти не претендует на полноту охвата этой темы, увлекательной и перспективной, это лишь частный случай такого сложного явления, как русско-австрийский литературный диалог, позволяющий выстроить литературно-исторический контекст эпохи.

Список литературы

1. Басинский П. Адъютанты их превосходительств: Новейшая литература в контексте Розанова и Набокова // Литературная газета. – 1993. – 15 дек. – № 50. – С. 4.
2. Жеребин А.И. Абсолютная реальность («Молодая Вена» и русская литература). – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 160 с.
3. Жеребин А.И. Вертикальная линия. Философская проза Австрии в русской перспективе. – СПб.: Мирь; ИД СПбГУ, 2004. – 304 с.
4. Затонский Д. Австрийская литература в XX столетии. – М.: Художественная литература, 1985. – 444 с.
5. Манн Ю.В. Встреча в лабиринте. (Франц Кафка и Николай Гоголь) // Вопросы литературы. – 1999. – № 2. – С.162-186.
6. Михайлов А.В. Избранное: Феноменология австрийской культуры. – Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив. Университетская книга, 2009. – 392 с.
7. Канетти Э. Диалог с жестоким партнером: Пер. С. Шлапоберской // Человек нашего столетия: Пер. с нем./Сост. и авт. предисл. Н.С. Павлова; Коммент. Р.Г. Каралашвили. – М.: Прогресс, 1990. – С.44-58.
8. Канетти Э. Толстой, последний родоначальник: Пер. С.Шлапоберской // Человек нашего столетия: Пер. с нем./Сост. и авт. предисл. Н.С. Павлова; Коммент. Р.Г.Каралашвили. – М.: Прогресс, 1990. – С. 96-102.
9. Канетти Э. Из книги: «Тайное сердце часов. Заметки 1973-1985»: Пер. С. Власова // Человек нашего столетия: Пер. с нем./Сост. и авт. предисл. Н.С.Павлова; Коммент. Р.Г.Каралашвили. – М.: Прогресс, 1990. – С.310-358.

10. Розанов В.В. Уединенное // Несовместимые контрасты жития. – М.: Искусство, 1990. – С.459-540.
11. Сукач В.Г. Комментарии // В.В. Розанов. О себе и жизни своей. – М.: Московский рабочий, 1990. – С.713-808.
12. Фатеев В.А. Публицист с душой метафизика и мистика // В.В.Розанов: Pro et contra / В.В.Розанов: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. – Кн. 1. /Сост., вступ.ст. и прим. В.А.Фатеева. – СПб: РХГИ, 1995. – С.5-36.
13. Шастина Е.М. Рецепция русской литературы в творчестве Элиаса Канетти // Вестник ННГУ. – Нижний Новгород: Издательство ННГУ, 2014. – № 2(3) – С. 193-199.
14. Шастина Е.М. Э. Канетти и В. Набоков: поэтика пародийности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 8. – С. 210-212.
15. Шастина Е.М. «Берлинский текст» В.В. Набокова и Э.Канетти //Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 6. – Ч. 1. – С.206-209.
16. Шастина Е.М. Э. Канетти и А. П. Платонов: опыт «стилевого сближения» // Научный диалог. – 2016. – № 3 (51). – С. 158–169.
17. Шастина Е. М. Анималистические образы в прозе Э. Канетти и А. П. Платонова / Е. М. Шастина, Н. Э. Сейбель // Научный диалог. – 2017. – № 1. – С. 105–116.
18. Canetti E. Die Fackel im Ohr. Lebensgeschichte (1921-1931). – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, cop. – 1996. – 348 S.
19. Hanuschek S. Elias Canetti. Biographie. β München-Wien: Carl Hanser Verlag, 2005. – 800 S.

УДК 81'272

Шониёзова С.Н.

Ташкентский государственный транспортный университет

Аннотация. В статье затрагиваются вопросы структурной организации языка как воплощение социального посредством функционирования лексических, грамматических средств. Материал отражает также такие специфические проявления социального как идеологические, познавательные моменты. Автор ставит вопрос о правильности понимания социальной сущности языка, которая имеет важное значение не только для постижения законов исторического развития, функционирования языка, но и социума и индивида на язык, а также понимания роли языка в жизни общества и индивида.

Ключевые слова: социальная сущность языка, социолингвистика, социальные факторы, взаимоотношения социального и внутривидового в языке, языковая ситуация, языковая политика.

Shoniyozova S.N.

Tashkent State Transport University

ON THE CLASSIFICATION OF SOCIOLINGUISTIC FACTORS

Annotation. *The structural organization of language is the materialization of the social. Lexical, grammatical, ideological, cognitive and functional act in the language as specific manifestations of the social. In this regard, a correct understanding of the social essence of the language is of decisive importance a) for the knowledge of the laws of historical development, functioning and interaction of different languages; b) to understand the influence of society and the individual on the language; c) to understand the role of language in the life of society and the individual; d) to understand the role of language in the development of human society in the past, present and future.*

Key words: social essence of language, sociolinguistics, social factors, relationship between social and infrastructural in language, language situation, language policy.

Shoniyozova S.N.

Toshkent davlat transport universiteti, o'qituvchi

SOTSIOLINGVISTIK OMILLARNI TASNIFLASH MASALASIGA

Izoh. *Tilning strukturaviy tashkil etilishi - ijtimoiy moddiy lashuvdir. Tildagi leksik, grammatik, mafkuraviy, kognitiv va funksional ijtimoiyning o'ziga xos ko'rinishlari sifatida aks ettiradi. Shu munosabat bilan tilning ijtimoiy mohiyatini to'g'ri tushunish hal qiluvchi ahamiyatga egadir a) turli tillarning tarixiy taraqqiyoti, faoliyati va o'zaro ta'siri qonuniyatlarini bilish uchun; b) jamiyat va shaxsning tilga ta'sirini tushunish; v) tilning jamiyat va shaxs hayotidagi rolini tushunish; d) insoniyat jamiyati taraqqiyotida tilning o'tmishda, hozirgi va kelajakdagi rolini tushunish.*

Kalit so'zlar: tilning ijtimoiy mohiyati, sotsiolingvistika, ijtimoiy omillar, tildagi ijtimoiy va ichki tuzilmalar o'rtasidagi munosabat, til vaziyati, til siyosati.

Tildagi ijtimoiy va ichki tuzilmalar o'rtasidagi munosabatlar muammosi zamonaviy tilshunoslikning eng muhim muammolaridan biridir, chunki tilga ijtimoiy "inson" omillarining ta'sirini bartaraf etish mumkin emas. Ijtimoiy omil - bu inson faoliyatining ma'lum bir sohasida turli tuzilmalarning muntazam ravishda tashkil etilgan ijtimoiy harakati. Nutq faoliyati jarayonida ijtimoiy omil til ijtimoiyligining o'ziga xos ko'rinishini keltirib chiqaradi va belgilaydi.

Ijtimoiy omil o'z tuzilishiga ega. Ijtimoiy omil strukturasi asosiy elementlari: 1) harakat predmeti; 2) ta'sir qilish ob'ekti; 3) harakat predmeti tegishli bo'lgan muhit; 4) harakat ob'ekti tegishli bo'lgan muhit; 5) sub'ektning harakat vositalari; 6) sub'ekt harakatining maqsad va vazifalari.

Tilning faoliyat yuritishi va rivojlanishining asosiy ijtimoiy omillariga quyidagilar kiradi: ijtimoiy-iqtisodiy formatsiyalar tufayli yuzaga

kelgan ijtimoiy omillar; ommaviy kommunikatsiya va ta'lim tizimi; diniy mafkura vakillarining tabiat hodisalari va jamiyat hayotini turlicha talqin qilishlari; tillarning o'zaro ta'siri; ilmiy va kognitiv ahamiyatga ega ijtimoiy omillar; mafkuraviy mazmun; estetik reja; ijtimoiy hayot hodisalarini axloqiy tushunish; tilning ijtimoiy-professional tabaqalanishi.

Tilning ichki qonunlari in'om yoki tabiatning ijodi emas. Ular xalq nutqi faoliyati doirasida tilning uzoq muddatli faoliyati va rivojlanishi jarayonida tarixan shakllanadi. Nutq faoliyati ijtimoiy faoliyatning bir turidir. Bu faoliyatdan tashqarida tilning ichki qonuniyatlari shakllanmaydi. Tilning ichki qonuniyatlari tilni, uning tuzilishini tartibga soluvchi asosiy kuch, xususan, tilning so'zlashuvchilar ehtiyojiga mos ravishda faoliyat yuritishini ta'minlovchi kuchdir.

Aynan shuning uchun ham eng boshidanoq fonologik, morfologik, sintaktik, leksik-semantik, stilistik kichik tizimlarning shakllanishi va rivojlanishi jarayonlari ijtimoiylashadi. Tilning ichki tuzilishi tilining barcha darajalari ijtimoiy omillar va tilning ichki qonuniyatlarining o'zaro ta'siri sharoitida shakllanadi va rivojlanadi.

Lug'at ijtimoiy omillarning eng kuchli ta'siriga duchor bo'ladi. Bu so'z boyligining turli qatlamlarida turlicha namoyon bo'ladi. Har xil turdagi ijtimoiy omillarning lug'at rivojlanishining ichki tuzilmalariga nisbatan ustunligi fonetika, morfologiya va sintaksisdan farqli o'laroq, asosiy rol ichki tuzilishga tegishli bo'lganligi aniq. Biroq, lug'atning ba'zi qatlamlarida o'zgarishlar ichki tuzilmalar ta'sirida ham sodir bo'lishi mumkin (qarang: pishiriq - pishiriq - pishirilgan - pishirilgan, bu erda hal qiluvchi rol leksik va morfologik tizimlar rivojlanishining doimiy ishlaydigan ichki tuzilmalariga tegishli. (ma'lum bir til). Binobarin, lug'at rivojlanishining ijtimoiy omillari va ichki tuzilmaviy qonuniyatlari alohida emas, balki ularning o'zaro ta'sirida hisobga olinishi kerak. So'z boyligining rivojlanishini jamiyat taraqqiyotidagi asosiy bosqichlarning in'ikosi sifatida ko'rish kerak.

Tilning fonetik tizimida ijtimoiy omillarning ta'siri kamroq seziladi. Tilning ichki qonuniyatlari va ijtimoiy omillarning o'zaro ta'siri fonemalarni o'zlashtirganda (masalan, yunon tilidan /f/ fonemasini o'zlashtirishda) kuzatiladi. Lekin bu fonemaning rivojlanishiga to'sqinlik qilishi mumkin.

Tilning morfologik tizimi ma'lum bir nisbatan barqaror jamiyatning nutq faoliyati jarayonida tarixan shakllanadi, ya'ni sotsiallik ham tilning morfologik tizimi tabiatiga xos bo'lishi kerak. Bunga asosan uchta asosiy omil ta'sir qiladi: a) keng ma'noda ijtimoiy rivojlanish; b) ichki tuzilmaviy o'zgarishlar; v) chet tilning ta'siri.

Jamiyat va ijtimoiy omillarning sintaksisga ijobiy ta'sir etish imkoniyati ham isbotlangan. Bu, masalan, yangi iboralarning paydo bo'lishi. Bu jarayonlarda a) ishlab chiqarishdagi jamoalarning ko'p millatli tarkibi; b) milliy rus tilidan yoki har qanday ikki tillilikdan keng foydalanish; v) milliy tillarda yangi turdagi iboralar, sodda va murakkab jummalarni qo'llashning yuqori chastotasi.

Stilistik tizimlar lugʻat, fonetika, morfologiya va sintaksisdan koʻra tillarning ijtimoiy vazifalari, turli ijtimoiy subyektiv omillarning rivojlanishiga koʻproq bogʻliqdir. Funktsional uslublarning shakllanishi quyidagilarga bogʻliq: a) uzoq vaqt davomida tizimli ravishda nashr etilgan adabiyotlarning hajmi va janriga xosligi; b) ushbu adabiyotdan uzoq vaqt davomida tizimli ommaviy foydalanish chastotasi; v) tilning ijtimoiy funksiyalarining rivojlanish surʻati va chegaralari haqida.

Ijtimoiy tilshunoslikda milliy til, xalq tili, adabiy til tushunchalarini farqlash zarur. Milliy til - muayyan millatning barcha mavjudlik shakllari (hududiy va ijtimoiy dialektlar, ogʻzaki nutqning umumlashgan turlari - xalq tili va koine, adabiy til) yigʻindisidagi tilidir. Milliy til arxistemasida ustun mavqeni adabiy til – milliy til mavjudligining eng oliy shakli egallaydi: 1) ishlov berish va tartibli; 2) normativlik va kodifikatsiya; 3) anʻanalarning barqarorligi va davomiyligi; 4) rivojlangan stilistik farqlash; 5) jamoaning barcha aʼzolari uchun majburiy; 6) universallik (muloqotning barcha sohalariga xizmat koʻrsatish); 7) ogʻzaki va yozma turlarning mavjudligi.

Biz yashayotgan dunyo murakkab, ziddiyatli va xilma-xildir. Bundan tashqari, u rivojlanib borar ekan, u juda jadal oʻzgarib bormoqda: qarama-qarshi kuchlarning uygʻunligi va muvozanati oʻzgarmoqda, ijtimoiy ustuvorliklar oʻzgarib bormoqda, etnik-madaniy qadriyatlar qayta baholanmoqda. Dunyoning siyosiy xaritasi bilan bir qatorda uning lingvistik palitrasi ham oʻzgarmoqda.

Gʻarbiy Evropa mamlakatlaridagi til holati tillarning kommunikativ imkoniyatlarini, davlatning ijtimoiy-iqtisodiy tuzilishini, shuningdek, xalqning tarixiy va madaniy anʻanalarini aks ettiradi. Gʻarbiy Evropadan farqli oʻlaroq, Shimoliy Amerika mamlakatlaridagi vaziyat mustamlaka tillari (ingliz, frantsuz, ispan, golland, nemis, shved) oʻrtasidagi ijtimoiy-funksional "tarqatish" taʼsiri ostida rivojlandi. Ushbu qitʼada zamonaviy koʻp tillilik asrlar davomida rivojlangan.

Ingliz imperator-mustamlakachilik shovinizmi va irqchilik negizida "erish qozoni" siyosati shakllandi. Uni amalga oshirishning asosiy kanallari maktab, ommaviy axborot vositalari, ommaviy madaniyat, boshqaruv apparati, ishlab chiqarish aloqalari edi. AQSH til siyosatining oʻziga xos belgilari amerikalik-tsentrizm, antidemokratizm, avtoritarizm va shovinizmdir. Mustamlakachilikdan keyingi makonda til vaziyati oʻzgarishining asosiy tendentsiyasini "milliylashtirish" atamasi bilan aniqlash mumkin, bunda quyidagilar tushuniladi: 1) sobiq mustamlaka tilining muntazam ravishda siljishi va uning avtohton til bilan almashirilishi;

2) avtohton tillarni normalashtirish va modernizatsiya qilish (leksik tarkibni boyitish, terminologiyani rivojlantirish, grammatik tizimni tartibga solish, stilistik farqlash); 3) tilni Oʻzlashtirilgan soʻzlardan tozalash va tegishli lugʻat va terminologiyani avtohton til resurslari bilan toʻldirishga qaratilgan purist harakat; 4) tilning yozma va ogʻzaki shakllari oʻrtasidagi

tafovutlarni kamaytirish, shuningdek, yozuvni isloh qilish yo‘li bilan demokratlashtirish. Shunday qilib, avtohton tillarning ijtimoiy funksiyalarini rivojlantirish va kengaytirish istiqbollari masalasi ko‘pchilik "rivojlanayotgan" mamlakatlarning til siyosatining asosiy jihatlaridan biridir.

Adabiyot

1. Bondaletov V.D. Socialnaya lingvistika. – M., 1987. – 160 p.
2. Desheriev Yu.D. Socialnaya lingvistika. – M., 1977. – 382 p.
3. Karasik V.I. Yazik socialnogo statusa. – M., 2002. – 495 p.
4. Krisin L.P. Yazik v sovremennom obschestve. – M., 1977. – 136 p.
5. Leontev A.A. Yazik kak socialnoe yavlenie. // Izvestiya AN SSSR. Ser. lit. i yaz. – 1976. – T. 3 – P. 299-307
6. Ontologiya yazika kak obschestvennogo yavleniya – M., 1983. – 311 p.

УДК 37.034

Юлдашева М.Г.¹

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент **Быков А.В.**¹

¹Елабужский институт Казанского федерального университета

МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ РАЗВИТИЯ ДУХОВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ

Аннотация. *В данной статье мы рассмотрели проблему духовно-эмоционального интеллекта школьников. Изучили как при помощи различных педагогических технологий и методов раскрывается теория и практика развития эмоционального интеллекта.*

Ключевые слова: «Духовный интеллект»; «Эмоциональный интеллект»; духовно-нравственное развитие; духовно-нравственные ценности; педагогические технологии.

Yuldasheva M.G.¹

Research Advisor – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Bikov A.V.¹

¹Yelabuga Institute of Kazan Federal University

METHODS AND TECHNIQUES FOR DEVELOPING SPIRITUAL – EMOTIONAL INTELLIGENCE IN LITERATURE LESSONS AT SCHOOL

Abstract. This article deals with the problem of spiritual and emotional intelligence of Uzbek schoolchildren. The theory and practice of emotional intelligence development by various pedagogical technologies are revealed.

Key words: "Spiritual intelligence"; "Emotional intelligence"; spiritual and moral development; spiritual and moral values; pedagogical technologies; empirical methods

На сегодняшний день воспитание и развитие духовно-нравственной сферы современных детей является одной из приоритетных целей государственной политики. Существует необходимость реализации современного национального воспитательного идеала, которым является "высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененный в духовных и культурных традициях многонационального народа России".

В последнее время понятия «эмоциональный интеллект» и «духовный интеллект» приобретают широкую известность, как в научной среде, так и в сфере практического применения.

В основу современных исследований проблемы источников и условий духовно-нравственного благополучия необходимо включать анализ не только рациональных регуляторов деятельности, но и аффективных её составляющих, поскольку платформу духовно-нравственного развития всегда составляют эмоциональные переживания.

Термин «духовный интеллект» впервые был введён бизнес-тренером Даной Зохар, по её определению, это способность, с помощью которой мы познаем смысл событий и своей жизни, а также решаем проблемы смысла и ценностей.

Синди Вигглесворт сформировал понятие следующим образом:

«Духовный интеллект — это способность действовать с мудростью и состраданием, поддерживая мир и гармонию как внутри себя, так и в отношении к окружающим. И, что наиболее важно, вне зависимости от текущей ситуации».

То есть, человек с высоким духовным интеллектом способен даже в эмоционально накаленной обстановке оставаться в равновесии и влиять на окружающих и, в то же время, быть внутренне свободным от их влияния. Быть человеком, принимающим осознанные мудрые решения, то есть быть подлинным лидером.

Понятие «эмоциональный интеллект» было введено П.Сэловеем и Дж. Мэйером в 1990 году, с этого момента многие ученые трактуют его по-разному [1]. По определению П. Сэловея, Дж.Мэйера и Д.Карузо, под эмоциональным интеллектом понимают группу ментальных способностей, которые способствуют осознанию и пониманию собственных эмоций и эмоций окружающих (модель способностей) [2].

По мнению российского учёного Д.В. Люсина эмоциональный интеллект определяется как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими. Как способность к пониманию, так и способность к управлению эмоциями может быть направлена и на собственные эмоции, и на эмоции других людей. Соответственно данная модель объединяет представления о единстве внутриличностного и межличностного эмоционального интеллекта [3]. Исходя из определения Д. В. Люсина, можно прийти к выводу, что эмоциональный интеллект связан как с личностными свойствами, так и с когнитивными способностями человека [4].

Автор выделяет три фактора, влияющих на эмоциональный интеллект:

1. когнитивные способности (скорость и точность переработки эмоциональной информации);
2. представление об эмоциях (как о ценностях и важном источнике информации о себе и других людях);
3. особенности эмоциональности (эмоциональная устойчивость, эмоциональная чувствительность и т. д.).

Ныне особенность духовно-эмоционального интеллекта обучающихся подросткового возраста обострилась сложившейся ситуацией в современном обществе. Причины заключаются в смене идеологических ориентаций, в смещении ценностных приоритетов, следствием чего является снижение значимости духовного развития и воспитания.

Кроме этого, духовно-нравственное воспитание является одним из основных компонентов образовательного процесса в школе. Общеобразовательные учреждения, реализуя множество педагогических задач, подходят к развитию личности учащегося комплексно, используя формы урочной и внеурочной деятельности. Факультативные занятия, которые представляют одну из наиболее результативных форм внеурочной деятельности, открывают широкие возможности для совмещения образовательных, развивающих и воспитательных целей.

Отмечается также, что чтение художественной литературы теряет свою популярность среди детей школьного возраста. Чаще всего причины просты: подростки не знают, что читать. Ценность классической литературы проверена веками: классика является источником совокупного духовного опыта человечества. Изучая художественные произведения, учащиеся получают представление не только об истории и культуре своей страны, но и о нравственных и духовных ценностях.

Эффективными методами развития духовно-эмоционального интеллекта учащихся являются педагогические мастерские,

инфографика, такие методы и приёмы, как работа с кластерами, метод «маленьких человечков». Во-первых, эти методы и приемы подразумевают эмоциональное погружение в художественное произведение, активное воздействие на эмоции учащихся при помощи поэзии, музыки, живописи и т.д.; во-вторых, диалоговая работа способствует умению понимать эмоции одноклассников, контролировать и управлять своими эмоциями.

Таким образом, мы пришли к выводу, что процесс развития духовно-эмоционального интеллекта учащихся основной школы на уроках и факультативных занятиях по литературе будет осуществляться более эффективно при условии использования разнообразных материалов, а также с применением современных информационно-коммуникационных технологий, была подтверждена.

Список литературы

1. Робертс Р.Д., Меттьюс Дж., Зайднер М., Люсин Д.В. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения в практике // Журнал Высшей школы экономики. Психология. – 2018. – Т. 1. – №4. – С. 3-24.
2. Титова С.А. Духовно-нравственное воспитание / Минск: Красико – Принт, 2020. – С.125.
3. Бауэр А.А. Духовно-нравственное развитие учащихся в условиях реализации ФГОС посредством внеурочной деятельности // Молодой ученый. – 2018. – №48.1. – С. 2-4.
4. Данилов А.Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России: извлечения / А.Я. Данилов, А.М. Кондаков, В.А. Тишков // Народное образование. – 2020. - №1. – С. 39.
5. Андросова М.И. Психология: учеб. пособие. – Киров: изд-во ЩГО, 2017-2000.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айылчиева Дилара Турсуналиевна, кандидат филологических наук, доцент, Жалал-Абадский государственный университет имени Б.Осмонова, г. Жалал-Абад, Кыргызстан

Аманликова Нафиса Рахматуллаевна, преподаватель, Ташкентский государственный транспортный университет, г. Ташкент

Атамухамедова Гузаль Сабиржановна, преподаватель, Ташкентский государственный транспортный университет, г.Ташкент, Узбекистан

Ахмедов Оскар Валиевич, ассистент, Ташкентский государственный транспортный университет, г.Ташкент, Узбекистан

Ахрарова Нигора Сабировна, преподаватель, Ташкентский государственный транспортный университет, г.Ташкент, Узбекистан

Бабаходжаев Рашид Хашимович, кандидат филологических наук, доцент, Ташкентский государственный транспортный университет, г.Ташкент, Узбекистан

Бабаходжаева Малика Хашимовна, кандидат филологических наук, доцент, Ташкентский государственный транспортный университет, г.Ташкент, Узбекистан

Багышбекова Нуркыз, магистрант, Жалал-Абадский государственный университет имени Б.Осмонова, г. Жалал-Абад, Кыргызстан

Балтабаева Элгиза Муратовна, преподаватель, Жалал-Абадский государственный университет имени Б.Осмонова, г. Жалал-Абад, Кыргызстан

Бачкова Ангелина Георгиевна, магистрант, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Белоусова Мария Валериановна, аспирант, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Бубекова Лариса Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Воронцова Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет, г. Челябинск

Гребенкина Есения Константиновна, старший преподаватель, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Данилова Юлия Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Долгополова Лилия Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, г. Симферополь

Забалуев Марк Денисович, аспирант, Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань

Загребина Ульяна Сергеевна, магистрант, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Закирова Оксана Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Зверева Ксения Сергеевна, магистрант, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Зеленина Тамара Ивановна, доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Злобин Андрей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, Вятский государственный университет, г. Киров

Ибрагимова Эльмира Рашитовна, кандидат филологических наук, доцент, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Иванова Варвара Сергеевна, студент, Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань

Ивыгина Алёна Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Калмурзаева Айчурок Абдирашидовна, кандидат филологических наук, доцент, Жалал-Абадский государственный университет имени Б.Осмонова, г. Жалал-Абад, Кыргызстан

Камилова Мукадас Гаппаровна, преподаватель, Ташкентский государственный транспортный университет, г. Ташкент, Узбекистан

Килина Лилия Фаатовна, кандидат филологических наук, доцент, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Комарова Диана Борисовна, студент, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Копылова Татьяна Рудольфовна, кандидат филологических наук, доцент, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Корнева Оксана Валерьевна, учитель, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение Бимская средняя общеобразовательная школа Агрызского муниципального района Республики Татарстан

Краснова Анастасия Викторовна, студент, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Кудрявцева Екатерина Львовна, кандидат педагогических наук, член Международного совета по многоязычию и Межкультурной коммуникации IКаRuS e.V., научный руководитель международной сетевой лаборатории «Инновационные технологии в сфере

поликультурного образования» Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Грайфсвальд, Германия

Курбанбаева Дарья Сергеевна, ассистент, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Мельничук Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск

Милютин Марина Георгиевна, доктор филологических наук, доцент, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Мухаметшина Динара Ринатовна, старший преподаватель, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Прохорова Лариса Петровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово.

Пупышева Евгения Леонидовна, кандидат педагогических наук, доцент, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Равилова Лилия Фоварисовна, студент, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Рождественская Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Русанова Оксана Сергеевна, ассистент, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Сагдуллина Ильсина Раилевна, Средняя общеобразовательная татарско–русская школа №113 с углубленным изучением отдельных предметов им. Героя России М.Р. Ахметшина», г. Казань,

Салимова Дания Абузаровна, доктор филологических наук, профессор, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Самсонова Марианна Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой французской филологии, Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск

Тойкина Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, директор НОЦ "Инновационное проектирование в мультилингвальном образовательном пространстве" Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Толипова Дилдора Соттихоновна, преподаватель, Ташкентский государственный транспортный университет, г.Ташкент, Узбекистан

Федорова Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Хайдаров Язгар Рифович, кандидат филологических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово.

Халиуллина Диля Альфредовна, аспирант, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Хасанова Вазира Хамиджановна, преподаватель, Ташкентский государственный транспортный университет, г.Ташкент, Узбекистан

Хасанова Дина Рустамовна, студент, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Шакирова Алина Мунировна студент, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Шастина Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Шониёзова Садокат Назаровна, преподаватель, Ташкентский государственный транспортный университет, г.Ташкент, Узбекистан

Шпилева Галина Сергеевна магистрант, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Юлдашева Мафтүна Гайрат кизи, магистрант, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Научное издание

ЕЛАБУЖСКИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник научных трудов

Международной научно-практической конференции

Под редакцией

О.В. Закировой, Э.Р. Ибрагимовой.

Верстка и дизайн – Центр оперативной печати «АБАК»
Подписано к публикации .10.2022 г. Гарнитура «Times».
Формат 60x84/16. Печать цифровая. Бумага ВХИ. Усл.п.л.
г. Елабуга, ул. Пролетарская, 34
Тел.: (85557) 3 36 71